

СЭМЬЮЭЛ М. ЦВЕМЕР

ЗАКОН ОБ ОТСТУПНИЧЕСТВЕ В ИСЛАМЕ

(ОТВЕТ НА ВОПРОС,
ПОЧЕМУ ТАК МАЛО МУСУЛЬМАН
ПЕРЕХОДИТ В ХРИСТИАНСТВО,
С ПРИВЕДЕНИЕМ ПРИМЕРОВ ИХ ОТВАГИ
И ГОТОВНОСТИ К САМОПОЖЕРТВОВАНИЮ)

www.muhammadanism.org
August 16, 2007
Russian

Издательство
«МАРШАЛЛ БРАЗЕРС, ЛИМИТЕД»
ЛОНДОН, ЭДИНБУРГ & НЬЮ-ЙОРК

[см. фотографию на сл. стр.]

ГИПСОВАЯ ОТЛИВКА ИЕРОНИМО (ХЕРОНИМО),
из музея в Алжире. (См. стр. 89 оригинала).

[Надпись от руки на оригинале:
«С искренним уважением
Сэм Цвемер»]

Напечатано в Великобритании
типографией
«Хант, Барнард & Ко., Лимитед»,
Эйлсбери.

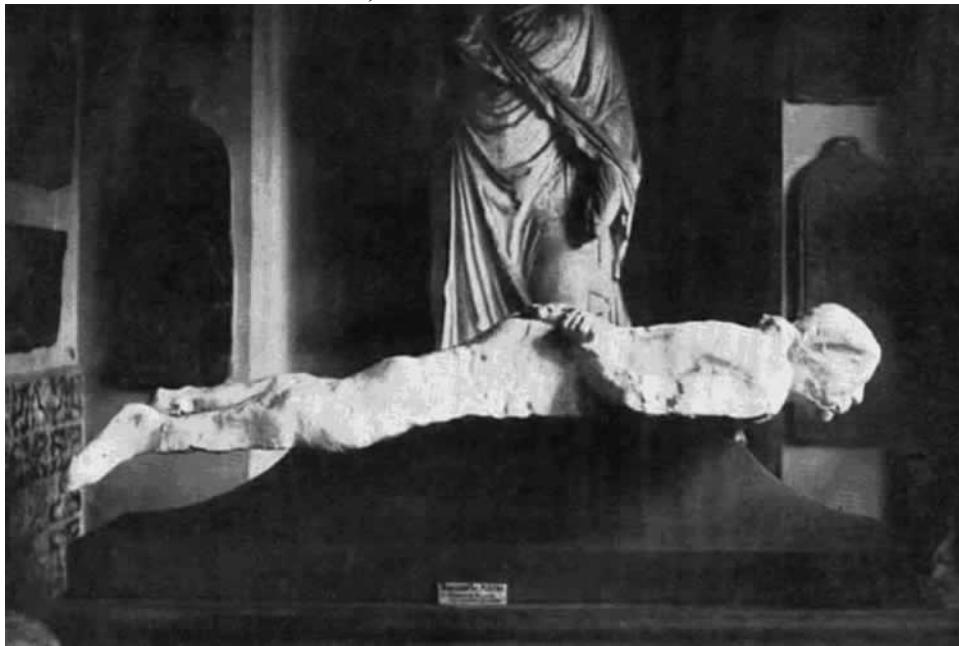

THE LAW OF APOSTASY IN ISLAM

ANSWERING THE QUESTION WHY THERE
ARE SO FEW MOSLEM CONVERTS, AND
GIVING EXAMPLES OF THEIR MORAL
COURAGE AND MARTYRDOM

BY
SAMUEL M. ZWEMER

MARSHALL BROTHERS, LTD.
LONDON, EDINBURGH & NEW YORK

PLASTER CAST OF GERONIMO
As it is found in the Museum at Algiers. (See page 89).

with sincere regard
Y. M. Zwemer.

Printed in Great Britain
by
Hunt, Barnard & Co., Ltd.,
Aylesbury.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	12
I. ПОЧЕМУ ТАК МАЛО МУСУЛЬМАН ПЕРЕХОДИТ В ХРИСТИАНСТВО?	13
II. ЗАКОН ОБ ОТСТУПНИЧЕСТВЕ	31
III. ...И КАК ОН ДЕЙСТВУЕТ	55
IV. ВЕКА НЕТЕРПИМОСТИ И ГОНЕНИЙ	75
V. ТАЙНЫЕ УЧЕНИКИ ХРИСТА	103
VI. РАССВЕТ НОВОЙ ЭРЫ	129
VII. БИБЛИОГРАФИЯ	163

«Вопрос об отступничестве предоставляет противникам ислама богатый материал для выдвижения обвинений во всякого рода жестокостях по адресу веры Магомета (да будет мир и благословения его святой душе!). Однако не бывало еще на свете столь необоснованных утверждений, чем эти. Привычка, которая сама по себе служит поводом для выдвижения тех или иных необоснованных и в высшей степени несправедливых обвинений в адрес ислама, является конечным результатом умственной деятельности, главные элементы которой основаны на присутствии этим людям предубеждения против ислама в сочетании с невежеством. Это — игнорирование истинного и неподдельного ислама, которое неизменно в самых различных формах проявляется на страницах прессы и в рамках христианской миссионерской пропаганды, где исламское учение принято рисовать в самых мрачных тонах».

Журнал «Исламик Ревью» за ноябрь 1916 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ИСТОРИЯ гласит, что Дамокл, находившийся при дворе Дионисия Сицилийского, объявил последнего самым счастливым человеком на земле. Однако когда Дамоклу было позволено самому посидеть на царском престоле, он обнаружил над своею головою меч, висящий на конском волоске! Все мысли о воображаемом счастье властителя тут же улетучились, и Дамокл стал умолять Дионисия разрешить ему покинуть столь опасное место, как трон. Сегодня мы читаем о новых правах, свободах и обещаниях равенства меньшинствам, находящимся под мусульманским господством; и журналисты с газетных страниц уверяют нас, что на Ближнем Востоке наступила новая эра. Экономическое развитие, интеллектуальное пробуждение, реформы, конституции, парламенты и множество всяких обещаний! Тем не менее, разве не продолжает до сих пор над головой каждого обращенного из ислама в христианство висеть Дамоклов меч? Является ли этот «новый» ислам более терпимым, чем «старый»? Не находятся ли в опасности жизнь и имущество обращенных в христианство, и так ли уж хорошо будут уважаться в исламских странах права меньшинств? Моя маленькая книжечка является попыткой ответить на один из аспектов этих поистине больших вопросов, все из которых представляют чрезвычайную важность для деятельности христианских миссий.

Снова и снова давление со стороны европейских государств, при поддержке немногочисленных просвещенных умов Востока, направляется на то, чтобы отстоять равные перед законом права для всех религий и народов на Ближнем Востоке. Но сколько бы ни предпринималось подобных попыток, все они терпели неудачу, и каждое новое поражение оказывалось более катастрофичным, чем предыдущее. Дело в том, что все сознание и внутренние убеждения даже самых искренних и честных мусульман тесно связаны с Кораном и с учением, содержащимся в магометанском Священном Предании. И цивилизация не в

состоянии искоренить эти глубоко укоренившиеся убеждения. Винтовки и броненосцы, новомодные кафе и театры, написанные на бумаге конституции и представительные парламенты — все это затрагивает уклад мусульманской жизни лишь на поверхности. Перед мусульманами должны раскрыться перспективы действительно настоящей независимости, более глубокого религиозного опыта, и жизни, более высокой, чем та, которую можно достичь благодаря лишь своей собственной вере, дабы они смогли пожелать для себя большей свободы — той свободы, которой обладаем мы.

Доктор Снаук-Ургронье, которого, при чтении написанного им по этому предмету, нельзя обвинить ни в невежестве, ни в предвзятости, отмечает: «Целая серия законов, которые в соответствии с исламской религией {8} должны регулировать взаимоотношения между верующими и неверующими, является абсолютно логичным следствием развития их невообразимой смеси религии и политики, в ее подлинно средневековых формах. То, что лицо, обладающее материальной властью, должно также владеть и умами, воспринимается на Востоке как само собой разумеющееся. Возможность же того, что приверженцы различных религий смогли бы жить вместе, как граждане одного и того же государства с совершенно равными правами, полностью исключается. Такова была ситуация в средние века не только с магометанами: и до, и еще долгое время после Реформации наши предки не очень отличались в своих суждениях по этому вопросу от мусульман. Основное отличие заключается в том, что ислам представил все эти средневековые положения в форме вечных законов, так что последовавшим поколениям, даже если их взгляды со временем и изменились, оказалось довольно затруднительно от них освободиться».¹

Среди законов, которые регулируют взаимоотношения между мусульманским сообществом и теми, кто желает оставить его и перейти в какую-нибудь иную веру, существует закон об отступничестве. Показать, что представляет собою этот закон; как он действует — и в рамках мусульманского общества, и по отношению к отдельной личности; как он влияет на отношение ислама к христианству, и как жизненно необходимо упразднить этот закон или изменить его таким образом, чтобы обеспечить людям свободу совести и свободу исповедовать учение Христа — таковы цели этой небольшой книжки.

При подготовке этого материала нами были использованы арабские источники и прочая литература, указанная в библиографии. Мы также обязаны многочисленной корреспонденции, полученной от христианских миссионеров, несущих свое служение во многих уголках земли — от острова Ява и Западного Китая, до Марокко и Нигерии. Их совместные свидетельства представляют собой чрезвычайную важность, ибо они покрывают весьма обширную территорию, и были написаны безукоризненными очевидцами.

Современные мусульманские авторы, особенно выходцы из школы Уокинга, предпринимают попытки убедить нас, что ислам, якобы, всегда был религией терпимости и остается таковой поныне. В доказательство они любят приводить один отрывок из Корана, который, как им кажется, дает основание для

¹ Доктор К. Снаук-Ургронье, «Священная война». *The Holy War*, by Dr. C. Snouck Hurgronje (Путман, Нью Йорк, 1915), стр. 10, 11.

подобной точки зрения: «Воистину, те, кто верует, и те, кто иудеи, и сабии, и христиане — кто бы ни уверовал в Аллаха и в Последний день, и кто творит благое — тем нечего страшиться, {9} и не придется им горевать» (Сура v, стих 69).¹ Этот стих, однако, не является аналогом Великой хартии вольностей, которая гарантировала бы свободу для меньшинств хоть в одной-единственной мусульманской стране: ни в Аравии седьмого столетия, ни даже в Египте или Индии века двадцатого. Ходжа Кемаль-ад-Дин в своей последней книге «Индия на чаше весов» (стр. 136) пишет: «Что касается перемены своей веры и наказания за это согласно мусульманским законам, то здесь не должно быть никакого недопонимания. **В исламе не существует наказания за отступничество**». Вот ведь какое категоричное утверждение! Далее автор продолжает: «Ислам не является “религией меча”. Напротив, в эту веру обращаются мирным путем, ислам в идеале терпим к людским воззрениям, и, вместе с тем, демократичен по своему взгляду на мир. И судить об исламе следует по его принципам и законам, а не по отступлениям от них».

В «Исламик Ревью» («Исламском обозрении») за ноябрь 1916 года мы читаем: «Можно с уверенностью заявить, что в исламе не предусмотрено никакой кары в этом мире за отступничество. Это обстоятельство, по совершенно очевидным причинам, вытекает из того факта, что величайшие в истории триумфы Истинной Религии Аллаха были всецело обязаны ее чрезвычайной целесообразности, убедительности и гуманности». Прочитав еще одного апологета ислама, Мохаммеда Али, магистра искусств. В своем переводе Корана на английский язык он делает примечание на тему отступничества, в котором утверждает, что **«ни здесь, ни в любом другом месте Священного Корана не содержится ни единого намека ни на смертную казнь, ни на какое-нибудь иное наказание за отступничество»**. Кроме того, «Исламик Ревью», не удовлетворившись этим специальным обращением к Корану, призывает на помощь и мусульманские предания, утверждая, что «жизнь Святого Пророка, чей каждый шаг и каждый вздох были поминутно увековечены летописцами, подобным же образом не дают нам ни прямых, ни косвенных оснований для предположений, чтобы отступник от ислама мог быть обречен смерти только лишь за перемену своей веры». Нельзя допустить, чтобы подобные заявления оставались без ответа. Эта небольшая книжка задумана, просто как представление фактов с другой стороны проблемы; а окончательное ее решение мы предоставляем на суд беспристрастному читателю.

Каур, 1924.

С.М. ЦВЕМЕР.

¹ Вариант перевода Крачковского: «Поистине, те, которые уверовали и которые исповедуют иудейство, и сабии, и христиане, — кто уверовал в Аллаха и последний день и творил благое, — нет страха над ними, и не будут они печальны!»

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Страница
оригинала

ПРЕДИСЛОВИЕ

7

Является ли ислам религией терпимости? — Точка зрения мусульманских ученых — Действительно ли не существует наказания за отступничество? — Является ли ислам религией терпимости? — Мнение исламских ученых — Разве не практикуется казнь отступников? — Эта книга является ответом.

ГЛАВА I. ПОЧЕМУ ТАК МАЛО МУСУЛЬМАН ПЕРЕХОДИТ В ХРИСТИАНСТВО?

13

Немногочисленность обращенных из среды ислама является неоспоримым фактом — Различные мнимые причины этого — Истинная причина обусловлена законом об отступничестве — Свидетельство из Египта, письмо обратившегося в христианство — Константинополь — Нигерия — Индия — Алжир — Тунис — Ява — Суматра — Китай.

ГЛАВА II. ЗАКОН ОБ ОТСТУПНИЧЕСТВЕ

31

В Коране — Цитирование и объяснение отрывков — Важность Священного Предания — Как и где собирались его тексты — Их компетентность — Что в Предании говорится о том, как Мухаммед поступал с вероотступниками — Отрицание Уокингом уместности преданий — Закон ханифитов относительно отступничества — Имущество, семья и личность вероотступника — Смертная казнь — Дети отступника — Закон маликитов согласно капитану Ф.Х. Ракстону — Закон в Турции — Как он был изменен — Другие авторитетные источники — Минхаджат-Талибин — Резюме в «Аль-Мадхале» — Расторжение брака — Акт в Индии, смягчающий условия закона об отступничестве — Каким образом этот закон способствует проявлению нетерпимости по отношению к миссионерам — В Трабзоне в четырнадцатом столетии — ...И в девятнадцатом веке: геноцид армян и гонения на обращенных в христианство.

ГЛАВА III. КАК ЭТОТ ЗАКОН ДЕЙСТВУЕТ

55

Закон, это не мертвая буква — Даути в Аравии — Угрозы обращенному в христианство в Восточной Аравии — В Мичиганском университете — Примеры в Египте — В дельте Нила отравлен интересовавшийся христианством — Крещение в Санабо — Другие примеры преследований обращенных в Египте — В Турции — В Нигерии — Мученик из Смирны — Шемседдин — Мирза Паулос из Персии — Использование яда в Северной Африке — Обращенных переправляют из Сирии в Египет — Мужчина из Африки забит камнями насмерть за Христа — Что пришлось пережить обращенной девушке с острова Явы — Угрозы арабу из Адена — Положение в Палестине — Индия — Свидетельство сэра Г. К. Скотта-Монкриффа — Мученик из Афганистана — Миссионер из «Белых Отцов» «прибыл для мученичества».

Кем были самые первые вероотступники? — Обейдалла ибн Джахш — Их судьба — После кончины Мухаммеда отступникам объявлена война — Что значила «терпимость» по отношению к христианам? — Условия, навязываемые тем, кого «терпели» мусульмане — Законы, призванные подчеркнуть бесправность и второсортность немусульман — Резюме Гиббона — «Веротерпимость» становится невыносимой — Общественное положение христиан и обязательная для них одежда — Принудительные обращения в ислам в Персии — Установления Омара — Христианин не может стать чиновником — Преследование коптов в Египте и его результаты — Мученичество Св. Иеронима — Трагедия, запечатленная в камне — Христианам и иудеям разрешают хоронить своих единоверцев — Джихад и резня в Армении — Убийства по религиозным поводам — Даже в среде бахаев — Переход людей в христианство в эти сложные эпохи — Используемые ритуалы — Джозеф Питтс становится мусульманином — Он посещает Мекку — Самый первый из обращенных Генри Мартином — «Всякого, кто исповедает Меня пред людьми...»

ГЛАВА V. ТАЙНЫЕ УЧЕНИКИ ХРИСТА

103

Никодим приходил в ночи — Подобные ему в мире ислама находятся повсюду — Что бы вы сделали? — В Аравии читают Библию — Опыт уличных торговцев книгами в Маскате — Албания — Тегеран — Тайные ученики в Египте — А что насчет крещения? — Мнение обращенного из ислама — Уильям Фемисон — Как он пришел ко Христу — Его письма — Его свидетельства — Смерть мученика в Каире — Двое мулл из Турции — Их смелость, их проповедь перед крещением — Ссора и казнь — Тайные верующие в Судане и Палестине — Человек из Мекки, ищущий Бога — Человек, который сам себя крестил — Офицер-черкес — Молодая женщина из Мееруга — Тайные ученики в Турции — Продавец сладостей — Паренек в школе — Навеки с Господом.

ГЛАВА VI. РАССВЕТ НОВОЙ ЭРЫ

129

Плата за свободу религии — Первые воззвания в Африке и Индии — Современные условия в Индии — Голландская Ост-Индия — Африка — Египет при старых законах и при новой конституции — Долгий-долгий след в Турции — Обещания на бумаге — Новые договоры — Куда они движутся? — Сирия и Палестина, как подмандатные территории — Персия при новом правительстве — Большая свобода — Ирак — Две страны в Африке, где запрещена свобода религии: Судан и Нигерия — Признаки наступления рассвета свободы — Турецкое свидетельство — Суд истории над исламом в пользу свобод человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

163

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

<i>Гипсовая отливка Св. Иеронима</i>		<i>Фронтиспис</i>
<i>Группа обращенных в христианство с острова Ява</i>	<i>См. стр.</i>	16
<i>Факсимиле рукописи. Страница из «Бухари».</i>	“	40
<i>Факсимиле страницы из стандартного свода законов</i>	“	48
<i>Факсимиле страницы из «Муслима», том ii, стр. 34</i>	“	64
<i>Могила Св. Иеронима</i>	“	88
<i>Собор в Фамагусте</i>	“	96
<i>«Медан-Меслимин» (журнал на острове Ява)</i>	“	112
<i>Махайль Мансур, обращенный в христианство шейх</i>	“	120
<i>Персонал миссионерской больницы, Мешхед</i>	“	136
<i>Персидский мирза и Абдаллах Сирийский</i>	“	144
<i>Турецкий «Флаг свободы», 1908 год</i>	“	154

ГЛАВА I.

ПОЧЕМУ ТАК МАЛО МУСУЛЬМАН ПЕРЕХОДИТ В ХРИСТИАНСТВО?

{13} *«Те, кто печется о Христовом Царстве Божием, в настоящее время знают наверняка, что христианское благовествование среди мусульман возможно. И они знают тоже, что свойственная лицемерам аксиома, которую так любят пассажиры первого класса паровой компании P. & O., о том, что обращение мусульман в христианство является делом невозможным, абсолютно безосновательна. Она вновь и вновь опровергается прямо противоположными фактами практически во всех странах. Число перешедших в христианство из исламской среды в Восточной Индии и в некоторых районах Африки исчисляется десятками тысяч. Да и в других частях мусульманского мира, таких, как Индия, Персия и Египет, подобное обращение становится явлением вполне обыденным и привычным, пускай эти новообращенные еще и не очень многочисленны. Из стран, где наказанием за отступничество до сих пор служит смертная казнь, к нам приходят сообщения от источников, опирающихся на тайные разговоры и секретные расспросы. Они показывают, что и в этих государствах произошло бы то же самое, если бы там были приняты законы, гарантирующие людям свободу совести, и которые бы действительно исполнялись».*

Каноник У.Х.Т. ГЭЙРДНЕР в «Международном обозрении миссий».

Закон об отступничестве в исламе ГЛАВА I.

ПОЧЕМУ ТАК МАЛО МУСУЛЬМАН ПЕРЕХОДИТ В ХРИСТИАНСТВО?

РАССМАТРИВАЯ задачу благовествования в мусульманском мире, мы должны в одно и то же время признать как факт огромного и поистине жертвенного труда миссионеров, так и весьма скромные видимые глазу результаты. Оглядываясь назад, к ранним пионерам, таким как Реймонд Лулл¹ или Франциск Ассизский, или

¹ Раймунд (Рамон) Лулл — совершенно удивительный человек, выдающаяся фигура в католицизме тринадцатого столетия. Взгляды этого человека, жившего в атмосфере, отравленной ядом крестовых походов и инквизиции, значительно опережали его жестокий век. Невзирая на папские

к концу прошлого столетия, ко времени Генри Мартина, нам хотелось бы показать все пролитые ими слезы и кровь, не говоря уже о терпении людей по причине их нескончаемых молитв, оставленных без ответа. Подобно Симону Петру, миссионер, оказавшийся в одиночестве на ниве Божией в Танжере или Танте, Адане или Адене, Хартуме или Кейруане, может сказать: «Наставник! мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть».¹ Здесь и признание их верности долгу: «**Мы трудились...**» И признание неудачи: «**Мы ничего не поймали**». Но здесь же и свидетельство их неустрашимой веры: «**И все же, мы закинем сеть!**»

Эти три короткие фразы, сорвавшиеся когда-то с губ апостола-рыбака, отражают реальное положение с благовестием в исламском мире. Можно подозревать, что на дне лодки Петра завалилось несколько маленьких подлещиков, да пара-тройка угрей, запутавшихся в залатанных сетях, но, согласно жаргону настоящих рыбаков, да и по принятой манере поведения на сельском базаре, Петр нисколько не погрешил против истины, когда сказал: «Наставник! мы трудились всю ночь и **ничего** не поймали».²

Нет никаких сомнений в том, что и среди мусульман есть немало тех, кто переходит в христианство. Так, на Яве и на Суматре сердца не менее чем сорока пяти тысяч мусульман оказались затронуты искренностью миссионерской проповеди и свидетельства о Христе. Тем не менее, голландские и немецкие миссионеры не считают свою работу среди магометан слишком успешной. Ведь им приходилось трудиться и среди людоедских племен, и среди поклоняющихся духам анимистов, где менее чем за столетие они обратили в христианство почти девятьсот тысяч человек. Но и в Индии тоже насчитывается несколько тысяч обращенных из среды мусульман. Из каждого конца земли, благодарение Богу, стекаются к нам многочисленные подтверждения о том, что Евангелие — это сила Божия, и она способна проявляться и среди магометан. Впрочем, нет смысла отрицать тот факт, {16} что обращенных ко Христу в каждом из этих исламских регионов еще крайне мало.

Мистер Финдлей Эндрю пишет из Западного Китая: «Ислам является настоящим вызовом для христианских миссий; тот, кто назвался некогда

буллы, призывавшие «добрых христиан» уничтожать всех, кто не разделяет их взгляды; борясь с маниакальным стремлением «пострадать за веру», распространяемым повсюду монахами-францисканцами, Лулл отправляется в Тунис, дабы нести мусульманам свет истинного Евангелия. Он написал огромное количество книг, на латыни, каталонском и арабском, большая часть из которых не сохранилась. Своим собственным девизом Лулл избрал слова: «Тот, кто живет Жизнью, не может умереть». Юджин Сток, секретарь Миссионерского общества Церкви Англии, говорил о нем: «В истории христианства не было столь героического персонажа, чем Раймунд Лулл, первый, и, видимо, величайший миссионер магометанам». Сам Лулл верил, что «**ислам, будучи религией без любви, будет побежден любовью**». — *Прим. перев.*

¹ Евангелие от Луки 5:5. — *Прим. перев.*

² Оказывается, д-р Цвемер был рыбаком! В оригинале у него не «подлещик», а любая из маленьких пресноводных рыбок рода *Lepomis*, которые водятся в реках Северной Америки. Иисус со Своими учениками находился на пресном Тивериадском озере, называемом в Новом Завете «морем». — *Прим. перев.*

мусульманином, в Западном Китае остается мусульманином навсегда. В течение нескольких последних лет всего несколько мусульман приняли Благую Весть, и после того, как они заявили о своей вере, они были приняты в члены церкви или же включены в число «ищущих [Бога]». Число этих новообращенных еще крайне мало, и из тех немногих, кто перешел в христианскую веру, к тому моменту, как я начал это письмо, в церковном сообществе оставался лишь один».

В Персии тоже среди мусульман были начатки движения ко Христу. Но, как бы то ни было, после пятидесяти лет напряженных миссионерских усилий число обращенных из ислама не превышает в этой стране трех сотен человек.

В Аравии, где мужчины и женщины благовествуют уже тридцать пятый год, общее количество мусульман, принявших христианство и открыто исповедующих свою веру в Господа Иисуса Христа, оказывается меньше, чем число лет работы миссионеров. А сколько за эти годы было пролито ими на каменистую почву аравийской пустыни слез! сколько вознесено молитв, и сколько потребовалось от них терпения!

Но обратим свой взор к Турции. Тут свидетельствует доктор Мак-Каллум: «Вся наша работа практически расстроена; на турецкой земле не образовалось ни одной церкви из обращенных мусульман после ста лет неустанной работы иностранных миссий».

В Северной Африке, включающей в себя Египет, Триполи, Тунис, Алжир и Марокко, общее число магометан, оставивших свою прежнюю веру и открыто называющих себя христианами, по-прежнему остается где-то в пределах пяти сотен.¹

Когда речь заходит о недостаточном количестве обращенных из числа мусульман, приводится много причин.

¹ «В Египте насчитывается четыреста тридцать восемь миссионеров; причем деятельность некоторых из христианских миссий ведется исключительно среди мусульман. Кроме того, в этой стране проживает около девятнадцати тысяч христиан евангелического толка с хорошо функционирующими церковными организациями и образованными проповедниками. В различных миссионерских школах Египта на занятиях по изучению Библии постоянно получают знания приблизительно две с половиной тысячи человек из мусульманской среды. И, несмотря на все это, видимые результаты миссионерской деятельности среди мусульман Египта весьма невелики. В настоящее время мы едва ли можем назвать более полутора сотен живущих в Египте человек, обращенных в христианство из ислама. Если соотнести их число с числом трудящихся в Египте миссионеров, то получается, что на каждого обращенного приходится примерно по три работника миссий. А если привести эту цифру в соотношение с Евангелической церковью Египта, то на каждое собрание ее прихожан будет приходиться примерно по одному новообращенному из мусульман. Кажется, что все известные в истории миссионерские подходы были испробованы, и эти попытки продолжают, но до настоящего времени ни одна миссия и ни одна евангелическая церковь не могут похвастаться большим успехом перед лицом этой огромной и обескураживающей проблемы». — Миссионерский обзор, 1924 год.

Иллюстрация: ХРИСТИАНЕ, ОБРАЩЕННЫЕ ИЗ ИСЛАМА, НА ОСТРОВЕ ЯВА.
Слева: Доктор Исмаил, лидер среди обращенных в Моджоворно, отмеченный правительством Нидерландов за несение социального служения. *Справа:* христианка с Зондских островов, сотрудница миссии Методистской епископальной церкви. *В центре:* тридцать четыре «вероотступника», выходцы из ислама, а ныне проходящие обучение в Моджоворно для будущего миссионерского служения среди своего народа в качестве **апостолов**.¹

{17} Одни люди привыкли корить церковь за недостаточность веры, другие попрекают миссионеров в отсутствии любви. Третьи же считают, что причина неудач кроется в наших попытках обратить мусульман посредством полемики, вместо того, чтобы влиять на них добротой: то есть, проблема чисто методическая, и наши трудности проистекают из неверного подхода. Еще говорят, что не пока настало подходящее время, дескать, наш час не пробил, и «урожай еще не успел созреть».

В некоторых случаях отброшенные надежды приводят сердца в уныние. «Я рискну выразить мнение, — пишет один из отчаявшихся миссионеров, — что ислам, возможно, совсем закоптел в своем грехе. Поскольку отступничество явилось ответом на Божие предложение благодати во Христе, Он устранил мусульман из сферы Своих собственных интересов. Возможно, **коллективно** ислам согрешил против Святого Духа.² Я тружусь здесь на протяжении долгих

¹ Автор обыгрывает слова «отступник» и «апостол», звучащие в английском языке схоже. — *Прим. перев.*

² «Хула на Святого Духа» — намеренное отрицание прямого свидетельства от Бога. «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает. Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам; если кто скажет слово на

двух лет, живу в этом мусульманском доме, думаю и разговариваю, как мусульманин, знаю их внутреннюю жизнь, возможно, как, мало кто другой. А почему ничего не получается, я не могу понять! Честно говоря, я рассчитывал, что, явлюсь сюда в абсолютной скромности и бедности, буду жить среди них, так близко, насколько только возможно. Так, я полагаю, поступал и [апостол] Павел. Я работал без каких-либо комитетов или попечительства, я просто просил у Господа и ожидал, что Он дарует мне много новообращенных. Но, собственно говоря, мы не достигли ничего».¹

Итак, все вышеперечисленные причины скудости непосредственных плодов в работе с мусульманами содержат каждая свою долю истины, но, тем не менее, ни одна из этих причин не является достаточной. По нашему убеждению среди множества изложенных здесь причин столь малого количества обращенных в христианскую веру магометан, возможно, ни одна не играет такой решающей роли, как та, относительно которой нам так мало известно — мусульманское законодательство о вероотступниках. Каждый перешедший в христианство мусульманин является для ислама вероотступником. И хотя отступники встречались во все века, и нам известны даже случаи отступничества еще при жизни пророка Мухаммеда, закон об отступничестве неподвижно утвердился в исламе. На протяжении тринадцати столетий он наводит благоговейный ужас, если даже не применяет свою силу, на все слои общества во всех мусульманских странах. Отступник просто умирает для своих прежних единоверцев и почитается своей семьей практически за умершего.

О том, что подобного рода чувства существуют в Египте до сих пор, вы можете судить, к примеру, из нижеследующей заметки, написанной на бумаге с черной каймою и разосланного в траурных конвертах отцом-мусульманином, оповещающим своих друзей о вероотступничестве своего сына. Письмо датировано тридцатым октября тысяча девятьсот девятого года и во всех своих чертах напоминает вежливое и официальное извещение о смерти.

Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем. Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познается по плоду» (Евангелие от Матфея 12:30-33). Как это ни прискорбно, приходится констатировать: деятельность миссионеров, включая и самого д-ра Цвемера, в исламских странах **не может** быть признана хорошей за отсутствием достойных плодов. Возлагая вину на страх перед гонениями, д-р Цвимер противоречит сам себе, поскольку в других своих книгах он придерживается распространенной среди христиан точки зрения, что ранняя Церковь множилась именно за счет гонений со стороны римлян. — *Прим. перев.*

¹ У нас нет оснований сомневаться в искренности слов этого безвестного миссионера. Вот пример апостола Павла: «Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, — чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Коринфянам 9:19-22). Да, исламская культура представляет собою сложную почву для евангелизации. Не будем забывать, что попытки Павла благовествовать иудеям закончились неудачей. Однако прежде чем поставить окончательный крест на мусульманах, каждому миссионеру следует честно ответить на трудный вопрос: **«сделался ли я для всех всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых?»** — *Прим. перев.*

{18} «МОЕ СКОРБНОЕ СЕТОВАНИЕ.

В настоящее время христиане, принадлежащие к протестантской церкви, официально зафиксировали постыдный акт, который нельзя ничем исправить, и который уже никогда не будет изглажен, лишив меня возможности лицезреть моего сына, любимца моего сердца, лишив меня даже возможности хоть краем глаза взглянуть на его портрет. И он, достигнув возраста в двадцать два года и семьдесят дней, скончался в день своего несчастливого брака. А посему я взываю к людям, в ком сохранилась хоть какая-нибудь вера — какими бы ни были ваши религиозные убеждения — не пособляйте этим прожорливым волкам! В особенности тем, кто намеревается разделить их веселье в будущем воскресенье, завтра, в церкви Аль-Минийя (которая называется Евангелической церковью), ибо они намеренно добиваются возрождения эпохи гонений при Нероне.

[Подпись] М. АБДУЛЛА».

Во время войны¹ возникло серьезное подозрение, что один из лидеров мусульманской общины Каира умышленно подстроил «несчастный случай», предпочитая, чтобы его сын попал под трамвай, только бы не допустить его до совершения обряда крещения на публике. В Египте бывали случаи, когда родственники с молчаливого согласия местных властей упекали в лечебницу для душевнобольных тех, кто симпатизировал христианству, объявляя их сумасшедшими. В таких же странах, как Аравия или Афганистан, наказание за открытое исповедование христианства общеизвестно.

С самых ранних времен в исламе, благодаря учению Корана, всегда было чрезвычайно легко пополнять ряды мусульманского братства. Однако для тех, кто однажды вступил в его лоно, было крайне тяжело найти из него выход. Не будет преувеличением заметить, что двери этого огромного храма, воздвигнутого арабским Пророком, открываются только внутрь, но не наружу. Подобно хитроумному капкану, все их устройство поддается малейшему нажиму снаружи, но эти же самые двери, такие податливые для желающих войти, надежно заперты изнутри и готовы разодрать своими зазубринами всякого, кто попытается вырваться на волю. Доктор Д. С. Марголиут обращает на это внимание своих слушателей уже на первой лекции по своему труду «Раннее развитие магометанства»:²

«В отношении магометанской религиозной системы весьма примечателен тот факт, что уже с начала миграции (т. е. хиджры — *прим. перев.*) для приема в сообщество мусульман не требовалось никакой особой подготовленности. Для тех, кто находится вне мусульманской среды, {19} ислам теоретически не предлагает никаких возможностей для получения

¹ Имеется в виду Первая мировая война 1914-1918гг. Во время написания этой книги Египет являлся, по сути, Британской колонией. — *Прим. перев.*

² «The Early Development of Mohammedanism», Лондон, 1914, стр. 1.

хоть какого-то представления о характере этой религии. Человек сначала должен вступить в ряды мусульманского братства, и лишь только после этого он сможет ознакомиться с возлагаемыми на него обязанностями. Коран не может быть продан неверующему; солдатам, направляющимся на вражеские территории, не рекомендуется брать с собою священную книгу мусульман из опасения, что она может попасть в руки неверных; также на многих экземплярах Корана написаны специальные предостережения для неверующих: «**Не прикасаться!**» Особо набожные мусульманские книжники отказываются преподавать [арабскую] грамматику иудеям или христианам, поскольку ее правила проиллюстрированы примерами из Священного Писания ислама. По одному из законов ислама неверующему запрещается заходить в мечеть; и даже если по особому разрешению ему будет позволено ее посетить, он окажется там нежеланным гостем. Церемонию, завершающую все остальные ритуалы в исламе — паломничество [в Мекку], не может лицезреть ни один неверующий, наказанием за нарушение этого запрета служит смерть.

Из вышесказанного следует, что исламу совершенно неизвестна практика определенных периодов, предусмотренных в некоторых других религиозных сообществах для обучения и испытания неофитов. И, разумеется, подобной практики в самом исламе просто не существует. Цель таких периодов: испытать в первую очередь искренность новообращенного, а во-вторых, его моральную устойчивость. Против неискренности ислам достаточно обезопасил себя следующим принципом: если кто решит оставить эту религию, то лишится жизни. Таким образом, мало вероятности, что в исламе окажется большое число таких людей, кто принимает эту религию из каких-то корыстных соображений и оставляет ее, когда его личные цели будут достигнуты. Мусульманин в минуту опасности для своей жизни, может, разумеется, притвориться, что он отрекается от ислама: в магометанстве нет никакой сложности в том, чтобы вновь принять раскаявшегося отступника. Но там, где ислам может исповедоваться свободно, его законы не оставляют никакому отступнику надежды на пощаду или спасение. Из этого следует, что понятие мученичества в исламе подразумевает нечто совершенно иное, чем понятие мученичества в христианстве. Христианский мученик — это человек, который умирает, продолжая провозглашать верность своей религии, но не оказывая мучителям сопротивления.¹ Мусульманский мученик — это тот,

¹ Библейское понятие, переводимое на русский язык как «мученик», означает «свидетель». Идея непротivления насилию свойственна не одним только христианам: история знает немало примеров массового уничтожения людей, предпочитавших смерть отказу от своих жизненных ценностей. Отличие подлинного свидетеля Христова от прочих мучеников ярко видно на примере Стефана: «...Но они, закричав громким голосом, затыкали уши свои, и единодушно устремились на него, и, выведя за город, стали побивать его камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла, и побивали камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! прими дух мой. И, преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил» (Деяния 7:57-60). Причиной убийства Стефана оказывается **обличение**: вплоть до того, что иудеи начинают затыкать свои уши, только бы не слышать его слов. Побудительным мотивом для страстной проповеди Стефана является его любовь к ближнему, которого он обличает,

кто умирает за свою веру на поле боя; как правило, пытаюсь насадить эту веру другим, а не просто защищая свои собственные взгляды. Ибо его священная книга недвусмысленно разрешает ему отречься от своей веры под угрозой смерти или мучений».

В своем повествовании об Американской миссии в Египте (1854-1896 гг.) доктор Эндрю Уотсон утверждает, что в течение указанного периода семьдесят пять магометан совершили обряд крещения. Большинство из них принадлежали к беднейшим слоям населения. Абсолютно все эти люди подверглись {20} гонениям, потому что идее личной свободы — свободы совести — нет места в мусульманском законодательстве, будь то религиозном или гражданском. «В этот самый день (т.е., в день крещения — *прим. перев.*) родственники должны тайно отравить или другими средствами убить тех, кого не удалось заставить расстаться со своими христианскими убеждениями никакими доводами, никакими обещаниями». Среди прочих он упоминает о некоем выпускнике одного из государственных университетов, который проявил интерес к изучению Библии и стал свидетельствовать о Христе. «Были приложены все усилия, чтобы вернуть его в лоно ислама, но просвещенные умы его прежней религии никак не могли противостоять ясному логическому ходу мысли и решительным доводам этого человека. Тогда вместо аргументов им пришлось применить силу, отступник был схвачен толпой и притащен на суд ко двору кадия. Там с ним не только дурно обращались, но и вопреки закону заключили в тюрьму. Его имущество было конфисковано, его жена с ним разошлась, а сам он был отправлен в государственную лечебницу по официальному заключению о его психической ненормальности. Информация о его аресте была незамедлительно доложена представителю Ее величества в Египте, но Шариф-Паша, премьер-министр, убедил генерального консула Ее величества, что присутствие молодого человека, как обращенного из мусульман, может стать причиной для волнений и беспокойств, а также возможных религиозных беспорядков и большого скопления народа. Консул дал согласие на временный переезд молодого человека из страны, что было, по сути, его изгнанием из родной земли; и все потому, что он стал читать свою Библию, убедился в ее истинности и осмелился сказать об этом вслух. Двое других поселенцев Верхнего Египта, о которых стало известно, что они посещают христианские собрания, были немедленно схвачены, избиты и брошены в тюрьму. Однако они продолжали сохранять свою приверженность христианской вере. Тогда отступники были отправлены в Каир, где содержались в тюрьме до тех пор, пока по заявлению, сделанному правительству через сэра Ивлина Бэринга (ныне лорда Кромера), они не были выданы Американской миссии в Каире».

В других местах мы читаем о случаях избиения, тюремного заключения, изгнания и многих других средствах запугивания людей, чтобы те не переходили в

а не слепая приверженность каким-то рукотворным идолам. До последнего вздоха он думает о своих ближних, убивающих его камнями: «Господи! не вмени им греха сего!» Вот это — подлинное свидетельство духа Иисуса, причем свидетельство страшной силы. И плодом свидетельства Стефана становится превращение националиста Савла в апостола Павла. — *Прим. перев.*

христианство. Над христианами-неофитами довлеет страх общественных гонений или семейного отчуждения. Из корреспонденции, полученной в нынешнем году (1923), от двух десятков местных пасторов из Египта, можно сделать вывод о том, что дух нетерпимости и гонений царит во всех уголках этой страны и до сегодняшнего дня, почти так же, как прежние времена. Очередные всплески национализма, похоже, неминуемо заканчиваются лишь увеличением исламской гордости и новыми проявлениями нетерпимости по отношению к религиозным меньшинствам.

{21} Следующее послание, написанное новообращенным христианином, бывшим мусульманином из Каира, показывает лучше, чем любой другой аргумент, положение, сложившееся в Египте к одна тысяча восемьсот семьдесят восьмому году. Письмо было написано двадцать первого января того года. Его автор впоследствии бежал из Египта и получил медицинское образование в Шотландии. Впоследствии этому человеку удалось сделать неплохую карьеру в Китае в качестве врача-миссионера.

«ЕЕ ВЫСОЧЕСТВУ, МАХАРАНИ ДАЛАП СИНГХ.

Поскольку Вы, Ваше высочество, Сами являетесь обращенной благодаря Американской миссионерской школе в Каире и проявляете неподдельный интерес ко всем, кто любит Господа Иисуса Христа в этом городе и в этой стране, я беру на себя смелость поведать Вам о моих гонениях и злоключениях, которые начались с тех самых пор, как я стал христианином пять месяцев тому назад. Я — египтянин, и в течение пяти лет учился в Американской школе, как ученик, а в последние два года работал там учителем. Мой отец является весьма набожным магометанином, но когда я стал читать и изучать Библию, до меня стало доходить, что магометанская религия не является истинной верой. Многие месяцы я провел в исканиях истинной религии Божией, в течение которых очень много читал Библию и некоторые другие духовные книги. И когда я, наконец, понял, что христианство это истинная вера, то отрекся от религии моего отца.

Опасаясь, что мой отец и родственники попытаются убить меня, я намеревался скрыться с их глаз подальше; но, когда я обратился за советом к доктору Ленсингу и доктору Уотсону, двум миссионерам из Каира, они убедили меня, что Каир будет для меня более безопасным местом, чем какое-либо другое. Таким образом, было решено, что в целях безопасности я должен переехать в дом доктора Ленсинга. Я отправил письма моему отцу и братьям, в которых поведал им о причинах, побудивших меня оставить родной кров и принять христианство. Я очень сильно желал показать мою любовь ко Христу и провозглашать Его имя, так что в скором времени я был крещен в небольшой церкви миссии. Крестился я под своим собственным именем, Ахмед.

Мои братья и друзья, и шейхи, и ученые мужи часто приходили посмотреть на меня и спорили со мной, пытаясь переубедить, но, с Божьей помощью, я всегда одерживал верх, что их очень злило. Из страха перед ними я никогда не выходил из дому, за исключением только тех случаев, когда мне надо было идти в школу вести уроки. Школа же находилась всего

в нескольких шагах от дома доктора Ленсинга, в очень людном месте. Они шпионили за мною в течение нескольких дней, и вот однажды, через пять недель, возвращаясь после полудня домой, я оказался окруженным десятком человек, трое из которых были моими братьями. Они схватили меня, и, зажав своими ладонями {22} мне рот и глаза, очень грубо втоптали в крытую повозку.

Несколько посетителей находившегося поблизости кафе, ставших свидетелями этого происшествия, подбежали к нам, пытаясь остановить лошадей, чтобы освободить меня. Но стоявший рядом мой дядя воскликнул: “Не трогайте этих людей, они действуют по приказу правительства!” Итак, они отвезли меня в дом моего отца, предупредив, что если на его вопрос, остался ли я магометанином, я не отвечу утвердительно, он меня убьет. Я сказал ему, однако, что стал христианином. Тогда отец пригласил к себе самого просвещенного философа Каира и самого ученого из мусульманских мужей, и вместе со многими другими присутствующими они очень горячо беседовали со мною на протяжении восьми часов, пока мне не стало дурно и меня не стошнило.

После трех дней непрекращающихся споров, видя, что это не приводит ни к каким результатам, они стали угрожать мне немедленной смертью, как того предписывает их закон. Это было сделано в такой манере, что я нисколько не сомневался, что они приведут свою угрозу в исполнение. Итак, пришло время великого испытания, и я стал чувствовать небольшую слабость. Они написали послание, в котором говорилось, что я возвратился по своей собственной воле в отчий дом, а также в магометанство, и заставили меня поставить свое имя под этой бумагой. Затем они привели меня в полицию и вынудили то же самое написать своей рукой. После этого они привели меня в английское консульство, где снова заставили меня повторить ту же самую вещь, ибо у моих братьев было под одеждою спрятано оружие, и они были готовы, в случае, если я не сделаю этого, немедленно убить меня или любого, кто попытается встать на мою защиту. И хотя после всего, что было сделано, они знали, что в глубине души я все равно оставался христианином, было объявлено во всеуслышание, что я вернулся в ислам, и по этому поводу был устроен огромный пир, дабы ввести в заблуждение окружающих и смыть пятно позора с нашей семьи. Полемика все еще продолжалась, и через месяц, когда я захотел получить свою свободу и вернуться к своим учительским обязанностям в школу, родственники мне отказали. На что я еще более решительно заявил им, что продолжаю оставаться христианином, и стал настаивать на своих правах. Но, зная об опасности, которой я теперь подвергался, Господь помог мне вырваться из их рук. И я снова вынужден был искать убежища в доме доктора Ленсинга, которому я искренне признателен за его доброту, потому что он кормил и поил меня и обращался, как со своим любимым сыном.

Теперь я хочу поведать Вам, Ваше высочество, о том, как я опять стал пленником, не имея возможности никуда выйти, даже ступить на балкон; потому что они были так раздражены, что неустанно следили за

мною: денно и ночью, желая {23} утолить свою жажду моей кровью, кровью беззащитного юного христианина. Мои братья часто убеждали меня, что если они убьют меня, то в соответствии с их законом они будут считаться мучениками за такой поступок. Я благодарен Богу, освободившему меня из-под власти правительства моей страны, которое, я совершенно уверен, наблюдает за мною и позволяет моим родственникам делать все, что те пожелают и захотят, лишь бы только меня уничтожить. О, как бы хотелось, чтобы Бог поскорее установил свободу и справедливость на этой земле! Как же невыносима подобная несправедливость и угнетение! И насколько же несвободна эта несчастная страна! Как много гонений я претерпел за то, что принял истинную Божию веру, я не могу передать; и как много трудностей пришлось мне пережить. Поскольку я лишен какой бы то ни было свободы, и на обретение ее или на безопасность нет никакой надежды, я смею просить Ваше высочество о сострадании ко мне. И, во имя Христа и Справедливости, помогите мне и освободите меня из рук такого дикого и варварского народа.

Я надеюсь, что Ваше высочество простит меня за то, что так много беспокою Вас; но Вы видите, в каком бедственном положении я нахожусь и насколько отчаянно нуждаюсь в помощи. Я знаю, что Вы очень сильно любите Христа, а также всех тех, кто терпит страдания за Его имя. Поскольку Вы являетесь другом Ее величества, Благословенной королевы Англии, не могли бы Вы оказать мне большую честь и просить ее использовать ее величайшую власть, чтобы мне помочь, ибо, я полагаю, что ничто другое мне уже не поможет. Я хочу, чтобы она знала, что я прошу ее не только за себя, но и за многих других, кто хотел бы принять христианство, но не решается это сделать под страхом смерти или преследований. Я бы очень хотел изучать Святую Библию в школе богословия, чтобы с помощью Божией я мог проповедовать невежественному народу этой земли. Мне бы не хотелось, чтобы правительство нашей страны узнало об этом письме Вашего покорного слуги, иначе оно разорвет меня на части. Я прошу Ваше высочество молиться за меня, чтобы я был сильным и мог многое вытерпеть, и обо всей этой помощи я прошу во имя Господа Иисуса, за чье имя я много пострадал.

Пребывая наиболее покорным и смиренным слугою
Вашего высочества, и пр. и пр.,

А. Ф.

P.S. — В то время, как я заканчивал это письмо, сегодня утром меня тайно посетил преданный друг моей семьи, которому я могу доверять. Он умолял меня ни в коем случае не покидать этот дом, поскольку моей жизни {24} угрожает серьезная опасность. Мой отец приказал моим братьям и всем своим друзьям убить меня, если я встречу их по дороге, поэтому они повсюду меня выслеживают. Таким образом, Вы видите, в каком опаснейшем положении я нахожусь. Да поможет мне Бог, и да укроет меня, защитив от происков всего множества моих недругов.

Отправлено 21 января 1878 года».

Это письмо характерно не только для прежнего, но и для сегодняшнего положения в мусульманском мире. Изю всех его уголков, охваченных христианскими миссиями, приходят вполне достоверные многочисленные свидетельства, где одной из основных причин малого количества обращенных, а также возникающих трудностей в обеспечении безопасности новообращенного в случае публичного признания своей принадлежности к лону христианской церкви, называется именно это запугивание: резко отрицательное отношение мусульман к своим вероотступникам. Один миссионер, проживший долгое время в Египте, пишет: «Я могу совершенно определенно сказать, что мусульманский закон об отступничестве является, на мой взгляд, наиболее вероятной причиной нерешительности со стороны обратившихся ко Христу, чтобы порвать со своими мусульманскими связями и стать христианами. Я не могу сказать, что это является объяснением недостаточного количества **обращенных**, но, скорее — недостаточного количества **открыто признающих** себя христианами легальным образом. Мне кажется, у нас есть все основания полагать, что если этот закон будет каким-то образом отменен, это приведет к весьма и весьма решительным переменам».

«По моему мнению, не может быть никаких сомнений, — пишет преподобный У. Т. Фейрмен, — в том, что мусульманский закон об отступничестве является одним из основных факторов, объясняющих столь малое количество обращенных из ислама в христианство. Смерть, насильственное разлучение с супругой и семьей, лишение собственности и законных прав — вот естественная причина по которой многие, убедившиеся в истинности христианства, не решаются открыто исповедовать свою веру в Христа».

С. Ф. Гейтс, президент Робертского колледжа в Константинополе, утверждает: «Страх смерти определенно является одной из причин малочисленности обращенных из ислама в христианство. Каждый мусульманин знает, что его жизнь будет подвергаться опасности, если он станет христианином. Я мог бы привести множество примеров мусульман, которые тайно признавали себя христианами, однако не решались во всеуслышание заявлять о своей вере из страха перед опасностью, с которой такое заявление неминуемо сопряжено».

Другой миссионер пишет следующее: «Что касается турок, то мусульманский закон об отступничестве является для них **самой главной причиной немногочисленности обращенных ко Христу**. Я слышал, как об этом свидетельствовали сразу несколько из моих турецких друзей. И мусульмане, которые принимали {25} христианство в этой стране, всегда чувствовали, что тем самым они ставили под удар свою жизнь. Теоретически смертная казнь в Турции отменена, но фактически в реальной жизни она все еще существует.¹ Единственная

¹ Очевидно, имеется в виду, что в Турции не предусмотрена смертная казнь за вероотступничество. Турция до сих пор является государством, сохраняющим смертную казнь в отношении правонарушителей не моложе 18 лет за общеуголовные преступления. В отличие от Российской Федерации, турецкое законодательство предусматривает смертную казнь только одним способом — через повешение. Кстати, Уголовный кодекс РФ до сих пор трактует наказание чисто большевистским образом, как «восстановление социальной справедливости». Для вступления Турции в Евросоюз этой стране необходимо пересмотреть свое законодательство на предмет соответствия требованиям, выдвигаемым ЕС в области защиты прав и свобод человека. — *Прим. перев.*

разница заключается в том, что до ее отмены экзекуции проводились публично, а теперь, как нам известно, обращенные [в христианство] обычно просто бесследно исчезают».

Как-то преподобный Уильям Миллер задал вопрос одному из мусульман, перешедших в христианство: «Действительно ли закон об отступничестве является причиной такой немногочисленности обращенных ко Христу?» «Да, причина **именно в этом!**» — отвечал тот. Мистер Миллер утверждает: «Персы прекрасно помнят, как несколько лет назад не один десяток бабиев и бахаев¹ были убиты в Йезде за то, что они рискнули оставить ислам. И потому там царит всеобщий страх, что такая участь может постигнуть каждого, кто осмелится отречься от ислама. Бахаизм предписывает своим последователям “такийет” (сокрытие их вероисповедания) исходя из самого характера этого учения, в христианстве же от верующего требуется публичное признание себя последователем Христа. И потому в Персии человеку гораздо проще сделаться бахаем, нежели христианином. Нет, конечно, этот закон не в состоянии воспрепятствовать принятию христианства теми людьми, кто искренне желает это сделать, однако он отсеивает множество менее стойких искателей истины, не давая им более углубленно посвятить себя изучению основ христианства».²

Подобного рода свидетельства приходят к нам из стран, являющихся британскими или французскими колониями, где было бы резонным ожидать от общества изменения отношения к вероотступникам. «В моем индийском опыте, — пишет преподобный Х. Ю. Вайтбрехт-Стэнтон, доктор теологии, — непосредственное функционирование этого закона [об отступниках] ограничивается северо-западными территориями и Афганистаном. Однако даже в районах, находящихся под британским управлением, сохраняется **сам дух** этого мусульманского установления, желание воздать смертью за вероотступничество. Жизнь моих корреспондентов предоставляет мне немало примеров. Абдуль Карим был предан смерти на британской территории, и его гибель — не единичный случай. Несомненно, главной причиной отсутствия обращенных в Афганистане и их малочисленности в северо-западном регионе этой страны, по сравнению с центральным Пенджабом, является опасность лишиться жизни или конечности, которой подвергаются обращенные в первом случае, но от которой защищены в последнем».

«Хотя за отступничество, согласно Корану, и полагается смертная казнь, но в настоящее время у мусульман Алжира нет легальных прав для соблюдения этого

¹ От персидского «баха'и», что означает «прославленные». Секта мусульман-шиитов, зародившаяся в Персии в 1863 году, члены которой придают особое значение веротерпимости и духовному единству людей всех религий. Бахаам проще нежели кому другому скрывать свою принадлежность к их вероучению, поскольку оно не рекомендует выставлять свою веру напоказ, кичиться ею. — *Прим. перев.*

² В оригинальном тексте цитируемого отрывка вместо «более углубленно» использован английский аналог библейского выражения, которое на русский язык было переведено не очень удачно: «Закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царствие Божие благовествуется, и всякий **усилием входит** в него» (Евангелие от Луки, 16:16). Буквально слова Христа означают «**насильно вводит себя**», «**вдавливает**» или даже «**впихивает**». — *Прим. перев.*

предписания, — говорит мистер Альфред Р. Шори, — И, тем не менее, в этой стране не раз предпринимались попытки отравления обращенных [в христианство], равно как и их преследований. Поведаю об одном случае, которому я был непосредственным свидетелем. Это произошло с молодым арабом из [города] Туниса. Он принял Христа, насколько я могу судить, благодаря беседе с миссис Флэд, также находившейся в Тунисе. Родственники этого парня предприняли попытку {26} отравить вероотступника. Тогда он бежал в Англию, где ему посчастливилось найти себе на несколько месяцев работу. Затем, благодаря активному содействию миссис Паркер, жены знаменитого доктора Паркера из Сити Темпл, Лондон, Лондонская коллегия адвокатов переправила этого юношу в Канаду. В конце концов, он стал натурализованным канадцем. После двенадцати лет отсутствия ему удалось вернуться на родину, в Северную Африку, где он намеревался повидать своих родителей. Но даже и к тому времени он не избавился от страха, что родной отец может отравить его! Другой случай произошел с девушкой-кабилкой, уверовавшей во Христа, прошедшей обряд крещения, и вышедшей замуж за христианина, также кабила по национальности. Ее дважды пытались отравить, то ли по причине ревности, то ли из-за мусульманского фанатизма. Возможно, имели место обе эти причины, ибо она открыто заявляла о своей вере во Христа. Во второй раз она почувствовала себя очень плохо и уже находилась при смерти; однако оправилась, как мы верим, в ответ на молитву. По моему мнению, основными причинами столь малого числа обращенных мусульман в христианство является их страх перед гонениями и отсутствие моральной смелости».

Мистер Джеймс Л. Локхед пишет следующее: «Алжир находится под французской юрисдикцией, и там провозглашена свобода совести. Поэтому я не думаю, что мусульманский закон в отношении вероотступников можно назвать в качестве причины малого количества обращенных в этой стране. И, тем не менее, в каждом выросшем в исламской среде человеке глубоко укоренилась идея, что оставить ислам ради другой религии — это ужасный и непростительный грех. Я не знаю ни единого случая, когда бы обращенный в этой стране был предан смерти за свою веру во Христа. Это потому, что мусульмане боятся французского правосудия; однако множество мусульманских фанатиков с радостью бы предали смерти принявших Христа мусульман, о чем они открыто заявляют. Как-то шел я по одной из улиц Туниса вместе с Сиди Эль-Беддаи, который служил у нас в этом городе хранителем склада Библий. Вдруг из мечети, мимо которой мы проходили, нам навстречу выскочила парочка учеников-мусульман. Не успели они поравняться с нами, как, завидя Сиди Эль-Беддаи, плюнули на землю со словами: “Вот пес! собачий сын!” Вот свидетельство об их подлинных чувствах. Другой обращенный в христианство из Туниса несколько лет назад эмигрировал в Канаду. После нескольких лет отсутствия он вернулся в родные края, чтобы повидать своих родителей, все еще проживавших в Тунисе. Он отказался жить с ними, и, опасаясь предательства, был очень осторожен с едой, которой ему приходилось там питаться. Я не могу сказать, что для любого из наших обращенных было бы вполне безопасно путешествовать по этой стране в одиночку или же находиться в арабском квартале после наступления темноты. Не исключена вероятность, что на такого неосторожного путника могут напасть или даже убить, причем отыскать

виновных будет очень трудно. Еще более опасными мне представляются случаи обращения в христианство женщин, особенно принадлежащих к среднему и высшему классу {27} тунисского общества. Если обратившаяся ко Христу женщина решит открыто заявить о своей новой вере перед лицом фанатиков, разделаться с ней не представит для них большого труда».

Нас убеждают, что в Тунисе мусульманский закон относительно вероотступников не является прямой причиной малочисленности обратившихся ко Христу. «Я не знаю, был ли этот закон когда-нибудь формально отменен или аннулирован, — пишет мистер Эван Э. Шорт, — но под французским протекторатом его функционирование представляется мне немыслимым. Как бы то ни было, по временам возникают определенные опасения по поводу того, что могут сделать мусульманские лидеры, и это определенно мешает тем людям, кто находится в поисках истинной веры. Тем не менее, сильным сдерживающим фактором является страх своих же родственников, бойкота в социальной или торговой сфере, а также боязнь перед гонениями, которые могут закончиться даже смертью».

Даже в тех случаях, когда наши корреспонденты не берутся утверждать, что закон против вероотступников является первопричиной нерешительности в принятии мусульманами христианства, они отмечают, что отношение к оставившим лоно ислама и обратившимся ко Христу бывает втайне, а нередко и совершенно открыто враждебным. Мисс И. Лилиас Троттер говорит: «Что касается вашего вопроса относительно последствий мусульманского закона об обращенных в Алжире, то мы не считаем, что он так уж сильно сказывается на их малочисленности и робости. Ведь в этой стране всегда можно обратиться с жалобой к французскому правосудию. Нам известен ряд случаев, когда людям угрожали лишением наследства. Также знаем мы и про обращенных, которым пришлось лишиться части прибыли, по праву им принадлежавшей. Однако их дела, если оставить в стороне вопрос о переходе в христианство, имеют склонность очень сильно запутываться, да и доход от собственности бывает слишком сложно получить, за исключением тех случаев, когда заинтересованные лица находятся непосредственно на месте. Так что мы никогда не принимаем подобные вещи близко к сердцу. И несоблюдение людьми поста во время месяца рамадан, как правило, не приводит ни к чему более серьезному, чем улюлюканью на улице. В Тунисе дела обстоят иначе, и мы знаем два или три случая преднамеренной несправедливости со стороны родственников людей, принявших Христа. Однако, от этих христиан, похоже, не поступало никаких жалоб. Последним в этом году было случай, который произошел с одним обращенным благодаря работе Североафриканской миссии. Этот неопит-христианин явился в родной город, чтобы заявить о законном праве на часть наследства своего отца. Однако молодой человек получил грубый отпор со стороны своих двенадцати родственников, на основании того, что он стал христианином. Затем парня на три дня заключили в тюрьму, после чего несчастного выдворили с пустыми руками. На обратном пути к месту своего жительства, находившемся в другом тунисском городке, он опять на три дня угодил за решетку: за нарушение поста в месяц рамадан. Здесь, в Алжире, нашу главную проблему составляет {28} не столько открытое противостояние [мусульман], сколько использование ими наркотиков, или, возможно, гипноза, к

которым прибегают для того, чтобы лишить новообращенных «воли». И если они наделены характером слабым и нерешительным, то после такого давления воля их нередко оказывается парализованной. Мы уверены, что три четверти случаев отречения от христианства можно отнести на счет как раз этой причины, если только вообще можно докопаться до полной правды».

На Яве и в Китае идеи буддизма и конфуцианства оказали сильное влияние на ислам, существенно смягчив присущие ему черты: исключительность и нетерпимость. И, тем не менее, мы наблюдаем и в этих странах признаки все того же общего для всех мусульман отношения к тем из своих единоверцев, кто решил оставить их религию.

«Если бы я не знал, что меня самого могут предать смерти, узнай люди про это, — говорил магометанин с острова Ява одному из своих родственников, ставшему христианином, — то я не позволил бы тебе покинуть этот дом живым, ты, ничтожный христианский пес!»¹

Еще один весьма трогательный в своем глубинном смысле пример приводит Саймон: «Один из наших лучших магометанских христиан несколько лет не мог преодолеть очень темную полосу своей жизни. Одна неудача следовала за другой, и он непрестанно подвергался гонениям со стороны своих родственников-мусульман. В довершение всех бед, его жена скончалась после родов, оставив на руках отца новорожденного ребенка. И вот, он никак не мог подыскать для себя новую жену-христианку. И тогда его мусульманские родственники нашли для него подходящую женщину из мусульман. Он не мог устоять против столь большого искушения, и сдался. Разумеется, он получил ее в жены лишь на условии, что и сам станет магометанином. После всех этих событий молодой человек написал своему миссионеру следующее характерное письмо: “Горе, которое Бог послал мне, слишком велико, а искушение слишком жестоко. Я не могу его перенести. Я должен стать магометанином, чтобы снова обрести себе жену. Я уже получил свою часть наследства от Бога, подобно блудному сыну. И мне предстоит прожечь ее в распутной жизни. Добрые семена упали в мою душу вместе с сорняками, которые заглушили их. Теперь я — заблудшая овца, которая потерялась в пустыне. Так пусть же другие христиане не берут с меня пример! Я стал магометанином не потому, что действительно считаю веру Магомета хорошей религией. Я знаю, что Господь Иисус жив и восседает одесную Бога на небесах. Пять человек из моего народа уже умерли, оставаясь христианами. И моей целью было никогда с ними не разлучаться. Теперь же мои молитвы о том, {29} чтобы мой господин (миссионер) и его жена помогли мне обратить мою жену в христианство, чтобы и я, подобно блудному сыну, смог возвратиться из своих дальних странствий назад, к Богу, нашему Отцу”».²

В своей недавно вышедшей в свет книге «Полумесяц в Северо-западном Китае» мистер Г. Финдли Эндрю резюмирует эту непостижимую проблему в таких выражениях, которые в равной мере можно применить и в отношении других стран

¹ Саймон, «Развитие ислама на Суматре и его задержка». *Progress and Arrest of Islam in Sumatra*, by Simon, стр. 285.

² Саймон «Развитие ислама на Суматре и его задержка». *Progress and Arrest of Islam in Sumatra*, by Simon, стр. 323.

— например, к Китаю. «Ислам часто воспринимается как подлинное испытание для христианских миссий. “Однажды ‘хуэй-хуэй’ (мусульманин) — всегда ‘хуэй-хуэй’”, — это утверждение, можно сказать, превратилось в самый настоящий вызов, который брошен сегодня всей Церкви Христовой. В течение ряда последних лет всего лишь считанное количество “хуэй-хуэев” смогло познать истину Евангелия. После обращения ко Христу эти несколько человек были приняты или членами церкви, или же включены в число послушников. Число их, однако, было очень незначительным, и из тех, кто “твердо хранит веру”, лишь один остается в церковном сообществе на момент написания этой книги. На одной из станций на западной окраине нашей провинции несколько лет назад четыре “хуэй-хуэя” совершили обряд крещения, заявив о своей вере в Иисуса Христа, как в своего личного Спасителя. Гонения, которые им пришлось претерпеть, оказались очень серьезными, и в ряде случаев сама их жизнь подвергалась опасности. Возможно, все это послужило причиной их отпадения от христианства после того, как они пробыли христианами лишь какое-то время».¹

Первым, обращенным из мусульман в христианство, которого я встретил в своей жизни, оказался Камиль Абдель Мессих. Этот человек познал Христа в Сирии, был крещен в Бейруте, и затем в течение двух лет пребывал верным и бесстрашным пионером-евангелистом на Аравийском побережье в рядах нашей миссии (1890-1892). Однако в последствии он пал жертвою установления о вероотступничестве. Камиль оказался отравленным каким-то ядом в Бусре, где и был похоронен в мусульманской могиле. История жизни Камиля была описана Генри Х. Джессупом, доктором теологии, в его книге «Закат полумесяца и восхождение креста» (Филадельфия, 1898).² Когда я писал эти строки, тридцать два года спустя, в Каире, ко мне подошел один студент-мусульманин, только что прекративший заниматься на моем курсе [по изучению Библии]. Как выяснилось, его отец указал ему на дверь и угрожал убить его, если он будет продолжать читать христианские книги. Этот ученик спросил меня: «Но как мне быть со словами нашего Учителя: “Кто бы ни отрицал Меня перед людьми...”?»³ А затем этот бездомный парень посмотрел на меня глазами, в которых горела нетерпеливая жажда ответа на молитву, которую мы вместе вознесли. Ведь он прекрасно знал мусульманские законы относительно вероотступников.

¹ Эндрю, «Полумесяц в Северо-западном Китае». *The Crescent in North-west China*, by Andrew, стр. 110.

² Henry H. Jessup, *The Setting of the Crescent and the Rising of the Cross*.

³ «А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Евангелие от Матфея 10:33). См. примечание в самом конце Главы IV. — *Прим. перев.*

ГЛАВА II.

ЗАКОН ОБ ОТСТУПНИЧЕСТВЕ.

«Великий визирь Турции в 1843 году в своем официальном послании лорду Эшли писал: “Законы Корана не заставляют никого из людей становиться мусульманином, но они непреклонны, как в отношении мусульманина, перешедшего в иную веру, так и в отношении человека, по своему собственному желанию публично заявившему о своем решении принять ислам, и впоследствии уличенного в отречении от этой религии. Никакие соображения не принимаются во внимание для того, чтобы смягчить наказание — смертную казнь — на которое закон безо всякой жалости обрекает виновного”».

У. СЕНТ-КЛЭР ТИСДАЛЛ, в «Миссионерском обозрении».

ГЛАВА II.

ЗАКОН ОБ ОТСТУПНИЧЕСТВЕ.

В ЭТОЙ главе мы хотим представить вниманию читателей отрывки из Корана, в которых говорится о вероотступничестве, вместе с их общепринятыми у мусульман толкованиями. Также мы собираемся обратиться к исламским преданиям и заглянуть в классические книги по юриспруденции, дабы показать, что предписывают исламские законы в случае отступничества, и каковы могут быть наказания, предусмотренные за этот проступок.

Слово, которое используется в арабском языке для отступника, произносится как «мургад», и человек, который совершает вероотступничество, называется «ман артадд ‘ан динихи», буквально: «тот, кто поворачивается спиной к религии». Вот два понятия, использующиеся в мусульманском законодательстве для обозначения отступничества: «иртидад» и «ридда». Последний термин относится к уходу из ислама в неверие, «куфр»; первый же обозначает измену исламу ради другой религии, например, христианства.¹ Отрывки Корана, в которых упоминается вероотступничество, находятся в Суре «Женщины», аят 90; Суре «Трапеза», аят 59 и Суре «Пчела» («Пчелы»), аят 108. Вот они:

¹ «Муфрад-ат-фи-гариб Аль-Коран-лиль», шейха Ар-Рагиба, стр. 191.

«Почему вы разделяетесь на две партии в отношении лицемеров, когда Бог уже перевернул за то, что они заслужили? Вы хотите вести тех, кого Бог увел в сторону? Кого Бог увел в сторону, тому вы воистину не найдете дороги! Они хотели бы склонить и вас к неверию, как сами они не веруют, чтобы вы оказались такими же. Не берите себе из них покровителей, пока они также не станут сражаться на пути Божиим. **Если же они повернут свои спины, тогда хватайте их, где только не найдете, и не берите их ни покровителями, ни помощниками**» (IV. 90, 91).¹

«О вы, что верите! Кто из вас отвернется от своей религии — Бог приведет (вместо него) людей, которых Он любит, и которые любят Его, которые смиренны для верующих, величественны для неверующих, энергичны на пути Божиим, и не боятся проклятий того, кто проклинает» (V. 59).²

Было бы уместным процитировать общепринятое толкование Бейдави к первому отрывку: «Кто от своей веры отвращается назад (“иргада”), тайно или открыто, хватайте того и убивайте, где бы вы его ни встретили, подобно любому неверному. {34} **Не слушайте никаких советов. Не принимайте никаких ходатайств в отношении него**».³

Все прочие общепринятые толкования этого стиха целиком совпадают с комментарием Бейдави.

Третий отрывок из Корана находится в Суре «Пчелы», XVI. 108. В нем рассматриваются два вида вероотступников: те, кого заставили отречься от своей веры — к ним отношение снисходительное; и те, кто стал отступником по доброй воле. У толкователей этого отрывка также не возникает разногласий относительно его интерпретации.

¹ Крачковский: «Почему же вы в отношении лицемеров — две партии? Аллах низверг их за то, что они приобрели. Не хотите ли вы вывести на прямой путь тех, кого сбил Аллах? Ведь, если кого Аллах сбил, для того не найдешь дороги! Они хотели бы, чтобы вы оказались неверными, как были неверными они, и вы бы оказались одинаковыми. Не берите же из них друзей, пока не выселятся по пути Аллаха; **если же они отвратятся, то схватывайте их и убивайте, где бы ни нашли их. И не берите из них ни друзей, ни помощников**».

² Вариант перевода Крачковского: «О вы, которые уверовали! Если кто из вас отпадет от своей религии, то... Аллах приведет (вместо вас) людей, которых Он любит и которые любят Его, смиренных перед верующими, великих над неверными, которые борются на пути Аллаха и не боятся порицающих».

³ По своему характеру этот комментарий Корана напоминает слова Папы Григория I, первого папы римского, ставшего открытым апологетом войны. Он посылал в битву даже своих епископов: «Ваш долг — убивать всех, и продолжайте убивать, пока они не обратятся!» Чтобы епископы-воины не совершили ненароком «греха пролития крови», их вооружали специальными дубинками. До 590 года, до Григория I, христиане считали войну злом, от которого следовало воздерживаться. — *Прим. перев.*

«Кто разуверился в Боге после того, как уверовал — за исключением такого, кого заставляют, но сердце его спокойно в своей вере — но те, кто подставляет свою грудь неверию — на тех гнев Божий, и тем великое горе! Это потому, что они предпочли любовь мира сего жизни в мире грядущем; но воистину Бог ведет людей не неверующих!» (XVI. 108).¹

Возможно, использовать четвертое упоминание — в Суре II. 214 — в качестве подтверждения идеи, что вероотступничество заслуживает смерти, будет ошибочным. Этот аят нужно переводить иначе, чем переводит его доктор У. Сент-Клэр Тисдалл:² «Если кто отступится от своей религии, **пусть умрет за это**, и он — неверный». Вот более точный перевод: «Если кто отступится от своей религии и умрет, тот — неверный».³ Причем, мы не ограничиваемся **одним** лишь текстом Корана, но тщательно изучаем его, даже в случае и с последним отрывком, вместе с его толкованиями. И согласно самим **комментаторам** Корана не может быть никаких сомнений, что Коран в качестве наказания за отступничество называет смерть.

Весьма популярный толкователь Корана Аль-Хазан (широко известный в Магометанском университете под прозвищем «Аль-Азхар»), цитируя Малика ибн Анаса, Ахмада ибн Ханбалия и прочих, дает этому отрывку следующее толкование: «Все деяния отступника оборачиваются тщетой и пустотою, как в мире этом, так и в грядущем. **Он должен быть убит**. Его жена должна быть отделена от него, и он лишается всех прав на наследство» («Аль-Азхар», стр. 155, том i, Каирское издание). В своих комментариях к двести четырнадцатому аяту второй Суры Асс-Са'алиби (788 год хиджры) не оставляет никаких сомнений в том, что, какой бы ни была грамматическая конструкция обсуждаемого аята, «в нем заключено требование смерти для отступника» (*Смотрите*: «Аль-Азхар», том i, стр. 167, Алжирское издание, 1323).

{35} И, наконец, великий толкователь Фахр-уд-Дин-ар-Рази (том. ii, стр. 220, строки с 17-ой по 20-ю, Каирское издание, 1308) определенно отдает предпочтение толкованию этого отрывка именно в том смысле, в котором он предстает нам в переводе доктора Тисдалла, и его мнение также оспаривается критиками Уокинга. Фахр-уд-Дин утверждает, что вероотступник должен быть убит, и должен утратить как свою супругу, так и состояние. Впрочем, справедливости ради заметим, что текст Корана вовсе необязательно содержит в себе именно такой смысл. Например, Табари в своем толковании Корана, судя по всему, не отдает этой

¹ Перевод Крачковского: «Кто отказался от Аллаха после веры в Него — кроме тех, которые вынуждены, а сердце их спокойно в вере — только тот, кто открыл неверию свою грудь, на них — гнев Аллаха, им — наказание великое».

² «Мизан уль-Хакк» Пфантера в редакции Тисдалла. *Mizan-ul-Hagq*, by Pfander, revised by Tisdall, стр. 364, Лондон 1910.

³ У Крачковского: «А если кто из вас отпадает от вашей религии и умрет неверным, у таких — тщетны их деяния в ближайшей и будущей жизни! [Эти — обитатели огня, они в нем вечно пребывают!]»

трактровке предпочтения. В комментариях Заркани по «Аль-Муватта» (том iii, стр. 193) содержится много примеров, когда иудеи и христиане переходили в ислам, но затем совершали вероотступничество, после чего всех их немедленно убивали. Там делается заявление о том, что **«перемена ислама на любую иную религию, какую бы то ни было, влечет за собою смертную казнь»**. «Аль-Нахайат фи Гариб Аль-Хадис» Ибн Ассира (каирское издание, том iv, стр. 38), приводит соответствующие разъяснения, когда следует приводить этот закон в действие, и дает определение, в каких случаях вероотступника надлежит считать **«кафиром»**. Достаточно процитировать лишь одну книжку по истории мусульманской религии, выбрав из множества прочих, ей подобных: ее используют в качестве учебного пособия по истории в общеобразовательных школах Египта. И так, Ибн Тактаки в своей книжке про историю под названием «Аль-Фахри филь Адаб Ас-Султанийя» (стр. 67 каирского издания 1317 года) говорит, что Абу Бекр перебил абсолютно всех вероотступников после смерти Мухаммеда.

Конечно же, исламское законодательство в первую очередь основывается на учении, изложенном в Коране; однако не меньшее влияние оказывает на него и мусульманское Священное Предание. Эти два изначальных источника утверждаются в качестве канонического свода законов общим соглашением, которое носит название «Иджма'а».¹ Характерно, что все книги по каноническому исламскому законодательству включают в себя раздел о наказаниях, которые влечет за собою вероотступничество. Обычно эта часть преступлений идет наряду с другими, за которые закон предусматривает смертную казнь. И всего подобным образом караемых преступлений семь: бунт, вероотступничество, прелюбодеяние (со стороны свободной женщины), брань, употребление вина, кража и разбой на большой дороге.²

Ранние законы и практика в отношении отступников из ислама были, вероятно, менее суровыми и строгими, чем те, что установились к тому времени, когда господство ислама установилось по всей Аравии и его владения стали выходить за ее пределы. Многие из мусульманских «преданий», в которых рассказывается о вероотступниках, были сфабрикованы для отражения более поздних тенденций, для которых требовалось подкрепление Божьим авторитетом и примерами из жизни Пророка.³ Кроме того, такие сфабрикованные предания имеют большое значение еще и потому, что они превратились в часть ортодоксального ислама задолго до того, как мусульманские законы были систематизированы.

Этот огромный и авторитетный источник всего мусульманского законодательства, их Священное Предание, называется по-арабски «хадис». Марк Твен однажды сказал, что «классик» в литературе — это такой автор, о котором все

¹ Термин «Иджма», «согласие», означает достигнутое соглашение авторитетных людей по какому-либо вопросу, их общее мнение. Это один из источников «фикха», мусульманского права. — *Прим. перев.*

² См. «Ваджиз» Аль-Газали, том ii, стр. 164-169 (Каир, 1317 год хиджры).

³ Сравните с «Анналами ислама» Кретана (вступление), Cretan's *Annals dell' Islam*, том i: стр. 340 и 352; том ii: «Хиджра», 11 раздел, стр. 77, 120, 128; том iii: «Хиджра», 14 раздел, стр. 252, и т.д.

говорят, но никто его книги не читает. Я опасаясь, что подобный эпитет вполне можно применить и к «хадисам». Безусловно, они представляют интерес для многих, претендующих на звание толкователей ислама и хорошо знающих, что Коран является далеко не единственным источником исламской теологии, юриспруденции и практических обязанностей человека относительно повседневной жизни. Этих источников на самом деле четыре — и хадисы среди них занимают важнейшее место. Сборники хадисов превосходят Коран и по количеству интересующихся ими людей, и по качеству оказываемому ими воздействия на умы. «Иджма'а», а равно и «кийяс» (в это понятие включается соглашение, достигнутое между собою некими учеными людьми, представляющими большое сообщество верующих, а также вынесенные ими умозаключения правового характера), тоже основаны на «суннат-ан-наби», то есть практике или примерах из жизни Пророка, как они записаны в Священном Предании. То, чем является «михраб» (ниша для молитвы) для подлинной «киблы» в сторону Мекки; тем хадисы служат для «сунны». ¹ Это — точное отражение того, как поступал Мухаммед, и что, таким образом, оказалось отмечено Божиим одобрением и авторитетом.

Эти сборники преданий у мусульман пользуются такой же популярностью среди простого народа, какой пользуется у христиан книга Шелдона «Как бы поступил Иисус?» ² Только в случае с мусульманами это воспринимается не как художественное произведение на тему религии, но как подлинное божественное откровение («аль-уахи-гайр-аль-матлу»). Все шесть признанных стандартными сборников хадисов известны едва ли не всякому магометанину по своим названиям, но кто их в действительности читал? В шестом столетии хиджры имам Хуссейн Аль-Багави подготовил тщательную и авторитетнейшую коллекцию из всех шести классических книг под названием «Мишкат-уль-Масабих». Появление на свет этого труда повлекло за собою волну небывалой популярности, и, возможно, он представляет самое известное собрание безбрежного мусульманского талмуда. «Мишкат-уль-Масабих» был переведен мусульманами на персидский и другие языки. Кроме того, переведенная капитаном Мэтьюзом на английский язык, эта книга в 1809 году была издана в Калькутте. Новый, хотя и сильно

¹ Михраб — ниша в стене каждой мечети, обращенной в сторону Мекки, обозначающая направление, киблу, в котором должны быть повернуты лица молящихся. В Коране (34:12, 13; 38:20, 21) употребляется в смысле «алтарь», «святылище». По аналогии с христианством можно сравнить михраб мусульман с алтарем ортодоксального христианского храма. «Суннат-ан-Наби» — буквально, «пути Пророка». Сунна («путь», стиль жизни, манера поведения) — предание мусульман, содержащее высказывания Мухаммеда или описания его поступков. Традиционное правоведение в исламе руководствуется тремя «суннами»: 1) «Суннат' аль-Филь» — то, что делал сам Мухаммед; 2) «Суннат' аль-Кауль» — что Мухаммед предписывал; и 3) «Суннат' ат-Такрир» — то, что говорилось или делалось в присутствии Мухаммеда и не было им запрещено. — *Прим. перев.*

² Поистине замечательная книга, повествующая о реальных событиях — духовном пробуждении в Северной Америке, и, в свою очередь, послужившая стимулом к мощному движению по возвращению к евангельским истинам. Основной идеей автора служит девиз: «Задай себе вопрос, как бы поступил Иисус на твоём месте?» Многих американцев в сложные моменты жизни выручало простое клише, аббревиатура этого вопроса: W. W. J. D.? (**W**hat **W**ould **J**esus **D**o?). Эта мысль оказалась настолько популярной, что зачастую люди, в том числе и д-р Цвемер, забывают правильное название книги Шелдона: In His Steps («Его путем»). — *Прим. перев.*

сокращенный перевод, сделанный преподобным Уильямом Голдсаком, вышел в свет 1923 году.¹

Бесперспективно судить о реальном характере ислама по одному лишь Корану, подобно тому, как делать заключение о верованиях и {37} обычаях христиан, живущих в Мексике, из апостольских посланий Павла, или об ортодоксальном иудаизме — по Пятикнижию. Нет ни одной мусульманской секты, рассматривающей Коран, как единственное мерило веры и руководство для ежедневной деятельности. Сложный замок всех неясных мест в Коране отпирается только ключом Предания. И в этих хадисах одновременно заключается и сила, и слабость ислама. Они показывают реального Мухаммеда и служат ему обвинением. Интеллигентные мусульмане испытывают настоящий трепет и благоговение перед сборниками преданий Аль-Бухари и Муслима. Недостоверность многих преданий и их в общей сложности слабость, если рассматривать их в качестве основной поддержки ислама, только повышает важность их изучения.²

Самой прославленной коллекцией среди шести канонических собраний исламских преданий является сборник хадисов Бухари. Он посвятил шестнадцать лет отбору своих семи тысяч ортодоксальных преданий из шестисот тысяч существовавших к тому времени. Во всех общепринятых собраниях подобного рода существует особый раздел, посвященный теме отступничества и наказанию отступников, которое совершалось руками Мухаммеда или его соратников. Толкователи преданий не оставляют нам никаких сомнений относительно их интерпретации. Такие предания, касающиеся отступников и отношения к ним Мухаммеда, а также описывающих обращение с ними, встречаются в собраниях хадисов как Бухари, так и Муслима. В двух канонических толкованиях Бухари приводится множество дополнительной информации, а также добавлено толкование отрывков Корана, касающихся отступничества, а именно: «Фасс аль-Бари» Аль-Аскалани, том хii, стр. 89-91 и стр. 214-225 (каирское издание); и «Амдат аль-Кари» Аль-Айни, том xi, стр. 143-144 и стр. 230-236. Первый раздел в обоих этих толкованиях хадисов называется «О неверующих и отступниках, ведущих войну с исламом»; второй раздел озаглавлен «О раскаянии отступников и мятежников, и о тех случаях, когда убийство их обязательно». Если мы начнем наше исследование со знаменитой коллекции из сорока преданий Ан-Навави, то обнаружим следующее: «Апостол Божий³ говорил, что кровь собрата-

¹ Христианское литературное общество Индии. «Выдержки из магометанских преданий». Christian Literature Society for India. *Selections from Mohammedan Traditions*. Перевод с арабского. 1923 год, Мадрас.

² Сравните со статьей профессора Вензинка в журнале «Мусульманский мир» за июль 1921 года. Там говорится: «Не удивительно, что канонические собрания преданий — особенно Бухари и Муслима — в глазах общества достигают почти такого же высокого ранга, как Коран. Клятвы приносятся на экземпляре собрания «хадисов» Бухари; во времена народных волнений или опасностей эта книга читается для того, чтобы отогнать их; эти предания являются настоящим жезлом ислама, и служат ему оружием по сей день».

³ То есть, пророк ислама Мухаммед. «Апостол» или «Посланник» — традиционный титул Мухаммеда для хадисов и комментариев к тексту Корана. — *Прим. перев.*

мусульманина никогда не должна быть пролита, за исключением трех случаев, а именно: если имеешь дело с прелюбодеем, с убийцею, {38} и когда кто бы то ни было оставляет исламскую религию». Комментарий к этому преданию такой: «Совершивший грех прелюбодения должен быть заброшен камнями; убийца, найденный виновным в своем преступлении, должен быть умерщвлен мечом; но тот, кто оставляет ислам, становясь непокорным Богу и Его Апостолу — пусть у того будут отрублены конечности,¹ или будет он распят, или истреблен с лица земли».

Другие предания говорят о том же самом:

«Рассказывают, что слышали от Икримы, как тот говорил: “Лицемеры были приведены к ‘Али, и он предал их огню, сжег их”. Эта весть дошла до слуха Ибн ‘Аббаса, и тот сказал: “Если бы на его месте оказался я, то я бы не стал сжигать их, потому что Апостол Бога это запретил: ‘Не наказывай наказанием Божиим’, но я бы определенно убил их в соответствии со словами Апостола: ‘Кто бы ни отвратился от своей религии, убей его!’”» — *Хадисы Аль-Бухари*.

«Рассказывают, что слышали от Али, как тот рассказывал: “Я слышал, что Апостол Божий говорил: ‘Должны явиться люди к концу времен, молодые по летам и глупые в своем видении, которые будут произносить самые прекрасные слова со времени отворения мира; но их вера не выйдет дальше их гортаней. Они проскочат сквозь религию, как стрела пролетает сквозь то, во что попадает. Поэтому, где бы вы ни встретили их, убивайте их; ибо, воистину, кто убьет их, того ждет награда в день воскресения!’”» — *Хадисы Муслима и Аль-Бухари*.

«Рассказывают, что слышали от Анаса, как он говорил: “Как-то группа людей из племени ‘Укль явилась к Пророку, и все они принял ислам. Но так случилось, что этих людей подкосила в Медине болезнь, поэтому Пророк велел им пойти к верблюдам, что были приведены [мусульманам] в качестве дара, и пить их для исцеления мочу и молоко. Те так и поступили, и их здоровье поправилось. Но **после этого эти люди отреклись** [от ислама], поубивали тех, кто сторожил верблюдов, и угнали всех верблюдов с собой. Тогда (Пророк) послал за ними погоню, и они были приведены назад. Затем он отрубил им руки и ноги и выколол глаза. После чего он не стал останавливать их кровь, пока те не умерли”. В другом предании говорится, что “он вогнал гвозди им в глаза”. А еще одно предание повествует, что “он приказал сделать гвозди, и их раскалили докрасна, и затем он пронзил их ими. После чего оставил их лежать на каменистой равнине. Они просили пить, но им не давали, пока они не умерли”». — *Хадисы Муслима и Аль-Бухари*.²

¹ См. рассказ о трагедии Абдуль Карима в конце следующей главы. — *Прим. перев.*

² См. факсимильную копию арабского текста этого предания на странице, противоположной странице 40 оригинала. [В наш гуманный век мы вправе порицать Мухаммеда за столь жестокое наказание. Однако нельзя не заметить, что его гнев был вызван не столько **вероотступничеством**, сколько черной неблагодарностью людей, которым он только что помог. Подобное вероломство никак нельзя приветствовать, и от Мухаммеда, наказывавшего подлых воров, бессмысленно ожидать милосердия. Не будем забывать, что пророк арабов не знал ни Христа, ни подлинного характера Божия. Воры же, рассчитывавшие избежать наказания, не верили в Бога, воздающего каждому по заслугам, за что и поплатились. Впрочем, эта история не выглядит слишком

Нет, мы не стали бы приводить здесь подобного рода преданий, если бы в этом не было необходимости. {39} Это делается для того, чтобы опровергнуть заявления тех, кто не устает твердить, что в исламе не существует наказания за вероотступничество. В определенных случаях заступники ислама даже делают попытки обосновать свои утверждения хадисами, которые мы только что рассматривали.

Например, в одна тысяча девятьсот двадцать втором году проживающие в Британии мусульмане из секты «Ахмадийя»,¹ которая располагает собственной штаб-квартирой в Уокинге, активно распространяли в Палате общин [Парламента] и других местах листовку, имевшую прямое отношение к вопросу об отступничестве в исламе. Целью этого воззвания было показать, что ислам, якобы, всегда был веротерпимой религией, защищавшей права христианских и иудейских меньшинств. Аргумент благовидный, но не убедительный. Мы процитируем пару абзацев из этого документа:

«Во дни жизни Пророка все достоверные источники, рассказывающие о его деяниях, хранят молчание по этой теме. Несомненно, в те времена могло быть множество вероотступников, но ни один из них не был наказан, ибо таков есть и таковым всегда оставался основополагающий принцип ислама: в религии не должно быть никакого принуждения.²

Мы, однако, читаем в наших преданиях историю о том, как группа людей из племени 'Укль была предана смерти. Вскоре после принятия ислама эти люди заявили, что климат Медины вреден для их здоровья, и, пойдя на место, как им было указано, где паслись принадлежавшие властям

достоверною. Скорее всего, подобно преданиям христианским, она была выдумана гораздо позже, как красочный пример для исламского права. — *Прим. перев.*]

¹Ахмадийя (другое название «кадиани») — мусульманская община, основанная в Индии мирзой Гулямом Ахмадом Кадияни (1835-1908). Его учение (изложенное в восьмидесяти трудах, написанных на урду и арабском), опирающееся на Коран и мусульманские предания, носит синкретический характер: оно обращено к мусульманам, христианам и представителям других религий. Для Ахмадийи характерно рационалистическое толкование Корана и собственная интерпретация основных предписаний ислама. В практической жизни представители общины уделяют большое внимание просветительству, принимают участие в политической жизни (в частности в Пакистане). — *Прим. перев.*

² Сура ii. 257: «Нет принуждения в религии. Уже ясно отличился прямой путь от заблуждения. Кто не верует в идолопоклонство и верует в Аллаха, тот ухватился за надежную опору, для которой нет сокрушения». Перевод Крачковского дает нам яркий образец своей незавершенности: «...кто не верует в идолопоклонство». Трудное место в Коране. Ближе всего к арабскому подлиннику английский перевод Шакира: «Нет принуждения в религии; истинно прямой путь стал ясно отличен от заблуждения; а потому, кто разуверится в шайтане и поверит в Аллаха, тот подлинно ухватился за крепчайшую опору [для руки], что не сломается, а Аллах — Слышащий, Знающий». Шакир исходил из того, что прежде в этой суре слово «кафара» («скрывающий», то есть, тот, кто скрывает истину) встречается с сопутствующим ему словом «аль-шайатина», «шайтаны». В 256 (257) аяте нет слова «шайтан», только «кафару», но Шакир логично заключил, что корень «кафир» должен быть синонимом шайтана. Слово «шайтан», собственно, не арабское, но арамейское: «шатан». «Сатана» — так греки транслитерировали его на свой язык. Очевидно, наиболее точный смысл этого обращения к людям: **«Перестаньте верить сатане, и поверьте Богу!»** — *Прим. перев.*

стада верблюдов, они убили пастухов и угнали этих верблюдов с собою. Они были обвинены в убийстве и разбое: преступлениях, за совершение которых предусмотрена смертная казнь, как говорится в пятой Суре Корана, стих 33.¹ Этот эпизод многократно приводится толкователями Корана в комментариях к стихам, в которых говорится о предании смерти за убийство и разбой; и нет никаких других примеров, которые можно было бы так повернуть, чтобы возникло мнение, будто за отступничество от ислама полагается смертная казнь».

Мы предоставляем возможность читателю самому решать, был ли «этот эпизод», упоминаемый во всех общепринятых собраниях преданий под заголовком «Отступники», записан для того, чтобы проиллюстрировать наказание за убийство и разбой или же, чтобы проиллюстрировать наказание за вероотступничество. Но каким бы ни был первоначальный замысел, сами мусульмане склонны использовать это авторитетное предание в поддержку требования смертной казни именно за вероотступничество.²

Теперь мы обратимся к некоторым книгам по юриспруденции, которые используются в качестве учебных пособий в мусульманских юридических учебных заведениях.

Одной из самых популярных трудов по ханафитскому³ праву является книга

¹ «Действительно, воздаяние тех, которые воюют с Аллахом и Его посланником и стараются на земле вызвать нечестие, в том, что они будут убиты, или распяты, или будут отсечены у них руки и ноги накрест, или будут они изгнаны из земли. Это для них — позор в ближайшей жизни, а в последней для них — великое наказание». — Крачковский, Сура v. аят 37 (33). — *Прим. перев.*

² Логически, для мусульман понятие «вероотступничество» должно быть равнозначно отказу от праведного образа жизни. Угонщики верблюдов бросили ислам, поскольку соблазнились легкой добычей. Их преступление показало, что они **не поверили** в Бога. В этом плане позицию британских представителей движения «Ахмадия» можно понять: хадисы «отступника» показывают «неправедным», «преступником», никчемным человеком во всем. Пропасть между праведностью и грехом гораздо глубже, чем чисто поверхностные различия между формальным христианством и исламом. Христианам очень трудно удерживаться от лицепрятия в отношении мусульман, и помочь здесь может только прозрение, аналогичное раскаянию апостола Петра: «...Истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но **во всяком народе** боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему» (Деяния 10:34-35). К сожалению, как мы увидим далее, вероотступников из ислама преследуют и даже убивают не за конкретные уголовные преступления, а именно за сам факт отрицания их прежней религии. — *Прим. перев.*

³ Ханафитское учение (по имени его основателя Абу Ханифы, о нем смотрите прим. перев. на следующей странице) — учение, возникшее в восьмом веке в городе Куфа (Ирак), особенности которого таковы: Коран принимается как источник права целиком и безоговорочно; сунна принимается как независимый источник, но только после тщательного отбора хадисов; согласованное мнение («иджма»), унаследованное от предшественников, учитывается только в том случае, если оно исходит от тех людей, которые считаются передатчиками достоверных хадисов. Но при исследовании новых вопросов принимается «иджма» всякой другой группы авторитетных лиц. Ханафитское учение допускает широкое применение обычного права («урф») как вспомогательного, но независимого источника права, что позволяет упрощать деловые отношения, вступать в деловые и бытовые контакты с иноверцами и получать значительные послабления в быту. [«Ханиф» — благочестивый человек, исповедующий правильное единобожие. — *Прим. перев.*].

Бурхан-эд-Дина Али под названием «Хедайя». Она была переведена Чарлзом Гамильтоном по заказу Бенгальского консула, и английское издание вышло свет в Лондоне еще в одна тысяча семьсот девяносто первом году. Переводы этого свода {40} законов сделаны на турецкий и другие языки. «Хедайя» штудируется в качестве учебника в юридических школах и пользуется большим авторитетом. Мы приводим цитату из этой книги, том II, глава IX, страница 225, «Закон относительно отступников»:

«Когда мусульманин отступает от своей религии, ему следует сделать по этому поводу внушение такого характера, чтобы, если его отступничество явилось результатом каких бы то ни было религиозных сомнений или колебаний, их можно было развеять. Причина, по которой отступнику надлежит дать подробное разъяснение в вере, заключается в том, что в процессе этого убеждения некоторые возможные **сомнения** или **заблуждения**, зародившиеся в его душе, могут быть удалены за счет этого разъяснения. Поскольку существует только два способа устранения греха отступничества, а именно, **уничтожение** или **ислам**, и, поскольку ислам очевидно предпочтительнее уничтожения, то следует стремиться справляться со злом посредством религиозного убеждения. Как бы то ни было, подобное разъяснение религии не следует считать обязательным (в соответствии с мнением по этому вопросу ученых богословов), поскольку призыв к вере уже прежде достигал слуха отступника.

وسلم نفر من عدك فاسلموا فاجتووا المدينة
فامرهم ان ياتوا اهل الصدقة فاستروا
من ابوالهاق والبارنا ففعلوا فاضحوا
فارتدوا وقتلوا عابريها واستاقفوا
فبعث في انارهم فاني بهم فقطع ايديهم
وارجلهم وحمر العينهم ثم لم يحسنهم
حتى ماتوا لم يحسن النبي
صلى الله عليه وسلم المحاربين من اهل
الردة حتى هلكوا محمد بن الصلت
ابو يعلى حدثنا الوليد حدثنا الاوزاعي
عن يحيى عن ابي قلابه عن الشمر رضي الله
عنه ان النبي صلى الله عليه وسلم قطع
القرنين ولم يحسنهم حتى ماتوا
لم يسبق المرتدون المحاربون
حتى ماتوا موسى بن اسماعيل
عن وهيب عن ابي يوب عن ابي قلابه
عن الشمر رضي الله عنه قال قدم مرهظ
بن عجل على النبي صلى الله عليه وسلم كانوا
في الصفة فاجتووا المدينة فقاتلوا

ФАКСИМИЛЕ РУКОПИСНОЙ СТРАНИЦЫ ИЗ СОБРАНИЯ ХАДИСОВ АЛЬ-БУХАРИ. Здесь говорится о том, как Мухаммед обращался с вероотступниками.
(См. стр. 38 оригинала).

Отступника следует заключить в тюрьму сроком на три дня. Если в течение этого периода он вернется к вере, тогда хорошо; если же нет, его следует предать смерти». Как записано в “Джам ‘а Сагир”: “С отступником нужно провести разъяснительную беседу о вере, и если он упорствует в своем отречении, его следует лишить жизни”. Что касается вышеупомянутого утверждения о том, что “отступник должен быть заключен в тюрьму на три дня”, то предполагается, что только в том случае, если он сам попросит отсрочки, ему гарантированы три дня; это условие общепризнано и допустимо для его размышлений. Согласно же мнению **Абу Ханифы**¹ и **Абу Юсефа**,² вышеупомянутая отсрочка в три дня должна быть дарована отступнику, просит он о ней, или нет. Записано со слов **Аш-Шафии**,³ что на имама возложена обязанность подождать с казнью вероотступника три дня, и лишить отступника жизни до истечения этого срока будет незаконно. Ведь, скорее всего, мусульманин стал отступником в результате каких-то своих сомнений и заблуждений, и потому ему необходимо предоставить некоторое время для размышлений — вот этот период и определен в три дня. Возражения наших ученых мужей на этот счет двоякого характера. Во-первых, Бог заявляет в Коране: “Убей неверующего”, не говоря ни о каких положенных ему трех днях. Равно и Пророк говорит: “Убей человека, переменяющего свою религию”, и тоже ни словом не упоминает ни о какой отсрочке. Во-вторых, отступник {41} является **неверующим-врагом**, безбожником, который уже услышал призыв к вере, а потому может быть предан смерти немедленно, безо всякого промедления. Отступник в этом случае определяется как “**враг-безбожник**”, потому что он таковым несомненно является. Он не находится **под защитой**, поскольку не просил о защите; также его нельзя считать “зимми”, потому что от него не получали подушной подати;⁴ вот поэтому и считается доказанным, что он — **неверующий-враг**. Следует заметить, что во всех этих правилах не делается различий между **свободным** человеком-отступником и отступником-**рабом**,

¹ Абу Ханифа — богослов-законовед, основатель ханафитского мазхаба (правовой школы, подробнее о которой читайте примечание переводчика на предыдущей странице). С Абу Ханифы начинается письменная традиция в исламском богословии. — *Прим. перев.*

² Абу Юсеф (Йусуф) — первый верховный кади в исламе, ближайший помощник и ученик Абу Ханифы. После смерти Абу Ханифы занял его место в ученых кругах Ирака и продолжил его дело. — *Прим. перев.*

³ Мухаммад Аш-Шафии — имам, богослов, основатель собственного мазхаба. Шифииты — последователи его мазхаба. — *Прим. перев.*

⁴ Подушная подать («джизья») взимается в мусульманских государствах с иноверцев («зимми») и рассматривается исламскими правоведами как своего рода выкуп за сохранение жизни при покорении территории мусульманами. — *Прим. перев.*

поскольку приведенные аргументы в равной степени применимы для обеих этих категорий...»

Если отступник умрет или будет убит, оставаясь отступником, его собственность, нажитая в то время, когда он еще не отступал от своей веры, переходит к его наследникам-мусульманам, а та, что была приобретена во время его отступничества, становится общенародным достоянием, следовательно, переходит в общественную казну. Это — согласно учению Абу-Ханифы...

Все сделки отступника в отношении его собственности (как то: покупка, продажа, вольная грамота рабу, отдача в залог или дарение), сделанные в период его отступничества, не должны иметь никакого эффекта, их совершение приостанавливается. Если впоследствии он становится мусульманином, все совершенные действия приобретают законную силу; однако если он умрет, или будет убит, или эмигрирует в другую страну, эти сделки аннулируются.

«Если кто-либо убьет отступника до того, как ему будет дано разъяснение в вере, это следует считать омерзительным (то есть, должно считаться достойным похвалы предоставить отступнику на время безопасность). Ничто, как бы то ни было, не должно вменяться в вину убившему вероотступника. Ведь сама неверность враждебного [к исламу] делает лишение его жизни допустимым. И **разъяснение** веры, после [уже сделанного и услышанного отступником] **призыва** к вере, нельзя считать обязательным. и разъяснительная религиозная беседа после призыва к вере не обязательна.

Если женщина-мусульманка становится отступницей, то ее не следует предавать смерти, но заключить под стражу и содержать там до тех пор, пока она не возвратится к вере. Однако Шафии считает, что ее все же следует лишить жизни, ссылаясь на вышеупомянутое предание; а также потому, что мужчины предаются смерти за одно только отступничество, ибо это очень серьезное преступление, и потому заслуживает наказания соответственно сурового (а именно: **смертной казни**). Поэтому и отступничество, совершенное женщиной, точно так же (как и совершенное мужчиной) является преступлением очень серьезным, и, следовательно, наказание **женщины** должно быть таким же, как и наказание **мужчины**.¹

{42} Если оба, и муж, и жена, стали отступниками, и если они бежали в иностранное государство, и жена стала там беременной, и родила ребенка, и впоследствии у этого ребенка тоже родился ребенок, и мусульманская армия захватила эту территорию, то их ребенок и ребенок этого ребенка оба становятся добычей и собственностью мусульманского государства. **Ребенок** — потому, что его отступница-мать становится рабыней, а вместе с нею и ее ребенок, как ее нахлебник, тоже становится рабом. **Ребенок ребенка** — поскольку он по

¹ Чарлз Хэмилтон, «Хедайя или руководство: толкование мусульманских законов», том ii, стр. 227. Hamilton's *Hadaya, or Guide; a Commentary on the Mussulman Laws.*, Те же самые законы рассматриваются во всех книгах по исламскому праву, «фикху». В том числе известное руководство Ибн Рухди Аль-Картаби «Бадайет Аль-Муджтахид», *Badayet-ul-Mujtahid*, by Ibn Rushdi Al Qartabi, том. ii, стр. 383 (каирское издание).

рождению неверный и враг; и так как неверный по рождению становится **добычей** или собственностью мусульманского государства, точно так же и **он**. Кроме того, если **ребенка матери-отступницы** можно принудить стать мусульманином, то **дитя ребенка** уже нельзя. **Хассан** записал со слов **Ханифы**, что и **дитя ребенка** тоже можно заставить принять ислам, поскольку [внуки] являются нахлебниками своего **деда**».¹

В статье Йоханна Крешмарика о законодательстве в области уголовного права в Турции (*Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft*, том lviii, стр. 69-113) есть один раздел под названием «Иртидад». Автор приводит цитаты из различных турецких книг по юриспруденции, показывая, что их толкование закона об отступничестве не менее сурово, чем вышеупомянутое.

Превосходное резюме закона об отступничестве дает Джуйнболл в своей «Энциклопедии религии и этики» (том i, стр. 625). Он ссылается и на другие источники, особенно: Matthews' *Mishcat*, том ii, стр. 177, сноска; C. Snouck Hurgronje, *Indische Gids*, 1884, том i, стр. 794; и *El Dimishqi-Targamet ul Umma fi Ikhtilaf al A'imat*, стр. 138 (Bulaq edition, 1300).

Из четырех традиционных школ ислама, маликитская секта,² кажется, занимает самую суровую позицию в отношении отступничества. Все это содержится в работе капитана Ф. Х. Ракстона:³

Согласно маликитской и шафиитской школам исламского права, наказание не должно зависеть от половой принадлежности, в то время как по ханифитскому толкованию закона женщину-отступницу следует держать в заточении до тех пор, покуда она публично не откажется от своих заблуждений.

«Опять же, в “Хедае” упоминается об имеющейся у отступника возможности продать свою собственность, о допустимости сохранения своего брака и о действительности его прав как завещателя, в то время как в “Мухтассаре” подобного рода послабления не допускаются. Согласно этому источнику, отступник должен быть предан смерти на третий день в случае {43}свидетельства двух очевидцев, тогда как его или ее собственность конфискуется и передается в “Байт аль-мал”, и любые его или ее права в качестве наследодателя должны аннулироваться.

Если рассматривать закон по самой жесткой мерке, то обратившийся [из

¹ Чарльз Гамильтон, «Хедае: толкование мусульманских законов», Hamilton's *Nadaya*; a Commentary on the Mussulman Laws, том. ii, стр. 244.

² Маликитский мазхаб возник в Медине и назван по имени его основателя Малика Бен Анаса (713-795). Его главным источником права считаются Коран и сунна, которая рассматривается как продолжение Корана. Сунна не подлежит никакой интерпретации в отношении тех хадисов, которые восходят к мединским сподвижникам Мухаммада, так как только их сведения маликиты признавали полностью достоверными. В дополнение к Корану и сунне, объединенным в единый источник «насс», привлекаются сведения о коллективном опыте мединской общины, о котором нет никаких письменных свидетельств, но который сохранился в общественной памяти как действия, совершавшиеся при Мухаммеде, такие как очищение, пост, обрезание и др.

³ «Мусульманский мир», *The Moslem World*, том iii, стр. 38.

ислама] вообще лишен каких-либо возможностей к существованию. И хотя при нынешнем положении вещей ни одно из европейских государств нисколько не затрудняет себя относительно магометанского закона об отступничестве, мы, однако, не можем привести ни одного примера, чтобы кому-либо было предъявлено непосредственное обвинение в местных судах мусульманских стран. Жизнь вероотступника, таким образом, находится под защитой верховной власти его государства; но сам обращенный в глазах своих соотечественников и закона его страны остается преступником».

Далее Ракстон приводит подробности, показывающие, что хотя жизнь обращенного и может быть спасена европейскими властями, тем не менее, он остается ущемленным в некоторых своих законных правах, которые автор резюмирует следующим образом:

1. Мусульманским братьям обратившегося [из ислама] запрещено давать ему пальмовые ветви, которые могут быть отнесены им на празднование вербного воскресенья; покупать забитых им животных; продавать ему древесину, из которой можно сделать распятие, или медь, из которой можно отлить колокола; отчуждать в его пользу дом, который может быть использован им под церковь. (См. гл. i, «Об употреблении мяса животных» и гл. xiii, «Торговля»).

2. Мусульманину запрещено давать или брать в услужение у обратившегося его рабов, а также давать или брать на время, одалживать у обратившегося его верховых животных. Мусульманину запрещено оказывать христианину какие-либо услуги бесплатно. (См. гл. xxvi, «Товары» и гл. xxxii, «Наем»).

«Следует, однако, отметить, что пожертвование («хубус»), сделанное христианином в пользу церкви или госпиталя, признается допустимым по закону», — обращает внимание Ракстон.

3. Христианин не может свидетельствовать против мусульманина, хотя последний может свидетельствовать против него, на тех же самых условиях, которые применимы ко всем прочего рода свидетельствам. (См. гл. xxxix, «Свидетельство»)

4. Ни один мусульманин, включая рабов, не может быть предан смерти за убийство христианина. (См. гл. xi, «Убийство»).

5. Ни одна магометанская женщина не может выйти замуж за мужчину-христианина. (См. гл. v, «Брак».)

6. Различная религиозная принадлежность является препятствием для получения наследства. (См. гл. iv, «Наследование»).

{44} «Разумеется, существует еще множество подобного рода ограничений в правах, но ни об одном из них нельзя сказать, что оно сохраняет важное практическое значение в современных условиях». Вот так пишет капитан Д. Х. Ракстон.

В Турции закон об отступничестве в течение многих веков был естественным судебным законом, пока третьего ноября одна тысяча восемьсот тридцать девятого года султан Абдул Меджид не издал высочайший рескрипт под названием «Хаити-Шериф», в котором гарантировал сохранение жизни, чести и

имущества всем подданным Османской империи вне зависимости от их религиозной принадлежности. Это было большим шагом вперед. Однако в августе тысяча восемьсот сорок третьего года один молодой человек, [этнический] армянин, приблизительно двадцати лет от роду, был обезглавлен в Константинополе за вероотступничество. Он некогда принял ислам, потом покинул Турцию, а впоследствии вернулся к практике христианства. «Несмотря ни на угрозы, ни на щедрые обещания, он остался верным религии своих предков, что и привело к вышеупомянутым результатам. Сэр Стратфорд де Редклифф¹ старался сделать все, что было в его силах, чтобы спасти жизнь юноши, но безо всякого успеха. Эта казнь взбудоражила посольства Англии, Франции, России и Пруссии, послы объединились и подали совместную петицию султану с просьбой об отмене смертной казни за перемену человеком своей религии. До настоящего времени в этой стране существовала полная свобода поменять веру для всех приверженцев немусульманских религий, и каждый мог оставить веру своих отцов и принять ислам, однако мусульмане, пожелай они оставить свою веру, были лишены подобного права.

«Под давлением только что упомянутых послов, которое оказывалось под общим руководством посла Британской империи, двадцать первого марта одна тысяча восемьсот сорок четвертого года султан дал следующее письменное обещание: “Блистательная [Османская] Порта обещает впредь принимать эффективные меры к предупреждению преследований и казней христиан, оказывающихся вероотступниками”. Два дня спустя на конференции с сэром Стратфордом Абдул Меджид заверил британского посла, “что впредь в своих владениях он не допустит никаких нападков на христианство, и никто из христиан не будет преследоваться за их религиозные убеждения”».²

Дальнейшее развитие истории показывает, как эфемерны были все эти обещания, и как снова и снова дух закона истолковывался в пользу ислама, несмотря на все договоренности и соглашения. Произошедшая не так давно резня этнических армян не являлась убийством вероотступников, но, безусловно, она свидетельствует о том, что в турецком государстве подлинной религиозной свободы пока **не существует**.

В Берлинском договоре (1878 г., статья 2) говорится, что абсолютная {45} религиозная свобода должна существовать на всех упомянутых в предыдущей статье территориях, включая «всю Турецкую империю». Шестидесят вторая статья этого статута начинается со слов: «Блистательная Порта выражает желание поддержать принцип религиозной свободы и предоставить ему самое широкое поле для распространения; договаривающиеся стороны принимают во внимание данную добровольную декларацию».

«Один высокопоставленный чиновник как-то сказал мне, — пишет доктор Бартон, — что Турция предоставляет всем своим подданным широчайшую религиозную свободу. Он заявил: “У нас полнейшая свобода для армян стать католиками, для греков — стать армянами, для католиков и армян — стать

¹ Посол Британской империи в Турции в то время. — *Прим. перев.*

² Джеймс Л. Бартон «Рассвет в Турции». *Daybreak in Turkey*, by James L. Barton (Бостон, Колониальное издательство The Pilgrim Press), стр. 250.

греками, и для каждого из них стать протестантами, или же для всех их стать магометанами. У нас полнейшая и совершеннейшая религиозная свобода для всех подданных этого государства!”

В ответ на мой вопрос, “А как же насчет свободы для магометанина стать христианином?”, он отвечал: “Это невозможно уже по самой сути этого дела. Когда кто-нибудь однажды принимает ислам и становится последователем Пророка, то уже не может этого изменить. И нет такой силы на земле, которая могла бы изменить такого человека! Что бы он ни говорил, что бы ни заявлял, это не может изменить того факта, что он — мусульманин, и навсегда должен остаться таковым. Таким образом, было бы полнейшим абсурдом утверждать, что мусульманин обладает правом изменить свою религию, ибо сделать это не в его власти”. За последние сорок лет благодаря стараниям турецких властей и просто влиятельных турок, на свет родилась теория о существующей якобы в Оттоманской империи религиозной свободе. Но каждый мусульманин, проявляющий интерес к христианству, берет ответственность за свою жизнь в свои руки. У него нет никакой защиты против ложных обвинений, которые готовы множиться и множиться. И единственным спасением от опасности для такого человека может быть только эмиграция».¹

Смертные приговоры порою выносятся [вероотступникам] за незначительные преступления. В конце одна тысяча восемьсот семьдесят девятого года одному из членов турецкой «улемы»,² по имени Ахмад, был оглашен смертный приговор только за то, что он помогал доктору Келле, английскому священнослужителю, жившему в Константинополе, в переводе сборника наиболее распространенных молитв и трактата «Христос — Слово Божие». Благодаря немедленному вмешательству британского посла жизнь Ахмада была спасена, но он был отправлен в ссылку на остров Хиос. Каноник Селл пишет в своей книге «Религия ислама»:³

{46} «Шестнадцатого января одна тысяча восемьсот сорок четвертого года граф Абердин писал в письме к сэру Стратфорду Каннингу: “Христианские державы не должны позволять, чтобы Оттоманская Порта поносила и попирала их веру, обращаясь как с преступниками с теми, кто принимает ее”. Все, чего удалось добиться в этом вопросе, была

¹ Джеймс Л. Бартон «Рассвет в Турции». *Daybreak in Turkey*, by James L. Barton, стр. 256-257.

² «Улама» — мн. ч. от «алим» — «знающий», «ученый», от «ильм» — «знание». Советский энциклопедический словарь «Ислам»: «Улемы (только во мн. ч.) — собирательное название знатоков богословия, историко-религиозного предания и этико-правовых норм ислама, как теоретиков, так и практических деятелей в области традиционных форм образования, судопроизводства на основе шариата и исполнения обрядов». Аналог русского понятия «интеллигенция». Согласно языку русских чекистов двадцатых-тридцатых годов, улемы — «контрреволюционные организации», члены которых подлежали немедленному уничтожению «из соображений социальной безопасности», подобно членам семей дворян или христианских священнослужителей, решения об убийстве которых пресловутые «тройки» принимали исходя лишь из «социального происхождения». — *Прим. перев.*

³ Canon Sell, *The Faith of Islam*, стр. 278.

публикация меморандума Блистательной Порты в тысяча восемьсот пятьдесят шестом году, в котором содержались такие слова: «На территории Оттоманской империи ныне свободно исповедуются и впредь будут свободно исповедоваться все формы религии. Ни одному из подданных Его величества султана не должны чиниться препятствия в отправлении религиозных обрядов той веры, каковую он исповедует, и никто никоим образом не должен ущемляться в правах на этот счет. Никто не должен быть принуждаем к перемене своей религии».¹ Вполне понятно, что в этом документе не шла речь о случаях обращенных в христианство мусульман, но британский посол порекомендовал правительству Великобритании выразить свое удовлетворение и таким заявлением. В своей депеше от двенадцатого февраля одна тысяча восемьсот пятьдесят шестого года он сообщал: «Закон Корана в отношении вероотступников в действительности не отменен, это правда, и министры султана заявляют, что сила его влияния такова, что превышает даже законную власть и возможности Его величества». Далее посол продолжает, что, несмотря на то, [что реальная власть султана и в самом деле ограничена], правительство Британии могло бы попытаться уговорить его удерживаться от применения закона Корана».

Закон об отступничестве упоминается во всех магометанских трудах по юриспруденции. Например, мы встречаемся с нижеследующими нормами в учебнике по брачному праву от Мухтасара Сиди Хали[ля] в переводе Э. Д. Рассела, судьи и магистрата в магометанской колонии на южноамериканском острове Тринидад. Эта книга, таким образом, предназначается в качестве **современного практического руководства**, а вовсе не для исторического обзора ситуации давно минувших столетий:

«Раздел 107. (Когда развод обязателен) как следствие обращения [в истинную веру, ислам] одного (из двух супругов), брак аннулируется без одностороннего заявления одного из супругов.

Раздел 108. В противоположность принципу, рассмотренному в предыдущем разделе, безотзывное одностороннее заявление одного из супругов требуется в том случае, когда необходимость развода вызвана отступничеством одного из супругов. Это условие остается в силе даже в том случае, когда отступничество совершается мужем, с целью принятия веры своей жены».²

Также мы читаем в «Магометанской юриспруденции» ‘Абд Ар-Рахима, что: «Отступничество или перемена исламской веры на {47} неверность ставит отступника вне закона. Законом, как бы то ни было, предусматривается в качестве

¹ См. Суру ii. 257: «Нет принуждения в религии...» Частый вариант прочтения в арабском: «Да не будет принуждения в вере!», или: «Не должно быть принуждения в вере». — *Прим. перев.*

² «Руководство по брачному праву от Мухтасара из Сиди Хали». A Manual of the Law of Marriage from the Mukhtasar of Sidi Khali (Перевод Э. Д. Рассела: Лондон), стр. 39-40.

снисхождения предоставление отступнику определенного “locus poenitentiae”¹. Например, сначала ему должно быть предложено примириться с исламом, и если у него возникают какие-то сомнения, то следует обязательно предпринять попытку развеять их посредством убеждения. Отступнику должна быть предоставлена возможность в течение трех дней вернуться к своей прежней вере, прежде чем в его отношении вступит в силу окончательный приговор. Но поскольку самим актом отступничества человек ставит себя вне закона, то в случае, если он будет убит мусульманином до того, как ему представится шанс вновь принять ислам, по закону это **не будет** вменено в вину убившему, хотя подобный поступок и следует считать недостойным. По мнению двух учеников, пока приговор еще не вступил в силу, отступнику может быть позволено владеть тем имуществом, правами на которое он обладал. Впрочем, но Абу Ханифа считает, что оно переходит к его наследникам сразу же после факта совершения отступничества.

Возможно, самое сжатое описание отступничества приведено в знаменитой работе «Минхадж Ат-Талибин», написанной Навави. Последователей этой шафиитской школы насчитывается всего около шестидесяти миллионов человек, причем половина из них проживает в Голландской Ост-Индии,² остальные же — в Египте и Сирии, Хадрамауте (Центральной Аравии), а также в Южной Индии и в Малайе. Руководство, из которого взято данное описание, считается за общепринятую норму права во всех этих странах. Эта книга встречается повсюду как канонический учебник, причем особой популярностью она пользуется в Египте.³

«Отступничество заключается в отречении от ислама, мысленном ли, или на словах, или же в поступках, несовместимых с верою. Что касается словесного отречения, оно не много значит, если слова эти были сказаны в шутку, или из какого-либо духа противоречия, или с какими-то благими намерениями. И прежде, чем такие слова рассматривать как явный признак отступничества, в самом высказывании должно содержаться следующее:

- (1) Что человек не верит в существование Создателя или Его апостолов; или
- (2) что Мухаммед или один из других апостолов [Корана] является самозванцем; или
- (3) что он считает законным то, что напрямую запрещено «иджмою», например преступление прелюбодеяния; или

¹ Абд Ар-Рахим, «Магометанская юриспруденция», *Mohammedan Jurisprudence*, by Abd-ur-Rahim (Thacker & Co.: Калькутта, 1911), стр. 253. [«Локус пенитенции» — специально оговоренное в законе место, где преступник может укрыться от преследования. — Прим. перев.].

² Наверное, не все россияне знают, что население сегодняшней Индонезии давно уже превысило население России. — Прим. перев.

³ Навави, «Минхадж-ат-Талибин: руководство по магометанскому закону согласно шафиитскому учению». *Minhaj-at-Talibin: a Manual of Mohammedan Law according to the School of Shafi'i*, by Nawawi, с французского издания А. В. С. ван ден Берга, перевод Э. С. Ховарда, окружного судьи из Сингапура. Лондон: Теккер, Thacker, 1914.

- (4) что он считает запретным, то, что разрешает «иджма»; или
- (5) {48} что человек не считает себя обязанным следовать предписаниям «иджмы», как разрешающим, так и запрещающим; или
- (6) что человек собирается вскоре переменить свою религию; или что он подвергает сомнению истинность ислама, и т. д.».

Что же касается поступков, то действия человека должны считаться несовместимыми с верою только в том случае, если они являются явным надругательством или отрицанием религии, такими как, например, бросание Корана в навозную кучу или простирание ниц перед идолом, или поклонение солнцу. Не должно принимать во внимание отступничество несовершеннолетнего или душевнобольного, так же как и любые действия, совершенные под грубым принуждением. Даже если виновный после произнесения им слов или совершения действий, расцениваемых как отступничество, вдруг утратит свой разум, его нельзя будет предать смерти, пока он не излечится от своего безумия. Однако это своего рода послабление, согласно учению нашей школы, не может распространяться на случаи пьянства. Совершение отступничества, равно как и выражение сожаления о своих заблуждениях, когда слова раскаяния произносятся человеком, находящимся в состоянии опьянения, должно иметь правовые последствия, как для обычных случаев.

Свидетели не обязаны во всех подробностях описывать все факты совершенного на их глазах отступничества; им достаточно просто заявить, что обвиняемое лицо является отступником. Некоторые авторитетные ученые оспаривают эту точку зрения; но большинство доходят до того, что не считают необходимым принимать во внимание простое отрицание обвиняемого, даже если показания свидетелей были сделаны в самых общих чертах. Впрочем, с другой стороны в случае, когда обвиняемый заявляет, что действовал по принуждению, и обстоятельства указывают на правдоподобность такого заявления, в том числе, например, если человек находился в плену у неверных, у него есть основание для оправдания, для которого должно хватать его клятвы. Однако подобного рода предположение не должно возникать при отсутствии достаточно серьезных обстоятельств. Только в том случае, когда два свидетеля, требующиеся по закону, вместо того, чтобы прямо сказать, что “обвиняемый является отступником”, заявляют, что “произнесенные им слова были словами, подразумевающими отступничество”, и после чего обвиняемый поясняет, что произнес эти слова лишь по принуждению, это следует расценивать в его пользу, и от него не нужно требовать подробных объяснений. Если после смерти человека, чья вера никогда не подвергалась сомнению, один из его сыновей, оба из которых являются мусульманами, заявит, что его отец отрекся от ислама и умер нераскаявшимся, и добавит к этому причину отступничества, то один лишь этот сын будет лишен {49} наследства, и его доля перейдет в государственную казну как налог; но лишение его наследства никак не должно влиять на права других сонаследников. То же самое правило применимо и в том случае, когда причина преступления не была упомянута, и сын умершего просто решил ограничиться заявлением, что его отец скончался, будучи отступником.

Должна быть предпринята попытка убедить вероотступника раскаяться в

его или ее заблуждениях, хотя согласно, одному из ученых мужей, это следует считать не более достойным одобрения поступком. Наставление должно быть сделано немедленно, или, согласно одному из правоведов, в течение первых трех дней. И если это вразумление не приводит ни к какому результату, виновный — мужчина или женщина — должен быть предан смерти. Если, напротив, виновный или виновная раскаивается в своих ошибках, такое раскаяние должно восприниматься как искреннее, и обратившегося или обратившуюся следует оставить в покое. Исключение, согласно некоторым источникам, составляют те случаи, когда он или она становятся адептом оккультной религии, такой как «Зенд»,¹ чьи приверженцы, на словах исповедуя ислам, остаются в своих сердцах неверующими, или некоторых учений, допускающих мистическое или аллегорическое толкование Корана.

Ребенок отступника остается мусульманином, без учета времени его зачатия, или того, остается ли один из его родителей мусульманином или нет. Один источник, однако, считает, что ребенка, чьи отец и мать отреклись от веры, следует рассматривать как отступника, в то время как другой ученый считает подобного рода дитя неверным по рождению. (Ребенок должен также считаться вероотступником. И это, как заявляют нам правоведы Ирака, повсеместно принятая теория).

Что же касается вопроса о собственности отступника, умершего нераскаявшимся, по закону эта собственность почитается утраченной с момента его отречения от веры; но в случае раскаяния собственность возвращается владельцу и считается, как будто он никогда ее не лишился. Несмотря на то, что по этому вопросу существует ряд различных теорий, все авторитеты соглашаются в отношении долговых обязательств по договорам, принятых виновным на себя до совершения отступничества, равно как и в отношении каких-либо личных средств отступника, в течение периода “увещевания” все его права должны быть приостановлены. То же самое верно и для любого ущерба, какого бы то ни было рода, который может быть нанесен сторонним лицам по причине несправедливого судебного решения, содержания жен вероотступника, брак с которыми также временно приостановлен, и содержания его потомка или потомков. Если подразумевается, что права отступника на собственность будут временно приостановлены, этот же самый принцип должен быть применим и к правам его собственности, возникшим после совершения отступничества — к тем из них, {50} которые можно приостановить, такие, как предоставление каких-либо прав другому лицу согласно завещанию собственника, освобождение на волю рабов согласно завещанию рабовладельца, а также различные виды наследства. Во всех этих правах отступник может быть восстановлен, в случае успешного исхода его увещевания. В противном случае он всего лишается. С другой стороны, права собственности, которые по самой своей природе не могут быть подобным образом приостановлены, такие, как продажа, залог, дарение или же предоставление каких-либо прав другому лицу по договору, освобождение рабов на волю, аннулируются и считаются недействительными *ab initio* (изначально), хотя шафииты, говоря о начальном периоде отступничества человека, предпочитают видеть все его права

¹ Приверженцы распространенного в Персии культа Авесты. — *Прим. перев.*

временно приостановленными. Все специалисты в области права, однако, соглашаются, что собственность отступника ни в коем случае не должна оставаться в его ведении, но права на нее должны быть переданы под контроль какого-нибудь человека с безупречной репутацией. Впрочем, женщина-рабыня не может быть вверена мужчине; но ее надзор следует доверить какой-нибудь порядочной женщине. Имущество отступника должно быть сдано в аренду, и по решению суда временно освобожденный по договору раб должен регулярно получать причитающуюся ему плату».

ينه عما ينفع ان استطعت ان تنفع احاك فافعل وهذا ~~ممنوع~~
يدل على ان مثل هذا لا يكفر صاحبه ولا يقتل
باب الحدود والمرتبة على الجنائيات المسببة
وهي الردة والبعثي والزنا والقتل والسرقة وقطع اطرافه وسرقة
الخزير باب الردة وهي قطع الاسلام بقول او فعل او نية ثم
اتفق الايعة على ان من ارتد عن الاسلام وجب عليه القتل ثم
اختلفوا هل يحكم قتله في الحال امر متوقف على استنابته وهل
استنابته واجبة او مساحبة فاذا استناب فصل يسهل ام لا
قال ابو حنيفة لا تجب استنابته ويقتل في الحال الا ان يطلب الاسهاك
فيسهل ثلاثا ومن اصحابه من قال يسهل وان لم يطلب الاسهاك
استحبابا وقال مالك تجب استنابته فان تاب في الحال قبلت
توبته وان لم يتب اسهل ثلاثا لعله يتوب فان تاب قبلت والا
قتل وللشافعي قولان في وجوب الاستنابة اظهرهما الوجوب
وعنه في الاسهاك قولان اظهرهما انه لا يسهل وان طلب بل
يقتل في الحال اذا اصر على رده وعن احمد روايتان احداهما
كله هب مالك والثانية لا تجب الاستنابة ويجب قتله في الحال
وقال عطاء ان كان مولودا على الاسلام ثم ارتد فانه لا يستاب

ФАКСИМИЛЕ С РУКОПИСНОЙ СТРАНИЦЫ ИЗ КАНОНИЧЕСКОГО ТРУДА, ОЗАГЛАВЛЕННОГО «ХУДДЖАТ АЛЬ-УММА ФИ ИХТИЛАФ-АЛЬ-ИМА», под авторством Али Абдаллы Мохаммеда Аль-Курайши, 1450 г. от р. Х. В этом документе предписывается смертная казнь за вероотступничество.

Вот каковы самые распространенные учебники по правоведению в исламе. Следует, однако, заметить, что все вышеприведенные законы об отступничестве, как мы видели, опираются в первую очередь на текст самого Корана, который

почитаются всеми магометанами как неизменное и вечное Слово Божие. Очень сжатое резюме по этому вопросу дается в известной книге Аль-Абдари Ибн Хаджа «Аль-Мадхаль». Во втором томе на странице 181 каирского издания этого труда мы читаем:

«Что касаясь вероотступников, то, во-первых, их разрешено убивать, как находясь с ними лицом к лицу, так и приближаясь сзади, ударом в спину: точно так же, как и в случае с многобожниками. Во-вторых, за кровь отступника, коль скоро она прольется, не полагается мстить. В-третьих, их имущество конфискуется в пользу истинных верующих. В-четвертых, их брачные узы расторгаются, и брак вероотступника считается недействительным».

До сих пор мы познакомились с мнениями ортодоксальных правоведов ислама, которые все принадлежали к суннитской школе. Суннизм объединяет подавляющее большинство мусульман, где бы они ни жили. Впрочем, в Персии, в некоторых районах Индии и Месопотамии лидирует секта шиитов, и общее количество ее последователей достигает пятнадцати миллионов. В их юридических книгах закон об отступничестве не менее суров. Мы читаем:

«Каждый человек мужского пола, по рождению мусульманин, ставший вероотступником, больше не находится под защитой ислама, но ipso facto¹ заслуживает смертной казни. Его жена должна быть отделена от него, и его собственность подлежит конфискации...

Женщина, найденная виновной в вероотступничестве, не карается смертной казнью, даже если она по рождению и принадлежала мусульманской вере, но {51} осуждается на временное заключение и ее следует бить палками в молитвенные часы...

Ребенок еретика, появившийся на свет уже после вероотступничества своего отца, но от матери-магометанки, имеет равные права с теми детьми, что родились еще до отступничества их отца. Ребенок, родившийся у еретиков, отца и матери, зачатый после их отступничества, подлежит той же самой участи, что и его родители; и если он будет убит, то убийца не должен нести никакого наказания согласно закону о воздаянии (возмездии)».²

Что касается брачных отношений, мы обнаруживаем, что следующие нормы, утвержденные в качестве современных принципов магометанского права, применяются ко всем мусульманам Британской Индии. Вот цитата из книги «Основы магометанского права» Файза Бадруддина Тиабджи, магистра искусств, изданной в Бомбее в одна тысяча девятьсот тринадцатом году:

«В Акте за номером XXI от одна тысяча восемьсот пятидесятого года

¹ В силу самого факта (лат.). — *Прим. перев.*

² Droit Musulman; Recueil de Lois concernant Les Musulmans Schyites, by A. Querry, том ii, стр. 528-533. Париж, 1872 г.

говорится, что если любая из сторон отрекается от ислама, брак аннулируется и признается недействительным.

В случае, когда брак аннулируется из-за отступничества мужа, если брак был консуммирован,¹ жена получает весь свой “махр”² (приданое, выкуп) полностью; если же не был консуммирован, то ей положена только половина “махра”.

Жена не получает ничего из своего “махра”, если брак аннулируется по причине ее отступничества.

Если обе стороны, вместе совершившие отступничество, вновь обратились в магометанскую веру, то их брак восстанавливается».

На вышеупомянутый указ от одна тысяча восемьсот пятидесятого года приводится ссылка и в подобном же своде законов, где он размещен под названием «Указ об упразднении межкастовых различий» («Caste Disabilities Removal Act»), на странице 30. В этой книге в текст указа включена следующая клаузула, определяющая определенные права для вероотступников в Индии:

«В отношении любого закона, обычая или установления, на настоящий момент имеющего силу или хождение на территориях, подлежащих управлению Ост-Индийской компанией, применение какого-либо может навлечь на какое-либо лицо лишение его прав или собственности, или же в состоянии каким-либо образом [негативно] повлиять или нанести ущерб касательно каких-либо прав наследования, по причине его или ее отвержения либо исключения из общины какого-либо религиозного характера, либо вследствие утраты принадлежности к касте, надлежит считать его лишенным законной силы в судах Ост-Индийской компании, а также в судах, учрежденных согласно Королевской хартии на вышеупомянутых территориях».

Это условие, действующее отныне во всех судах на территории Индии, {52} не признается, однако, во владениях Турции, Египта, Сирии, Палестины, Персии, Аравии, да и ни в одной другой стране, все еще находящейся под властью старого мусульманского закона. И остается только надеяться, что после введения новых государственных мандатных полномочий такое условие также обретет силу, поскольку оно определенно будет свидетельствовать о прекращении действия описанного нами выше закона о вероотступничестве, затрагивающего личные права людей, их права собственности и брачное право. До тех пор пока эти законы, охарактеризованные в Высшем окружном суде Мадраса, как противоречащие

¹ То есть, супруги успели вступить в брачные отношения. — *Прим. перев.*

² «Махр» (тур. «мехр») — имущество, выделяемое мужем жене при заключении равноправного брака («завадж»). Выплата махра является главным условием подобного брака и рассматривается как плата супруге за брачные отношения. Махр принадлежит только жене и призван обеспечить ее жизнь в случае вдовства или развода, совершенного по требованию мужа. Махром может быть все, что имеет какую-либо стоимость и на что может быть распространено право собственности. — *Прим. перев.*

«справедливости, равенству и доброй совести», не будут устранены, мы не смеем даже и надеяться, что мусульмане в большом количестве будут в состоянии сносить все последствия своего отступничества, даже если они убеждены в истинности христианства.

В отношении складывающейся на сегодня ситуации и настоятельной необходимости изменения законодательной базы, можно процитировать слова преподобного каноника У. Х. Т. Гэйрднера. То, что он говорит касательно положения в Египте, может быть сказано и о Персии, и о Сирии, и о всем Ближнем Востоке:

«Следует отметить, что для того, чтобы обеспечить [людям] в Египте безопасность на том уровне элементарной личной свободы, который считается необходимым минимумом в цивилизованных странах, необходима дальнейшая модификация существующего законодательства и перемена устоявшихся обычаев. Например:

(а) Обращенные из христианства в магометанство официально регистрируются, и, таким образом, признается новый статус обращенного. Однако там нет никаких возможностей для того, чтобы сделать безопасной регистрацию и признание статуса тех людей, которые, по крайней мере, считаются в такой же степени взрослыми, но обращаются [из ислама] ко Христу. Их положение, таким образом, остается абсолютно неудовлетворительным, будь-то по отношению к правительству, к закону или к остальному населению. еи в отношениях с правительством, законом и публикой.

(б) Обратившийся ко Христу и совершивший обряд [водного] крещения, в особенности в том случае, когда он изменяет свое имя, что по сути является его моральным долгом, лишается своего права на отцовское наследство. И так происходит не только в том случае, когда в семейной опеке имущества есть особый пункт, защищающий собственность исключительно правоверных мусульман, но также и тогда, когда такого пункта нет, и семейное имущество должно разделяться обычным образом. Весьма сомнительно, может ли обращенный официально безопасно заверить завещание об особом наследстве в свою пользу, за исключением того случая, когда он фактически провозглашает себя мусульманином, получая наследство либо желая его получить.

(в) У женщины в Египте вообще нет никаких прав для того, чтобы изменить свою религию. Если она не замужем, ее личность может быть удостоверена только ее отцом или опекуном; а если замужем — тогда ее мужем. Египетская полиция, чей штат укомплектован британскими офицерами, будет исполнять указания мусульманского суда {53} в этом вопросе. Затем она просто исчезнет из поля зрения, и будет использована любая форма давления, чтобы заставить ее в действительности или хотя бы формально отречься, и заставить ее на самом деле, или опять же хоть на словах, вернуться к магометанскому образу жизни».

Закон об отступниках, несомненно, является одной из основных причин для

нетерпимости мусульман по отношению к тем, кто способствует росту числа отступников, в частности — к миссионерам. Со времени самого первого [из мусульман], обратившегося в христианство, Обейдаллы Ибн Джахша (который оказался и первым из миссионеров в мире ислама, и о чьем обращении и последующем его гонении в Абиссинии мы поговорим позднее), до средних веков, факты не меняются, не прекращается ни нетерпимость, ни гонения. Все обращенные из ислама Раймондом Луллом были преданы смерти, и он сам погиб смертью мученика. Эти страницы истории миссионерства буквально омыты слезами и обгарены кровью.

В одном из писем миссионеров-францисканцев четырнадцатого столетия, рукописи которых хранятся в библиотеке Кембриджа, мы обнаружили этот берущий за сердце рассказ:¹

«Вам следует знать, что недавно в городе Трeбизонде были преданы смерти братья Антоний Миланский, Мональд Анконский и Фердинанд (возможно, неправильное написание имени Франциск) Петриольский, который в частности был убит (как все братья, несущие свидетельство о Христе) во время великого поста (?). В присутствии кади (так называется [магометанский] епископ или прелат) всех людей, дарующих свет слепцу и очень часто дискредитирующих Могоммета и его закон, вывели на площадь или “майдан”. Там, после того, как был вынесен приговор, и они отказались прекратить вести свои проповеди, все начали выкрикивать: “Пусть те, кто глумится над нашим законом и почитают наших пророков наравне с грязью, будут преданы смерти!” И когда их с особой жестокостью кололи мечами и копьями, они восклицали: “Сей путь спасения для нас является радостью внутреннего блаженства!” Коленопреклоненные, с множественными ранами от ударов, они, в конце концов, были обезглавлены. Также у них были отсечены конечности, которые затем были разнесены и развешаны на городских стенах и башнях. Но некоторые из этих людей, выкупленные купцами или выкраденные, вернулись обратно к нам. Еще один сарацин, проникшийся к ним жалостью, попытался удержать палачей от столь ужасной жестокости, но был убит на месте. И армянский священник, проявивший сочувствие к мученикам, был выпорот и проведен через весь город с головой (скотины), привязанной к его шее».

Да, это произошло в четырнадцатом столетии. Но вот двенадцатого февраля одна тысяча девятьсот шестнадцатого года в {54}том же самом месте и в соответствии с тем же самым принципом нетерпимости, повторилась подобная жестокость («Отчет виконта Брайса о зверствах над армянами», стр. 158): «Доктор Шиммун находился в селении Спурган, когда на его деревню напали турки. Он оказался среди тех, кто нашел убежище в горах недалеко от озера. Шиммун был захвачен в плен, но, поскольку он был хорошим доктором и оказал немало помощи раненым, ему была сохранена жизнь. **Однако при этом доктору было поставлено условие, чтоб он принял магометанскую веру.** Он отказался,

¹ «Восток и запад. Письма миссионеров четырнадцатого столетия», А. С. Могайла, стр. 357, октябрь 1921 года.

как отказались почти что все христиане. Тогда его облили нефтью, и, прежде чем поднести к его телу факел, дали ему еще один шанс отречься от своей религии. Когда же доктор Шиммун вновь ответил отказом, они подожгли его одежду. В то время, как он метался, обезумев от боли, охваченный языками пламени, турки несколько раз выстрелили в него. После того, как доктор рухнул на землю без сознания, они отрубили ему голову. Мистер Аллен, американский миссионер, который ходил из селения в селение, предавая земле жертвы той резни в Урумии, обнаружил тело Шиммуна, уже наполовину съеденное собаками».

Но действует ли закон об отступничестве сегодня? Следующее письмо мы получили недавно от корреспондента из Константинополя:

«Очень прискорбное событие случилось у нас на другой день. Когда доктор Цвеммер был в Смирне (в тысяча девятьсот двадцатом году), он преуспел в обращении одного магометанина, который встал и (во всеуслышание) признал Христа. Я позабыл, как зовут этого молодого человека. Разумеется, турки задержали его, и на следующий день после его ареста в одной из газет появилась статья, подписанная тем же самым парнем, в которой он заявлял, что никогда не делал подобного рода признаний, но напротив, стал еще более стойким магометанином, чем прежде. Один из членов Ассоциации молодых мужчин-христиан (УМСА) пошел навестить его, чтобы разузнать, в чем же дело, и тут выяснилось, что этот молодой человек пропал! Мы нигде не могли его отыскать. В ходе тщательного расследования мы обнаружили, что бедный парень был убит, и та статья в газете вышла в свет уже после его смерти. Вы можете судить, насколько рискованная вещь для любого из магометан отречься от своей веры, в особенности прилюдно».

Дух ислама несколько не изменился со времен халифа Омара. Тогда, как и сейчас, обращенный в христианство оказывался вне закона, и жизнь его оставалась в опасности: он и сегодня рискует быть убитым в любой момент. Если закон об отступничестве отпугивает нерешительных и боязливых, он в то же время бросает настоящий вызов обладающим смелостью мужчинам и женщинам. Он побуждает их к героизму и жертвенности. Давайте посмотрим, как он действует.

ГЛАВА III.

КАК ОН ДЕЙСТВУЕТ.

«Отчего это ты снял белый тюрбан, обвернутый вокруг своей фески? Почему ты не хочешь называться “имамом”? Шемседдин отвечал: “Потому что я — христианин!”

В продолжение более чем полутора часов ему задавали вопросы, и все это время толпа вокруг нас все росла и росла. Ответы его были ясными, говорил он отчетливо, вежливо, без двусмысленностей. “Вы можете убить меня, — говорил он, — вы можете лишить меня жизни любым образом, каким только захотите. Вы можете превратить меня в раба, но сердце мое останется свободным. Я вижу в исламе множество таких насаждений, что не Богом были насаждены, и, по милости Божией, я желаю сделать все, чтобы выкорчевать их полностью. Предо мною высится великое здание, очень высокое, полное славы: оно построено принудительно, и нет в нем ни сердца, ни души. В один прекрасный день оно рухнет и погубит всех, кто будет в нем находиться».

С. РАЛФ ХАРЛОУ, «Ученик свидетельствует о Христе».

ГЛАВА III.

КАК ОН ДЕЙСТВУЕТ.

ТОТ закон о вероотступничестве, что мы обрисовали в предыдущей главе, вовсе не является какой-то мертвой буквою. Его положения прекрасно известны каждому мусульманину с младых лет, пусть и не в деталях, касающихся определенных наказаний для вероотступников, но по их сути, по их духу, который порождает в душах магометан исключительно враждебное отношение ко всякому, кто рискнет перейти из ислама в христианство. Да и какие еще чувства может производить подобный закон, помимо фанатичной ненависти к любому человеку, не являющемуся мусульманином? Чем более мусульманской по духу является страна или отдельная община, тем с большим пренебрежением относится она к христианам. Тот, кто путешествовал по Аравии по следам К. М. Даути, сразу же распознает его описание, что он оставил нам об отношении арабов к «насрани».¹ «“Аллах да проклянет Йахуд и Насара!” Некоторые из погонщиков верблюдов

¹ «Насрани», «Насара» — «назаряне», т.е., христиане. «Йахуд» («Иуда») — иудеи. — Прим. перев.

привычно предупреждают: “Ты был в безопасности в своей собственной стране, можешь ехать и дальше, если захочешь. Однако поскольку ты вознамерился вступить в страну мусульман, то Бог предаст тебя в наши руки, дабы лишить тебя жизни — да сгинут подобным образом все Насара! И пусть горят они в аду вместе со своим отцом, Шейтаном!”»¹

Вероотступники, оставившие ислам, подвергаются в Аравии смертельному риску. Даже и по сей день в приморских городах полуострова, где применение этого исламского закона не допускается властями, в народе сохраняется стремление убить изменника, что вынуждает людей, перешедших в христианство, всерьез заботиться о собственной безопасности.

«“Я без раздумий застрелю своего собственного брата из вот этого револьвера, если когда-нибудь замечу, что он ходит к христианам на их воскресное богослужение!” Вот что заявил не так давно брат одного из обращенных в христианство мусульман, которого окрестили в Басре в 1920 году. “О, умоляю тебя, держись подальше от церковной службы, чтобы твой брат ненароком не привел в исполнение свою угрозу!” — так упрашивала нашего новообращенного его мать. “Вот, ты говоришь, что твоя новая религия — это религия любви, — продолжала она, — ты будешь не в состоянии проявлять свою любовь, если дашь повод твоему брату убить тебя!” Ради своей матери он в течение нескольких недель оставался дома во время воскресных богослужений, пока его брат не уехал в Индию. Наконец, его мать убедилась, что он настроен серьезно и хочет и дальше пребывать христианином. Женщина стала навещать своего сына все реже и реже. Недавно она заявила: “Для меня было бы настоящим {58} праздником, если бы ты всего лишь сказал, что в душе, тайно, остаешься мусульманином!” На что тот немедленно отвечал: “Э-э-э, настоящим праздником для меня стал бы день, когда бы я услышал, как ты говоришь, что ты христианка! — тайно, в душе!” “Да уж, теперь сомневаться нечего, — вздохнула его мать, — ты и в самом деле христианин”. Посетители приходили в нашу больницу лишь затем, чтобы посмотреть на этого новообращенного, поглядеть, как перемена веры отразилась на его внешнем виде. Как-то заглянули два араба, жители глубокой провинции, когда он как раз предавался послеобеденному сну. “Где он? Ну, где же он?” — не переставали спрашивать они. Один из пациентов больницы снял покрывало с лица нашего знакомого, и с услужливостью показал посетителям: “Вот он!” “Э, да он по-прежнему похож на человека!” — воскликнули те двое. “А кого же вы ожидали увидеть?” — удивились окружающие, но оба гостя, ничего не отвечая на расспросы, поспешили к выходу. Когда же наш новообращенный выходил на улицу из больницы, дети показывали на него друг другу пальцами, а, увидев, как он присел на одну из скамеек, стали поливать его потоком весьма профессиональной ругани».²

От восточного побережья Аравийского полуострова до расположенного в Соединенных Штатах Университета Мичигана очень неблизкий путь. Однако Дамоклов меч закона о вероотступниках висит над главою каждого, перешедшего в

¹ К. М. Даути, «Скитаясь по Аравии», *Wanderings in Arabia*, by C. M. Doughty (London: Duckworth), том ii, стр. 279.

² «Забывтая Аравия», *Neglected Arabia*. Ежеквартальный отчет за 1922 год.

христианство из ислама, и там, наполняя их души страхом и беспокойством: как будто он подвешен в воздухе на тонкой ниточке. Несколько лет назад мне довелось повстречаться в Университете Мичигана со студентом из Индии, мусульманином. Ему очень хотелось стать окрещенным, и он к тому времени превосходно изучил все книги Нового Завета. Однако же этот молодой человек излил свою душу передо мною: «Мне страшно признавать Христа на людях, поскольку мой отец жив до сих пор и находится в Пенджабе! Рука ислама, — продолжал он, — длинна и жестока, и я не знаю, что может случиться со мною, если мой отец прознает про то, что я отверг его веру и попираю ногами свое многовековое мусульманское наследие».

Со всех концов света, где несут свое служение миссионеры, мы получаем множество свидетельств с иллюстрациями, как этот пресловутый закон запугивает людей, и побуждает мусульман преследовать вероотступников, разве что не лишая их жизни. Вот что пишет доктор Р. С. Мак-Кланахан: «Хотя сам я и не могу привести большого количества примеров тех людей, кто действительно пострадал из-за этого закона, но знаю одного молодого человека из дельты Нила, который несколько лет назад перешел в христианство. После того, как он принял крещение в Александрии, ему удалось устроиться на работу в почтовой конторе. Однако тут на его пути стали возникать различные препятствия, поскольку он оказался не в состоянии доказательно подтвердить происшедшую с ним перемену. Те христиане, что знают его с детства, слишком запуганы: они боятся засвидетельствовать, что он сменил свое имя с Абд Эль-Маджида на Абд Эль-Масих.¹ А мусульмане из его родной деревни, {59} расположенной в дельте Нила, само собой, никогда не согласятся подтвердить перемену имени. Правительственные чиновники, прикрываясь чисто формальным подходом к делу, пытаются воспрепятствовать его продвижению по службе. Как только заходит вопрос о его повышении, они ставят под сомнение тот факт, что “Абд Эль-Масих” — это тот же самый человек, что и “Абд Эль-Маджид”, на чье имя был выписан ряд благодарностей, полученных им за усердную работу в годы войны».

Еще один человек, несущий свое служение в Египте в качестве миссионера, рассказывает, как несколько лет назад ему довелось посетить деревеньку поблизости от Деншави, в провинции Менуфие: «Я отправился в эту деревушку, чтобы навестить местного портного. Он увлекался разбором [христианского] Священного Писания, и просил помочь разобраться с некоторыми вопросами, что стали возникать у него в процессе чтения. Поговорить с ним где-нибудь наедине

¹ Обычай переменять полностью свои имена и фамилии, причем не один раз, очень распространен не только среди арабов, но и среди евреев современного Израиля. Корни этой традиции лежат еще в Ветхом Завете. Христиане, переходящие в ислам, как правило, также меняют свои прежние имена на новые — звучащие «по-исламски». Это особенно бросается в глаза в случаях с известными людьми: Касиус Клей превращается в Мохаммеда Али и т.п. Учитывая популярность на Востоке разного рода прозвищ и псевдонимов, равно как и обычай давать ребенку сразу несколько имен, легко понять путаницу, которая возникает при транслитерации арабских (и еврейских) прозваний на европейские языки. Вообще, передача арабских имен на английский, как и на русский, весьма своеобразна: никаких четких правил здесь не существует, и переводчики руководствуются лишь понятиями «общепринятого». В данном случае житель Египта переименовал свое имя, чтобы называться в честь Христа, Мессии. — *Прим. перев.*

оказалось крайне сложно, и мой визит в его деревню вылился в очень оживленную дискуссию в присутствии целой толпы, состоявшей из трех десятков человек. Причем, все мы оказались втиснуты в крошечную лавку портного, расположенную в самом центре деревеньки. Сам хозяин, портной, насколько я мог понять, являлся ведущим лицом этого диспута. Вскоре после моего визита произошли известные всем события в Деншави, и в продолжение последовавшего народного возмущения беспорядки только усиливались. Государственные чиновники были заняты расследованием и судебными тяжбами. В это время “омде” (старейшина) той деревушки предложил нашему портному чашку кофе, после чего тот практически сразу скончался. Его по-тихому похоронили, после чего все поспешили о нем забыть. Однако когда я покидал их деревню после той знаменательной дискуссии, я помню, как омде, присутствовавший при общем разговоре, заявил во всеуслышание: “Еще никто в этом селении не становился христианином, и я позабочусь о том, чтобы никто здесь никогда им не стал!” По моему убеждению, из всего случившегося следует лишь один вывод. Нет, тот человек [портной] не был обращенным в христианство, он лишь интересовался этой религией. Если такое случилось с простым интересующимся, тогда чего же следует нам ожидать, когда наступит время и возможность для усиления исламского закона против вероотступников?»

Оба эти случая следует считать сравнительно недавними, и дух ислама нисколько с тех пор не изменился, хотя в мусульманских государствах немало кричат о свободе, демократии и независимости. В Египте даже сами пасторы евангелических церквей вынуждены сносить угрозы в тех случаях, когда они берутся совершать обряд крещения над мусульманами.

«Во время зимнего совещания в пресвитерстве¹ провинции Ассиут, в феврале 1922 года, — пишет У. Т. Фейрмен, — пастор из Санабо огласил просьбу одного человека, по имени Мохаммед Ф., который желал бы креститься сам и окрестить свою маленькую дочку. Этот пастор заявил, что, по его убеждению, просящий о крещении человек является истинным верующим. Он посещает его церковь {60} уже примерно четыре года, и несколько раз просил совершить над ним обряд крещения, но дело постоянно откладывалось. Пресвитеры (старейшины из межцерковного совета) назначили комитет, состоящий из двух человек: пастора и меня самого, чтобы испытать этого человека и принять решение, как следует с ним поступить. Хотя он оказался человеком неграмотным, я обнаружил, что он весьма хорошо знаком со всем христианским учением, и был в состоянии без каких-либо сомнений рассуждать о своем подлинно духовном опыте. Пастор же дал ему очень хорошую характеристику, и заявил, что у него нет в отношении этого человека никаких сомнений. Мы доложили в пресвитерство о своем мнении: нет никаких сомнений в том, что этот человек обратился в христианство, и посему мы рекомендуем его окрестить. И по окончании совещания этот человек со своей маленькой дочкой были крещены. Сам он был вдовцом, и потому его дочь поместили в сиротский приют в Ассиуте. Сделали это ее отец вместе со своим пастором. После чего наш совет прекратил свою работу, и этот человек ушел прочь. Он написал своим родным в Салабо, поставив их в известность обо всем,

¹ Имеется в виду выборный совет старейшин, представляющий ряд пресвитерианских поместных церквей. — *Прим. перев.*

что было сделано. При этом, он предупредил их, что нет никакого смысла его отговаривать: дескать, он принял твердое решение, совершил поступок, и теперь уже ничего нельзя изменить. А если они захотят с ним повидаться, могут отыскать его в Маллави. Его родня направилась в Маллави, однако он к тому времени уже ушел оттуда, и никто не знал, где он может находиться. Тогда его родственники сразу пошли к его пастору и стали угрожать, что забьют его до смерти, если он не согласится выдать им местонахождение их отступника. Пастор же заявлял, что не в состоянии им помочь. Тогда они настояли, чтобы пастор пошел с ними в сиротский приют и потребовал отдать им дочку их родственника. Сначала он отрицал, что знает, где находится этот приют, но, в конце концов, согласился пойти с ними туда, где им удалось забрать девочку. Тут они заявили следующее: “Э-э-э, раз ты знал, где находится девчужка, то должен знать, и где скрывается ее отец!” Но, несмотря на то, что родня вероотступника угрожала пастору убить его, если он им не скажет, ему удалось убедить их, что он и в самом деле не знает, куда тот убежал. Пастор уверял их, что на нем нет никакой ответственности: ведь обратившийся к нему мужчина был вполне взрослым, а не ребенком. Тем не менее, все это так напугало пастора, что он решил бежать из города, бросив свою церковь, и прихватив свою жену и всю семью с собою. Наконец, вероотступника удалось отыскать в Дейруте, где его немедленно арестовали местные власти. Однако когда ему пришлось предстать на очную ставку с родственниками у кадия (судьи), отступник держался твердо и отказался раскаяться. Что с ним случилось потом, я не знаю. Пастор же, по моему совету, возвратился к своей церкви и в настоящее время остается с нею».

О следующих примерах преследований вероотступников можно прочитать в отчетах Общей Миссии в Египте за 1903-1922 годы: «Отец увидел, как его сын читает Библию, и, забрав у него книгу, швырнул ее {61} в огонь, а мальчику попытался нанести тяжкое увечье, если вообще не убить, перебросив его через оградительные перила. Позднее пареньку удалось получить новый экземпляр Слова Божия со специальным трактатом, который он по целым неделям таскал с собою, спрятанным в кармане. Когда же отцу удалось-таки вновь заметить мальчика за чтением, он жесточайшим образом избил его, и продолжал столь плохо с ним обращаться, что тот, в конце концов, оказался вынужденным оставить свой дом». О еще одном обращенном из ислама в христианство мы читаем, что его избивали каждый день особой плетью местного образца, а что это такое, знают лишь те люди, что видел эти плети воочию. Но поскольку этот человек оставался стоек в своих убеждениях, были принесены пылающие древесные угли и положены на его тело, чтобы заставить его раскаяться. Но и это нисколько не помогло его мучителям! Он же заявил им: «Убейте меня, и я отправлюсь напрямик к Иисусу!» Некоторым из его сотоварищей пришлось страдать подобным же образом. В одном из случаев отец решил было убить своего собственного сына, так что облил его всего парафиновым маслом, и уже собирался поднести огонь, когда появился его дядя и стал умолять безумца пощадить жизнь мальчика. Отец позволил себя уговорить сохранить жизнь своему сыну, но изгнал его навеки из своего дома, запретив видеться с семьею.

В тысяча девятьсот двенадцатом году целая буря разразилась над главою А. Т. У него отняли одежду, чтоб не смог выйти из дома, его Библию бросили в

огонь. Его родной отец пытался отравить его. Родной дядя стрелял в него, и пуля застряла в ноге. Отец предложил ему сделать выбор между наследством (примерно в две тысячи фунтов, очень большие деньги по тем временам) и его новой верой. Дошло до того, что старейшины из его селения ворвались в его дом и оказались в его приватной части — в гареме, то есть, в комнатах его жены — ужасное оскорбление для всех людей исламской культуры. В доме они искали компрометирующие этого человека документы. Дважды предпринимались попытки отравить его; и еще два раза пытались путем различных обещаний и угроз заставить его жену ему изменить. И вся история этого человека — это повествование об одиночестве, о нищете и лишениях, с радостью переносимых во имя Христова.

В одна тысяча девятьсот двадцать третьем году молодой человек из одного из селений, расположенных в дельте Нила, принял Христа, после чего ему удалось устроиться на работу поваром. «Дома у него сожгли Новый Завет, причем его братья постарались сделать это самым несносным образом. Но этот случай можно считать сущим пустяком, по сравнению с теми бедами, что обрушились на него позже, когда, основательно подготовившись, он решил открыто заявить о своей вере в Христа и принять [водное] крещение. Родственники отовсюду стекались к нему домой, не переставая угрожать и всячески ругать отступника. Двоюродный же брат, который отбывал тюремное заключение, заявил, что даже если этот изменник попытается укрыться от него в крепости, сделанной из меди, он достанет его и там и убьет его. Под тяжестью угроз и всеобщей ненависти храбрость молодого человека пошла на убыль, {62} и он пообещал родне, что не будет принимать крещения. С тех пор уже трижды он принимал решение креститься, но каждый раз страх заставлял его идти на попятную. Его братья, не однажды слышавшие Евангелие, настроены против него хуже смертных врагов. Его родная мать, которая действительно любит своего сына, говорит, что лучше ей увидеть его мертвым, чем крещеным».¹

Если таково общее состояние дел сегодня в Египте, то мы никак не можем ожидать большей свободы в Турции. Наши корреспонденты отмечают случаи с новообращенными, которые заключаются в тюрьмы, а после своего освобождения вообще пропадают. Такова оказалась судьба двух десятков мужчин и женщин из района Кесарии: это случилось несколько лет назад. «В настоящее время общее отношение, вместо того, чтобы стать более веротерпимым, оказывается все жестче и безжалостнее. Нынешнее правительство националистического толка состоит по большей части из людей, не являющихся сколько-нибудь религиозными. Они используют ислам для того, чтобы достигать свои собственные политические цели, и идут в ногу с панисламистским движением. За последние три года на

¹ Госпожа М. Кэй из Шубра-Занга, Египет, также обращает наше внимание на тот факт, что хотя закон о вероотступниках в Египте не может считаться легитимным, люди в провинциальных деревнях, как правило, весьма опасаются своих соседей и родственников, которые в состоянии выполнить свои угрозы, пускай и не напрямую. Ибо, практически, «они зачастую обвиняют новообращенных в христианство в чем-нибудь, что не имеет непосредственного отношения к религии, в надежде, что те будут серьезно наказаны в соответствии с действующим уголовным законодательством».

территориях, контролируемых Грецией и Союзными войсками,¹ установилась просто небывалая свобода. Однако в Анатолии этот период свободы давно уже прошел, и, вероятнее всего, скоро он закончится и в самом Константинополе. И скоро турецкому обществу будет навязан ужесточенный закон о вероотступниках. Никто не в состоянии сказать наверняка, как долго может продлиться такое положение вещей. Возможно, продлится оно очень недолго. Многие уверены, что будет предпринята попытка ввести закон о смертной казни для всякого мусульманина, который собирается стать христианином».

Президент Робертского [библейского] колледжа К. Ф. Гейтс сообщает следующее: «Я слышал о примерах того, как новообращенные вынуждены были страдать из-за фанатизма своих прежних единоверцев. Так, когда я находился в Мардине, один мусульманин решил стать христианином. Его отправили в Мекку. Там его содержали под домашним арестом, пока однажды вечером ему не посчастливилось выйти на улицу. Он сразу же был застрелен. В Смирне один такой мусульманин тоже стал христианином, и не прошло и двух лет, как его закололи. Один из моих бывших учеников стал христианином и собирался покинуть страну. Но его выследили и схватили прежде, чем он ступил на борт парохода. Беднягу отправили под стражу домой, где ему угрожала смертная казнь. Как бы то ни было, ему удалось бежать, и он до сих пор пребывает живым и здоровым. Является совершенно очевидным фактом, {63} что людям, переходящим в христианство из ислама, всерьез угрожает смерть, причем, не в виде осуждения по закону и казни по судебному приговору, но посредством тайного убийства или же в результате насилия толпы».

Преподобный С. Ралф Харлоу, в своей книге «Ученик свидетельствует о Христе», рассказывает нам историю Шемседина, который перешел в христианство и обучался в [библейском] колледже неподалеку от Смирны. Этому человеку довелось испытать жестокие преследования за свою веру. «Влияние Шемседина на настроение и жизнь людей в нашем лагере было замечательным! Его обращение [ко Христу] оказалось поворотным моментом для духовной жизни всего колледжа. Те мальчики из армянских и греческих семей, что до той поры лишь носили христианские имена, и для которых христианство оставалось вне круга их реальных жизненных ценностей, не имея на них никакого влияния, постепенно начинали ощущать сокрытую в себе силу собственной веры и переставали задавать пустые вопросы.

Шемседин был первым из учащихся в нашем колледже, кто поставил свою подпись под «Декларацией ученика-добровольца». И в продолжение двух лет он не переставал свидетельствовать людям о Христе, нашем Господе. И, разумеется, его каждодневные дела и слова можно было считать живым Евангелием, написанным плотью и кровью.

И вот, теперь (в 1922 году) нас достигло из-за моря печальное известие: под стенами Смирны было обнаружено тело Шемседина, которое было покрыто многочисленными колотыми ранами. Люди в Смирне оказались не в состоянии дать вразумительный ответ на вопрос, каким именно образом он погиб, и кто лишил его жизни. Но одно мы знаем твердо: лишь его земное тело было

¹ Войсками стран Антанты. — *Прим. перев.*

достижимо для кинжалов убийц, а дух его, облаченный в доспехи Божией праведности, отправился на встречу со своим Командиром — на встречу с Господом лицом к лицу».

При британском управлении в Нигерии ни один из обращенных из ислама не может быть подвержен смертной казни, однако еще несколько лет назад ситуация была совсем иною. «В Кано, — свидетельствует доктор Уолтер Р. Миллер, — примерно за двадцать лет до нашего (т.е. британского) прихода один мулла, путешествуя по Египту, услышал Евангелие Божие. Хотя он лишь смутно понимал, о чем идет речь, этот человек остался потрясенным величием и глубиной личности Христа. Возвратившись к себе домой, в Кано, он начал проповедовать там то, что сам услышал. Его пытали и умертвили, но он отказался отвергнуть то, во что сам уверовал. Прошло около тридцати лет, и в качестве прямого следствия всей этой истории многие из его учеников, которым прежде пришлось бежать, возвратились назад, заслышав благодатные звуки Евангелия. Чтобы не вдаваться в подробности этой достаточно долгой истории, упомянем лишь, что в том районе выросла небольшая христианская деревенька, и община, состоящая из ста тридцати человек, получила возможность жить согласно христианским законам и учению. Многие из них уже прошли обряд [водного] крещения. Сонная болезнь¹ на протяжении последних четырех лет буквально стерла с лица земли эту маленькую общину. Я не могу сказать, что {64} в настроениях мусульман в Нигерии произошли какие-либо изменения к лучшему. Я полностью убежден, да что там, я могу даже доказать, что лишь только британские власти оставят эту страну, как все нигерийские христиане будут сразу же перебиты. И следует считать аномальной практику Британского правительства чинить препятствия христианину в получении наследства от своего отца-мусульманина, несмотря на то, что тот сохранял со своим сыном самые дружеские отношения».

Нас пытаются уверить, что в последние двадцать лет условия в Персии радикальным образом поменялись. Принятие конституции определенно сказалось положительным образом с ситуацией со свободой мысли и действия. Отныне многие вопросы, которые ранее по традиции разрешались учеными муллами, переданы в ведение департамента полиции, и власти способны сохранить новообращенных в христианскую веру от насилия толпы и религиозного фанатизма отдельных представителей исламского духовенства. Тот факт, что обращенные в христианство находятся под покровительством иностранных миссионеров, зачастую внушает страх мусульманским массам. Мусульмане опасаются трогать этих людей, и потому можно считать, что вероотступники в Иране отчасти располагают политической защитой.

Но всего лишь несколько лет тому назад дела там складывались по-другому. Практически все, обращенные в прежние годы, сталкивались с преследованиями, а некоторым пришлось даже вкусить смерть за свою веру.

Именно из этой страны мы получили рассказ о «мирзе Павле»,

¹ Смертельное заболевание, разносчиком которого служит муха цеце. Сонная болезнь на протяжении столетий была настоящим бичом для населения центральноафриканских стран. — *Прим. перев.*

магометанском священнике, который совершил переход в христианство.¹ После его обращения в христианскую религию он оказался подвергнут мусульманскими церковниками разного рода надругательствам и гонениям. «В конце концов, понимая, что ни оковами, ни пытками им не заставить его переменить свои взгляды, они выбросили его на улицу, практически без одежды, и велели убраться прочь. Под угрозой смерти ему было сказано впредь даже и не думать о том, чтобы приблизиться к миссионерам. Павел же, напротив, пошел напрямик к тому человеку, что окрестил его ранее. Весь покрытый синяками и ссадинами от побоев, он сказал: “Сахиб, прежде я лишь **подозревал**, что я — одна из овечек Христовых, но ныне, когда Христос посчитал меня достойным переносить такие страдания ради Него, я **знаю**, что я — Его овца!” Нося раны Господа Иисуса на своем собственном теле, лишенный из-за своей новой веры всего того имущества, которым он владел, презренный и почитаемый своею собственною расою за изгоя, Павел разными путями пытался добыть себе хлеб насущный. Его дети вынуждены были выйти на улицы, торговать там фруктами, однако, их вскоре начали узнавать. Народ посчитал их фрукты “нечистыми” из-за прикосновения к ним детей христианина. Наконец, Павлу пришлось вместе со своей женою и детьми оставить город, который всегда был для него родным, и в котором он прежде пользовался почетом и уважением. Спустя несколько месяцев они объявились в Тегеране, где и прожили в течение пяти последующих лет. Жизнь их проходила в нужде и тяготах, порою Павел подвергался преследованиям, и бедность никогда не оставляла его семью. Однако ни разу он не подумал о том, чтобы вернуться в лоно той религии,

¹ Вообще-то в исламе нет института священства в традиционном христианском понимании. Например, термин «мулла» означает не обязательно духовное лицо, но всякого, получившего образование в медресе, или даже просто грамотного человека. Близкий по смыслу к «мулле» термин «мирза» составной, первая часть этого слова имеет арабский корень, вторая — персидский. Так мусульмане в Персии называли сына своего повелителя, эмира: «’мир-задэ». Вскоре это слово стало обозначать любого помощника местного властелина: не только его наследников, но и секретарей, чиновников, писцов. «Мирза»-Павел мог быть просто грамотным человеком, возможно, служившим у какого-нибудь иранского феодала. Автор, используя слово «церковники» применительно к мусульманам, очевидно, подразумевает исламское духовенство, которое лишь до некоторой степени может служить аналогом, скажем, римско-католическому священству. — *Прим. перев.*

ذود رسول الله صلى الله عليه وسلم فبلغ ذلك النبي صلى الله عليه وسلم فبعث في أثرهم
 فأتى بهم فذبح أيديهم وأرجلهم وسمل أعينهم وتركهم في الحرّة حتى ماتوا وحدثنا
 أبو جعفر محمد بن الصباح وأبو بكر بن أبي شيبة واللفظ لابي بكر قال ثنا ابن علية
 عن حجاج بن أبي عثمان ثني أبو رجاء مولى أبي قلابة عن أبي قلابة ثني أنس
 أن نفر من عكل ثمانية قدموا على رسول الله صلى الله عليه وسلم فبايعوه على
 الاسلام فاستوخوا الارض وسقمت أجسامهم فشكوا ذلك الى رسول الله
 صلى الله عليه وسلم فقال لا تخرحون معرا عينا في ابه فتصيبون من أبوالها وألبانها
 فقالوا بلى فخرجوا فشر بوامن أبوالها وألبانها فصحووا فقتلوا الراعي وطردهوا
 الابل فبلغ ذلك رسول الله صلى الله عليه وسلم فبعث في آثارهم فأدركوا لحي بهم
 فأمر بهم فقطعت أيديهم وأرجلهم وسمل أعينهم ثم بذوا في الشمس حتى ماتوا
 وقال ابن الصباح في روايته وأطردهوا النعم وقال وسمرت أعينهم وحدثنا هرون
 ابن عبد الله قال ثنا سليمان بن حرب قال ثنا حماد بن زيد عن أيوب عن أبي رجاء
 مولى أبي قلابة قال قال أبو قلابة ثنا أنس بن مالك قال قدم على رسول الله صلى
 الله عليه وسلم قوم من عكل أو عرينة فاجتورا المدينة فأمر لهم رسول الله صلى الله
 عليه وسلم بلقاح وأمرهم أن يشربوا من أبوالها وألبانها يعني حديث حجاج بن
 أبي عثمان قال وسمرت أعينهم والقوا في الحرّة يستسقون فلا يسقون وحدثنا
 محمد بن مثنى قال ثنا معاذ بن معاذ ح وثنا أحمد بن عثمان النوفلي ثنا أزهر
 السمان قال ثنا ابن عون ثنا أبو رجاء مولى أبي قلابة عن أبي قلابة قال كنت
 جالسا خلف عمر بن عبد العزيز فقال للناس ما تقولون في القسامه فقال عنبسة قد
 ثنا أنس بن مالك كذا وكذا فقلت اياي حدث أنس قدم على النبي صلى الله عليه
 وسلم قوم وساق الحديث بنحو حديث أيوب وحجاج قال أبو قلابة فلما فرغت قال
 عنبسة سبحان الله قال أبو قلابة فقلت أتهمني يا عنبسة قال لا هكذا حدثنا أنس
 ابن مالك لن تزالوا بخير يا أهل الشام مادام فيكم هذا أو مثل هذا وحدثنا
 الحسن بن أبي شعيب الحراني ثنا مسكين وهو ابن بكير الحراني أخبرنا الاوزاعي
 ح وثنا عبد الله بن عبد الرحمن الدارمي أخبرنا محمد بن يوسف عن الاوزاعي
 عن يحيى بن أبي كثير عن أبي قلابة عن أنس بن مالك قال قدم على رسول الله صلى
 الله عليه وسلم ثمانية نفر من عكل بنحو حديثهم وزاد في الحديث ولم يحسمهم

ФАКСИМИЛЕ ТЕКСТА КАНОНИЧЕСКОГО СБОРНИКА МУСУЛЬМАНСКИХ
 ПРЕДАНИЙ; в нем говорится о том, как пророк Мухаммед пытал первых
 вероотступников. Это тридцать четвертая страница из второго тома каирского
 издания хадисов Муслима, глава про вероотступничество.

которая могла бы возвратить ему {65} и положение и относительное богатство. Он редко рассказывает о том, что ему довелось пережить, но говорит обычно: «Мне не нравится говорить о таких вещах, как страдание. По сравнению со страданиями моего Господа мои собственные страдания — ничто! Я не перестаю славить Его и благодарить за то, что Он позволил мне изведать путь спасения!»¹

Из Северной Африки до нас доходят вести о том, что хотя случаев открытого преследования людей в связи с законом о вероотступничестве там не наблюдается, все те, кто переходит из ислама в христианство, вынуждены сносить придирки, а то и побои, от своих родственников. Порою на новообращенных воздействуют грубой лестью, [чтобы вернуть в ислам], но чаще всего такой человек встречается с тем, «что выглядит своего рода немую агонию поверх очерствения родственных уз».²

Один из наших корреспондентов развивает далее эту тему: «Как нам кажется, та опасность, которой они здесь подвергаются, на деле гораздо серьезнее. В их окружении существует постоянный риск использования психотропных или наркотических веществ, воздействующих на мозг, а также различных заклинаний и гипнотических внушений. Мы пришли к заключению, что видимая утечка обращенных в христианство обратно в ислам в значительной степени обязана именно этим факторам, действующим по отдельности или все вместе. Я не в состоянии удержаться от мысли, что магические заклинания (которые подразумевают вовлечение и вовлекают на самом деле сатану с его вполне определенным влиянием) действительно играют определенную роль в разрушении [работы миссионеров]. Что же касается чисто физической стороны воздействия [на новообращенных], то мы полагаем, сравнивая ситуацию с письмами о столь же тревожных симптомах, что нам отправил миссионер из Индии, что в большинстве случаев дело идет об отравлении дурманом.³ Он широко используется с подобной целью. Впрочем, каким бы ни был применяемый яд или наркотическое вещество, случаи его использования для разрешения местных интриг прекрасно известны, и его с легкостью можно подмешать в пищу или питье человеку, оставшись при этом незамеченным. Похоже, он приводит к резкому эмоциональному возбуждению и одновременному парализует волю человека. Если судить по тем описаниям, что мы постоянно получали от одного бедняги вслед за другим таким же, дух человека окутывает тяжелейший мрак, и в таком состоянии он может находиться месяцами. И пока эта тьма не отпустит страдальца, он понимает, что ему нельзя ни быть рядом с нами, ни просто иметь что-либо общее.

Вот, как раз сейчас, с нами находится новообращенная девушка с одной из наших [миссионерских] точек. Она годами оставалась всецело преданной Христу, но прошлой весной попала под магические чары какой-то женщины-колдуньи.

¹ S. M. Jordan, в журнале *The Indian Witness*, за 8 ноября 1906 года.

² То есть, родственники перестают даже разговаривать с перешедшим в христианство. — *Прим. перев.*

³ Очевидно, автор имеет в виду какой-то вид дурмана (*Datura*), широко распространенного, сильно пахучего растения, все части которого ядовиты. — *Прим. перев.*

Мы уверены, что эту женщину нарочно подослал брат девушки — чтобы она, живя в одном с ней доме, смогла отвратить ее от нашего влияния. И внезапно девушка перестала с нами общаться. “Она знает все мои мысли, вплоть до самых сокровенных, и я вынуждена выполнять все, что она мне говорит”, — вот как объяснила нам эта девушка причину разрыва отношений [с нашей миссией]. В ответ на нашу молитву женщине-чародейке пришлось покинуть их дом, но мрак, плотно сгустившийся над душой девушки, лишь теперь начинает потихоньку рассеиваться. Еще одна история приходит мне на память, {66} которая некоторым людям может показаться и вовсе невероятной. Рассказала мне ее одна миссионерка, что напрямую была причастна к случившемуся. Эта женщина поистине вела сражение [в духовном смысле] и погибла в строю, до последнего вздоха пребывая в рядах Северо-Африканской миссии. Она обладала таким стремлением спасти заблудшие души, каким мало кто может похвалиться. Одним из новообращенных, пришедшим ко Христу в одиноко стоящей лачуге нашей миссионерки, оказался молодой человек из хорошей семьи. Какое-то время все в его жизни протекало нормально, но затем, весьма внезапно, он перестал приходить в Дом Миссии, и все связи с ним были потеряны, за исключением разве что молитвенного общения через небеса. Пришла зима, и рабочие в доме миссионерки стали чистить очаг. Внезапно взгляд одного из них упал на обгоревший по краям клочок бумаги с именем пропавшего молодого человека. Осторожно разгладив листочек, они сумели расшифровать записи, сделанные на нем. Это оказалось колдовское заклинание, написанное с целью воспрепятствовать его ноге переступить порог этого дома, а равно не позволить ему вступать в какое-либо общение с миссионерами. Служители помолились во имя Иисуса, чтоб злые чары были рассеяны, после чего сожгли злополучную бумажку. Не прошло и часа, как обращенный вновь сидел в той самой комнате, склонив свою голову и проливая перед Богом слезы раскаяния о своем недавнем отступничестве, [не позволявшем ему жить со Христом]. Позднее он рассказал нашей миссионерке, что понял, как был одурманен, и страх заставлял его съеживаться от одной только мысли пройти мимо ее дома. Страх довел человека того, что стал ненавидеть любую мысль о миссионерах».

Этим ярким примерам не так уж сложно найти схожие параллели в Восточной Аравии, где наркотические вещества и колдовство зачастую привлекаются для того, чтобы оказать воздействие на людей, отворачивающихся прочь от ислама.

Доктор Ф. Харпер пишет, что в Египте в подобных случаях, когда требуется затуманить сознание человека, принято использовать наркотическое средство под названием «манзуль», в состав которого, в основном, входит индийская конопля (*Canabis Indica*). *Datura* же (**дурман**) обладает ярко выраженным вяжущим эффектом, и используется именно для «одурманивания» жертвы — чтобы возбудить ее сексуальное влечение.

Доктор Хенри Х. Джессуп, рассказывая о своих пятидесяти трех годах, проведенных в качестве миссионера в Сирии, свидетельствует, что ему удалось окрестить не менее чем тридцать мусульман, и знал он примерно от сорока до пятидесяти обращенных в христианство, но большинству из них пришлось бежать из страны из-за страха перед преследованиями.

«Обращенный из числа мусульман, Наамет Улла, пришедший ко Христу в одна тысяча восемьсот девяносто пятом году, ранней весною добрался до Бейрута. В городе его арестовали и отправили в армию в качестве рекрута. Ему удалось переправить мне письмо из армейских казарм. Его вместе с его полком отправили в Хауран, откуда ему удалось дезертировать. Он вновь возвратился в Бейрут, оттуда бежал в Триполи, где сел на корабль, отплывавший в Египет. Но после этого следы его теряются».¹

«В июне одна тысяча девятисотого года двое мужчин со своими женами, обращенные в христианство из {67} ислама, проходили через нашу местность, направляясь в Египет. Остановившись здесь, они оказались приведенными ко Христу благодаря усилиям своих набожных соседей-протестантов, живших в расположенном в глубине провинции городе. После весьма долгого испытательного срока их приняли в число прочих братьев. Нам удалось выхлопотать для них паспорта, чтобы сесть на пароход, идущий в Александрию, и они отправились на свою новую родину, в Египет. Там им удалось сразу же освоиться, и они стали зарабатывать на жизнь своими собственными руками. Обе эти семьи отличались неподдельною искренностью и твердостью в вере. Пожилая мать одной из женщин настояла на том, чтобы навестить вместе с ними Бейрут, но после того, как они взошли на пароход, [шедший обратно в Египет], решила сначала заехать в Дамаск. Для того чтобы успокоить волновавшихся за них братьев-христиан, которые отправили к нам этих людей, но не переставали беспокоиться, не будут ли им чинить каких-либо препятствий в путешествии, я решил послать в Египет следующее письмо: «**Товары**, которые вы направили к нам, достигли места назначения благополучно, и мы переправили их морем в Египет на пароходе [компании] ‘Хедивиаль’ 30-го июня, на имя нашего делового агента. Ту **большую кипу**, которая оказалась слишком тяжелою для судна, нам пришлось возвратити нашему агенту в Дамаске, который оттуда переправит ее вам. Мы надеемся на получение существенной прибыли от той части товара, что была послана напрямую в Египет».

Причина для столь необычного письма, зашифрованного под коммерческое извещение, была проста. Дело в том, что письмо на арабском, в котором сообщались истинные сведения, могло быть легко прочитано почтовым чиновником, после чего у наших путешественников могли возникнуть серьезные неприятности».²

Миссис В. Х. Старр из Пешавара, [Индия], рассказывает об одном обращенном ко Христу из мусульман, парне лет восемнадцати, которому пришлось расстаться с жизнью ради нашего Господа. Он принадлежал к племени диких афганцев африди, и отправился в [миссионерскую] больницу за помощью. Оставшись в больнице в качестве работника, через какое-то время он обратился с просьбою принять его в христиане. В одна тысяча девятьсот четырнадцатом году в город по делам прибыли его отец и брат. Они очень обрадовались, увидев своего

¹ Хенри Х. Джессуп, «Пятьдесят три года в Сирии», *Fifty-three Years in Syria*, by Henry H. Jessup, том ii, стр. 635.

² Там же, том ii, стр. 691-692.

мальчика целым и невредимым. К тому же, он сам теперь зарабатывал себе на хлеб, получая регулярное жалование! Вели они себя вполне дружелюбно, и никого их поведение не насторожило. Вскоре отец попросил в больнице разрешения отпустить его мальчика к нему — погостить ненадолго. Пареньку дали выходной; и, наряженный в свои лучшие одежды, он ушел, с сияющей улыбкой на лице. Стало смеркаться, наступил вечер, но мальчик все не возвращался. Никаких следов паренька так и не могли отыскать. Лишь позднее раскрылась ужасающая правда. Его соблазнили оставить работу в больнице, а потом стали обвинять, что своим переходом в христианство он бесчестит свою семью. Бедный мальчик был оставлен перед выбором: либо он отрекается от своей новой религии, либо распрощается с жизнью. Всех подробностей нам разузнать не удалось, но факт остается фактом: этот паренек из племени африды был забит камнями. И это сделал его собственный отец, поскольку для этого человека {68} не оставалось иной альтернативы. Возможно, для этого юного Стефана двадцатого века также раскрылись небеса и он увидел славу Божию и Иисуса.¹

Этот злой дух, побуждающий преследовать всех перебежчиков из ислама, существует даже на острове Ява, где количество обращенных в христианство, непосредственно связанных с рядом голландских миссий, приближается к тридцати тысячам. И многие из принявших Христа обнаруживают, что враги человеку — домашние его.² В журнале реформатской церкви «Хет Зендингс Блад»³ за октябрь

¹ Г-жа В. Х. Стар в сборнике «Мусульманский мир», Mrs. V. H. Starr, in *The Moslem World*, том хі, стр. 80. [Речь идет о свидетельстве Стефана иудея: «Стефан же, будучи исполнен Духа Святаго, воззрев на небо, **увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога**, и сказал: вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога. Но они, закричав громким голосом, затыкали уши свои, и единодушно устремились на него, и, выведя за город, стали побивать его камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла, и, выведя за город, стали побивать его камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла, и побивали камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! прими дух мой. И, преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил» (Деяния 7:55-60).— *Прим. перев.*].

² Цитата из Евангелия от Матфея 10:34-36: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. **И враги человеку — домашние его**». Далее Иисус говорит Своим ученикам: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня... Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня» (стихи 37, 40). Отметим, что Сам Христос говорит не о соперничестве разных религий, а о **пренебрежении праведностью**, цитируя пророка Михея, обличавшего пороки погрязшего в коррупции общества: «Не стало милосердых на земле, нет правдивых между людьми; все строят ковы, чтобы проливать кровь; каждый ставит брату своему сеть... Не верьте другу, не полагайтесь на приятеля; от лежащей на лоне твоём стереги двери уст твоих. Ибо сын позорит отца, дочь восстает против матери, невестка — против свекрови своей; **враги человеку — домашние его**. А я буду взирать на Господа, уповать на Бога спасения моего: Бог мой услышит меня» (Мих. 7:2, 5-7). То есть, Христос пришел разделить не «христиан» от неких «иудеев» или от «мусульман», но **праведников и праведность от грешников и греха**. Как будет видно из последующего письма яванской девочки, речь идет не о какой-то особенной религиозности людей, будь то мусульмане или христиане, но об элементарной ненависти родителей к своим собственным детям, виновным лишь в том, что они появились на свет. — *Прим. перев.*

³ *Het Zendings Blad*.

1923 года напечатан [голландский] перевод трогательного письма девочки-яванки ее друзьям, несколько параграфов из которого мы помещаем здесь в переводе [на английский]:

«Вы знаете, мой брат, Иосиф, был отослан прочь из дома, и теперь ваша несчастная сестра здесь совсем одна. Я обязана поведать вам о том, что произошло в четверг, 31-го мая, в два часа дня. Мой отец подозвал меня и начал корить, как обычно, пытаясь настроить против христианской религии. Сама беседа наша покажется вам не слишком интересною; однако же, лишь только я начала плакать, как мой отец, да и мать моя вместе с ним, стали меня бить. Они затащили меня в комнату, находящуюся в задней части дома, и чем больше я плакала, тем злее они оба становились. Отец наносил мне удары своими сандалиями по голове, по спине, и отец и мать быстро перехватывали меня, лишь только я пыталась вырваться от них и убежать. Затем моя мать сорвала с меня мои браслеты — за то, что я произнесла имя Христа.

И что же, вы думаете, мой отец говорил мне? Он обернулся лицом к моей матери и воскликнул: **“Давай убьем ее! Одной дочкой больше или меньше — какая нам разница?!”** И вновь я попыталась вырваться от них, но меня закрыли в маленькой комнатушке. О нет, то не было просто словом, сорвавшимся в горячке с его уст — нет, он и вправду намеревался сделать это, когда бил меня изо всей силы головою о твердые стены, и пытался удушить меня. Затем я попыталась молиться, и моя мать закричала: **“Эй, ты только посмотри — она опять молится!”** Тут мой отец ударил меня по лицу своими сандалиями, и они наконец-то оставили меня. Я вспомнила историю, случившуюся с Павлом в темнице: как, после избиений, он стал воспевать хвалу Господу, и мною овладело сильное желание запеть. Я тихонько стала напевать, так, чтобы никто не смог бы меня подслушать: **“Мы славим Тебя, Тебя Одного!”**

Часов в шесть я услышала, как моя мать проходит мимо, и попросила ее: **“Выпусти меня отсюда!”** В семь часов пришел мой отец, но лишь для того, чтоб вновь мучить меня всякого рода расспросами — столь трудными {69} вопросами, что я не могла на них ничего ответить». Далее, после описаний разного рода истязаний, которым эта девочка подвергалась, а также боли, которую она испытывала во всем теле, в письме говорится следующее: **«Лишь после того, как я проплакала в течение целого часа, мать отворила дверь и разрешила мне выйти и покушать. Но, в то же самое время, отец пригрозил, что убьет меня, если только я попытаюсь бежать. После чего моя мать спросила, согласна ли я перестать утверждать, что я верю в христианское учение, но я не осмелилась пообещать ей этого. Ведь мое глубочайшее желание — оставаться христианкою. У меня отобрали мои библии и мои книги, и теперь я завидую Иосифу, моему брату, потому что его всего-навсего выгнали из дома».**

Все это происходило в самом центре острова Ява, неподалеку от одной из дневных христианских школ для детей из мусульманских семей.

В Египте одним из самых выдающихся людей в среде обращенных из ислама в христианство был Махайль Мансур. Примерно тридцать лет тому назад он окончил двенадцатилетний курс обучения в университете Азхар, и, хотя к тому времени ему едва ли исполнилось двадцать лет, сумел стяжать себе титул шейха.¹ Это был поистине блестящий ученик, превосходно владевший арабским языком, обладавший прекрасными познаниями в арабской литературе. Однако ему не доводилось общаться с христианами, и он ничего не знал об их религии. Как-то раз его взгляд упал на стих из Библии, процитированный кем-то с целью критики христианства. В сознании Мансура зародилась мысль, оказавшаяся неотвязною: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа».² Узнав, что эти слова были взяты из Евангелия от Иоанна, он загорелся желанием приобрести копию всей этой книги. Вот так, с Библиею, сокрытой под широко развевающимися крыльями его одежды, Мансур пошел домой, где начал читать Священное Писание. Когда впоследствии ему доводилось рассказывать об этом происшествии, Махайль Мансур вспоминал, что ни разу не остановился, читая Новый Завет всю ночь напролет. Слова этой книги горели в его душе, подобно пламени, они буквально жгли ее. Ему пришлось бороться со своими сомнениями и страхами, и самому пробивать себе путь сквозь дебри богословских проблем. Подобно Савлу из Тарса он окидывал взглядом всю свою прежнюю жизнь, понимая, что все его перспективы исчезнут, если он станет христианином. Но решение было принято, и Мансур стал искать пути пройти обряд водного крещения. Опасаясь открыто исповедовать свою новую религию в родном городе, а также из-за различных проволочек и непонимания, с которым он столкнулся [среди христиан-протестантов], он вынужден был отправиться в другой город, где и был крещен в римско-католической поместной церкви. В течение нескольких лет он оставался в этой церкви, обучая людей в ее школах. Его отвезли в Рим, где представили самому Папе Льву XIII. Однако это путешествие, вместо того, чтобы поразить его величием Рима, лишь раскрыло ему глаза на все убожество католической церкви. И по своему возвращению в Египет {70} Мансур не замедлил перейти в евангелическую церковь, верным членом которой он и пребывал до конца своих дней. Сначала его использовали в качестве учителя, однако вскоре люди стали замечать замечательные ораторские способности Мансура. Вот так этому человеку довелось на долгие годы стать лидером в дискуссиях на религиозные темы. Эти беседы стали собирать все больше народа, и дошло до того, что ни одно из зданий миссии уже не могло вместить всех желающих послушать выступления Мансура. А ведь толпы слушателей почти сплошь состояли из мусульман, причем многие из них были студентами [исламского] университета Азхар. На протяжении восемнадцати лет он продолжал выступать на подобных собраниях в Каире, по два раза в неделю. От робости, которою были отмечены его первые дни после обращения в христианство, не осталось и следа. Порою его друзьям-христианам приходилось опасаться за безопасность Мансура, но сам он, похоже, вообще не знал, что такое страх. Ко

¹ То есть, благодаря своим познаниям оказался в числе высших представителей мусульманского духовенства. — *Прим. перев.*

² Евангелие от Иоанна, 17:3.

всем людям, что его окружали, он относился как к своим подлинным друзьям. Однажды он получил письмо, содержавшее угрозы в свой адрес. Он захватил его с собою, собираясь на очередной диспут. Стоя с этим письмом в руке в плотной толпе народа, Мансур широко распахнул полы верхней одежды и сказал: «Если кто хочет выстрелить в меня, я готов! Однако, по милости Божией, я буду и далее продолжать проповедовать Христово Евангелие». Он был человеком весьма привлекательной наружности, с острым чувством юмора, а дружелюбность его поведения была поистине редкостной. Умер он в одна тысяча девятьсот восемнадцатом году. Сколько конкретно человек были завоеваны для Христа благодаря диспутам этого замечательного проповедника, сказать невозможно, но одним из них оказался его собственный брат, наделенный в немалой степени талантами самого Махайля Мансура. Брат и по сей день с успехом продолжает служение нашего подвижника. Оба брата являются прекрасным примером того, как смелость в исповедовании Христа оказывается частью мудрости, даже когда речь идет о проповеди среди фанатичных мусульман в таком непростом городе, как Каир.

Аден и внутренние районы Йемена, находящиеся вдали от прибрежной полосы, находился под властью британской короны с таких незапамятных времен (с 1837 года), что любой человек вправе ожидать полной утраты силы у любого установления против вероотступников. Однако дух ислама уступает свои позиции с крайней неохотой. «Шейху Салему, обращенному в христианство, бесспорно, пришлось пострадать от этого закона», — пишет доктор Дж. К. Янг. «Когда он в роли арабского секретаря-помощника находился вместе с капитаном Уорнфордом в горах Залы, местные арабы собрали у себя в мечети совещание. Там было открыто заявлено, что шейха Салема надлежит предать смерти, и его предупредили, что жизнь его находится в опасности. Из-за этого ему пришлось возвратиться в Аден, где он пребывал в относительной безопасности. Там ему мог угрожать лишь внезапный удар кинжалом какого-нибудь сумасшедшего фанатика, каковых в то время, к счастью, в Адене не было. Тем не менее, лишь за несколько недель до этого события внушительных размеров камень был брошен в одного паренька. Он сидел на морском берегу, беседуя с преподобным К. Й. Расмуссеном, в обществе двух женщин из Дании. Мальчику было тогда двенадцать лет. На этого паренька произвела тогда большое впечатление речь шейха {71} Салема в нашем госпитале. Спустя годы, по своем возвращении в Аден после войны,¹ он, будучи уже взрослым человеком, рассказывал женщине-датчанке, перевязывавшей его ногу, как задолго до этого слушал [от шейха Салема] историю из Евангелия, которая запомнилась ему на всю жизнь».

В Палестине перед войною условия были таковы, что епископ Ридли, который посетил нашу Миссию в одна тысяча девятьсот восьмом году, пишет: «Нельзя сказать, чтобы крещение мусульман в Палестине было неслыханным делом, хотя обращенных здесь относительно мало. В некоторых случаях таковых приходится переправлять в Египет из соображений безопасности. Обряд крещения новообращенного при турецкой власти является сигналом к его немедленному заключению под стражу, и, возможно, означает для него

¹ Первой мировой, 1914-1918 гг. — *Прим. перев.*

последующий венец мученика. Несмотря на заключенные договоры, ни о какой свободе совести или терпимости не может быть и речи... Вот, не так давно, некий шейх явился в здание школы Миссии, вытащил одну из наших учениц и избил ее чуть ли не до смерти. Среди тех, кому довелось найти путь ко Христу в госпитале в Яффе, оказался один афганец, которого впоследствии подстрелил мусульманин. Этот афганец отказался от уголовного преследования своего убийцы, и был по своей просьбе перед смертью доставлен в тот самый госпиталь, где некогда принял водное крещение».¹

Невзирая на то, что число обращенных в Индии является довольно существенным, даже и там им приходится встречаться с огромными осложнениями. То, о чем сэр Г. К. Скотт-Монкрифф писал в своей замечательной книге, «Восточные миссии с точки зрения солдата»,² в одна тысяча девятьсот седьмом году, до сих пор остается весьма актуальным в ряде местностей Индии. «Разумеется, законы этой страны предоставляют, насколько эту возможно, свободу религии, и никто не может быть подвергнут наказанию в суде, согласно праву, на основании обвинения в переходе в иную веру. Но достаточно человеку хоть однажды переступить ту границу, что отделяет уважение к религии, свойственной правящей расе, от реального согласия с ее учением, как он сразу же встречается со всею силою слепого фанатизма и преследований, направленных против него где только возможно. Я знаю о двух случаях, когда нижние чины-христиане, занятые на общественных работах, оба — обращенные из ислама, оказывались жертвами коварно продуманных их бывшими товарищами по религии заговоров. И доказательства против них были так умело “сварены”, что выглядели абсолютно неопровержимыми для всякого, кто не знал лично об исключительной честности этих людей. В обоих случаях в результате заговоров удавалось совершенно разрушить жизнь этих несчастных. Я знаю случай с одним молодым вождем, который уже собирался пройти обряд водного крещения, но был похищен. {72} С него сорвали одежды и подвергли избиениям, поскольку подкупить его посулами никак не удавалось. Один из моих друзей, молодой человек-магометанин, оказался настолько убежденным в истинности Евангелия, насколько только может быть убежденным человек. Так он упрашивает меня забрать с его собою в Англию, чтобы он смог там креститься. Ибо в его стране, говорит он, жизнь для него в таком случае была бы нестерпимою».³

Еще более сильный религиозный фанатизм мы встречаем вдоль северных границ Индии. «В Мардане, — пишет доктор Мари К. Т. Хойст, — дочь муллы пришла в больницу, чтобы получить консультацию относительно своего зрения. Находясь на больничной койке, поначалу она встречала [христианское] учение с большим недоверием, но затем ее интерес стал возрастать. И так, в один из воскресных дней, когда предметом обсуждения в миссионерской школе был случай с Бартимеем, она, наконец, приняла решение предать себя Христу. Как

¹ Юджин Сток, «История Миссионерского общества Церкви [Англии]», *History of the Church Missionary Society*, by Eugene Stock (Лондон, 1916 год), том iv, стр. 127.

² Sir G. K. Scott-Moncrieff, *Eastern Missions from a Soldier's Standpoint*.

³ Юджин Сток, «История Миссионерского общества Церкви», том iv, стр. 154-155.

восхитительно Господь вел дело с этой девушкой, чтобы обрести ее! Каким прекрасным образом Он дал ей силу, чтобы оставить все и исповедовать Иисуса в обряде водного крещения! А позднее, когда ей стали угрожать смертью в ее родном доме, она без колебаний провозгласила имя Христово и отказалась повторить «калимму».¹ В конце концов, ей удалось бежать с помощью женщины-магометанки. Но все это может послужить отличным предметом для отдельной главы в какой-нибудь книге, которую стоило бы написать в будущем. “Очень трудно было?” — спрашивали девушку миссионеры после ее благополучного возвращения. “Да, особенно поначалу. Ведь я была совсем одна. Но затем в сознании моем как бы зажглись вот эти слова: ‘Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни’.² Вы читали их мне перед тем, как я покинула больницу!”».

Нижеизложенная история Абдуль Карима, афганца, пришедшего ко Христу в больнице Миссионерского общества Церкви в Кветте, и впоследствии присоединившегося к доктору Т. Л. Пеннеллу в Банну, вся исполнена славой мучеников. Человек, **отступивший** из ислама, стал **наступающим** апостолом Христовым!

«Летом тысяча девятьсот седьмого года Абдуль Каримом овладела неутолимая жажда пересечь границу Афганистана, чтобы проповедовать там Евангелие. Но не успел он отойти от пограничного пункта под Хаманом, как его схватили афганские стражники. Спустя некоторое время они доставили его к губернатору Кандагара. Узнику было предложено немалое вознаграждение плюс почет, если он раскается и возвратится в лоно магометанства. Однако Абдуль Карим отверг это предложение, за что и был водворен в темницу. Восьмифунтовые цепи тяжело сковывали его по рукам и ногам. Несмотря на то, что Абдуль Карима допрашивал лично Его величество эмир, а затем и эмирский брат, Насирулла, тот остался верен христианскому вероисповеданию.

Дело кончилось тем, что несчастного пленника отправили в Кабул, с исключительными мучениями {73} по дороге. Согласно той информации, крохи которой попадали к нам в Индию, перед нами предстает следующая картина. С тяжелыми кандалами на ногах, с отвратительной уздой и удилами в рту, брел он по пыльной дороге от самого Кандагара до Кабула. Предполагалось, что любой мусульманин, встретившийся ему на пути, мог ударить его по щеке и выдрать клочок волос из бороды. Когда его пригнали в Кабул, нам стало известно, что он скончался там в темнице. Однако, в другом сообщении, опиравшемся на свидетельство очевидца, вполне достойного доверия, говорилось, что в Кабуле Абдуль Карима все-таки выпустили на свободу и разрешили одному отправиться обратно в Индию.

Пока он добирался обратно, люди в деревне, где он остановился по дороге отдохнуть, разузнали, кто он такой. Весьма вероятно, что один из местных жителей слышал его проповеди в Индии. Его схватили и потащили в мечеть, где

¹ «Ля иля(х)а илля-а ‘лла(х)у». Исламский символ веры — см. далее по тексту. «Калима», буквально, «слово». — *Прим. перев.*

² Откровение Иоанна Богослова 2:10: «Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. **Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни.**».

силою заставляли повторить магометанскую “калиму”: “Нет бога, кроме Бога, и Мухаммед — Пророк Божий”. Это общепринятая формула, необходимая для того, чтобы считаться мусульманином, и если обращенного из ислама в христианство удастся заставить произнести ее на людях, она будет засчитана в качестве его публичного покаяния.

Абдуль Карим отказался. Тогда кто-то обнажил меч, и несчастному отсекали правую руку. И вновь ему велели повторить “калиму”, и вновь он отказался. Подобно правой руке, ему отсекали и левую, и, после того, как мученик простонал о своем отказе в третий раз, ему перерезали горло. Не может быть никаких сомнений в том, что, каковы бы ни были подробности его мучений, Абдуль Карим до самого конца оставался верным своему Спасителю Христу, и отдал жизнь потому, что не захотел отречься от Него».¹

Тот список мучений, которым подвергались люди за свою веру в Бога, предстающий нам со страниц одиннадцатой главы Послания Евреям, вполне можно сопоставить с жизнеописаниями тех, кому довелось пострадать за Христа, поскольку они оказались отступниками из ислама. Перед каждым человеком, делающим свой выбор в пользу Христа, раскрывается перспектива одиночества, отверженности, гонений и даже смерти. Нам на память приходит история, переданная в жизнеописании кардинала Лявизери. Мы читаем, как он основал общество «Белых отцов»: замечательную миссионерскую организацию, которая обрела такую славу в своей работе по обращению в христианство жителей [Северной] Африки, что молодые люди со всей Европы стали съезжаться в Алжир, прося допустить их к служению. В сердцах их разгорался призыв благовествовать в Африке: с ее жарким климатом, таинственными пустынями, жестокими неграми и фанатиками-мусульманами. Эта молодежь хотела чувствовать себя «солдатами {74} элиты», что всегда готовы оказаться в самом опасном месте. В сопроводительных документах, представленных одним молодым священником, стояла, вместо обычной «цели прибытия», следующая запись, сделанная рукою его архиепископа: **Visum pro martyrio**, «Прибыл для мученичества».² «Прочтите, готовы ли вы к этому?» — возвратил молодому человеку его бумаги таможенный чиновник. «Для того сюда и приехал», — просто ответил священник.

¹ Т. Л. Пеннелл, «Среди диких племен на афганской границе», *Among the Wild Tribes of the Afghan Frontier*, by T. L. Pennell (Лондон, 1909 год), стр. 293-204. Вся эта история всецело заслуживает сравнения с тем, что рассказывается в Главе II относительно того, какая судьба ожидала **ранних** вероотступников ислама. Нет никаких сомнений, что афганцы были знакомы с соответствующими мусульманскими преданиями. [См. комментарий к хадису Ан-Навави во второй главе. — *Прим. перев.*].

² Довольно сложная игра слов. Изначально слово «мартир(ос)», «мученик», и в греческом, и в латыни означало «свидетель». Те из ранних христиан, которых впоследствии стало принято считать «мучениками», на деле **свидетельствовали** о Христе. Фразу, написанную архиепископом по латыни, изначально следовало переводить как «прибыл для свидетельства», но, к сожалению, нами она воспринимается в первую очередь в переносном смысле: «скончался по причине мученичества». — *Прим. перев.*

ГЛАВА IV.

ВЕКА НЕТЕРПИМОСТИ И ГОНЕНИЙ.

«Мохаммед не просто проповедовал веротерпимость; он ввел это понятие в ранг закона. Всем покоренным народам он предлагал свободу в богослужении. Символическая подать была лишь компенсацией, которую им требовалось заплатить за возможность получить удовлетворение от соблюдения ритуалов своей религии. И коль скоро достигалось согласие в вопросах уплаты этого налога или подати, любое вмешательство в дела их религии или посягательство на свободу совести рассматривалось как прямое противоречие с законами ислама. Можно ли то же самое сказать о других религиях? Прозелитизм с помощью меча был абсолютно чужд самому характеру Мохаммеда».

СЕЙИД АМИР АЛИ, «Дух ислама», стр. 175.

«Средством, которое помогало Мухаммеду завоевывать сердца людей, а затем заставляло их беспрекословно следовать своему учителю, была чисто внешняя власть во всем, до последней крайности. Для него распространение веры было абсолютно равнозначно ведению войны с неверующими. Мухаммед являл собою пророка и деспота в одном лице».¹

ОТТО ПАУТЦ, «Раскрытие учения Мухаммеда», стр. 283.

ГЛАВА IV.

ВЕКА НЕТЕРПИМОСТИ И ГОНЕНИЙ.

СЛУЧАИ, что были описаны нами в предыдущей главе, показывают, каким образом закон об отступничестве действует в настоящее время. Это не что иное, как естественные плоды, как следствие многовековой нетерпимости по отношению к тем, кто решился оставить лоно ислама. Самые первые из вероотступников, некоторые из которых обращались в христианство и вынуждены были сносить за свое отступничество страдания, являлись современниками самого Пророка Мухаммеда. Их истории сохранились до наших дней в двух ранних рукописях, а именно, в «Жизни Пророка» Ибн Хишама (ум. в 834 г. от р. Х.), и в

¹ Перевод с немецкого. — Прим. перев.

«Мусульманских завоеваниях» Аль-Балязури (ум. в 892 г. от р. Х.). В последней из этих рукописей мы читаем о некоем «Абу-Амире, который бежал от лица Аллаха и Пророка в Мекку, а оттуда — в Сирию, где был обращен в христианство. И потому такое откровение было от Аллаха: “Есть некоторые, построившие мечеть во вред и из неверия, и для разделения ‘Верующих’, и в ожидании того, кто в давние времена сражался против Аллаха и Его Посланника”».¹

Другая интересная история повествует нам о Микьясе Ибн-Субабе: «Нумайла Ибн-Абдалла Аль-Кинани убил Микьяса Ибн-Субабу Аль-Кинани, поскольку Пророк возгласил, что любой, кто повстречает его, может его убить. Пророк сделал это по следующей причине: у Микьяса был брат, Хашим Ибн-Субаба Ибн-Хазм, который принял ислам и вместе с Пророком был очевидцем нападения на Аль-Мурайси. Этот Хашим был по ошибке принят одним из “ансаров”² за “многобожника”, и был убит. После чего его брат Микьяс пришел к Пророку, и Пророк постановил, что родственники убийцы несут ответственность за его поступок, и должны заплатить за пролитую кровь. Микьяс получил выкуп за убитого, и сам стал мусульманином. Но впоследствии он напал на убийцу своего брата, убил его, и {78} бежал, после чего отрекся от ислама. Он заявил:

“Исцелена душа моя — его постигла кара!
Впиталась кровь из вен его в его одежды,
Отмщение родной крови моя рука избрала,
Пусть благородные вожди сынов Наджара³
Оплатят кровь его — на них мои надежды.

Сумел я жажду мщенья утолить,
И честолюбье удалось мне позабавить,
Доволен я, что сам решил отмстить,

¹ «Футух Аль-Бульдан» Аль-Балязури, в переводе Хитти. *Futuh Al-Buldan*, by Al-Baladhuri, by Hitti (Нью-Йорк, 1916), стр. 16. По смерти Мухаммеда многие арабы, даже в самой Мекке, поспешили оставить ислам. К таковым также безжалостно применялась смертная казнь. Ср. «Ибн Хишам» *Ibn Hisham*, том iii, стр. 104 (каирское издание). [Сура ix 108. Перевод Крачковского: «А о тех, которые устроили мечеть из соперничества, из неверия, для разделения среди верующих и для засады тем, кто раньше воевал с Аллахом и Его посланником, — они будут, конечно, клясться: “Мы желали только благого!” — о них Аллах свидетельствует, что они — лжецы». — *Прим. перев.*].

² «Ансар» (мн. ч. от «насир» — «помощник»; по-русски употребляется только во мн. ч. — «ансары») — жители Йасриба (Медины) из племени аус и хазрадж, которые в 622 году заключили с Мухаммадом договор, признав его своим верным вождем и вероучителем, предоставив ему и его сторонникам-мухаджирам право поселиться в их городе и оказав материальную поддержку. — *Прим. перев.*

³ Обычно арабский термин «бану», «бани» или «бени» переводят как «племя». На самом деле, «банун» — множественное число от «ибн». Это понятие чисто библейское, которое на русский язык правильно передается как «сыны»: например, «сыны Израиля». Из ранней истории ислама нам известны названия семи «бану», встречающиеся в мусульманских хадисах: Бану Курайш, Бану'н Наджар, Бани Курайза, Бану Киндна, Бану'н Назр, Бану Хазаа и Бану Бакр. — *Прим. перев.*

Я — первый, кто решил ислам оставить!»¹

Но он был отнюдь не первым, кто предпочел оставить ислам. Самым первым человеком, обратившимся из ислама в христианство, а следовательно и первым отступником, был Обейдалла ибн Джахш, который оказался среди тех, кто бежал из Мекки в Абиссинию («Ибн Хишам», том i, страницы 76 и 111). Описание, оставленное нам Ибн Хишамом, как оно было услышано им от Ибн Исхака, весьма несвязно, но каждый в состоянии прочесть между строк о том, насколько сильным было ранее влияние христианства на ислам. Ведь сами мусульмане нашли в себе смелость предать бумаге то, что свет христианства был ярче, чем свет от их новой религии: «Что касается Обейдаллы ибн Джахша, как бы то ни было, он оставался в нерешительности до тех пор, пока не принял ислам; затем он бежал с мусульманами в Абиссинию, взяв с собою свою жену, Умм Хабибу бен'т Абу Суфьян, и она была мусульманкой. Но после того как он женился на ней, он стал христианином и оставил ислам, так что, в конце концов, он и сгинул там, в Абиссинии, христианином. Ибн Исхак сообщает, как Мохаммед ибн Джафар рассказывал ему: “Обейдалла ибн Джахш, когда он стал христианином, начал приходить к соратникам Пророка (да пребудут на нем покой и молитвы!) в то время, когда они еще оставались вместе в Абиссинии, и повторять им: ‘Вот, мы в состоянии видеть все ясно, а вы все еще не проморгались, и остаетесь слепыми; у нас — верное видение, а вы пробираетесь наощупь, и не можете видеть ясно’. Одно из слов, которые он при этом употреблял, применимо ко щенку, который моргает, стараясь открыть свои глаза, чтобы увидеть окружающий мир. Другое же слово, которое он использовал, означает видеть очень отчетливо”. Ибн Исхак продолжает, говоря, что “Апостол Божий² (да пребудут на нем молитвы и покой!) унаследовал жену Обейдаллы ибн Джахша, Умм Хабибу ибн Абу Суфьян ибн Харб, и заплатил за нее выкуп («махр») в размере четырех сотен динаров”». ³

{79} Если верить Каэтани, Мухаммед посоветовал своим товарищам эмигрировать в Абиссинию не для того, чтобы спасти остающихся верными ему людей от телесных наказаний или пыток, но из страха, что те не смогут устоять перед давлением и уговорами и оставят религию ислама. Следовательно, поскольку только часть мусульман собиралась отправиться в Абиссинию, мы можем предположить, что Мухаммед решал отделить себя от тех учеников, которым он не доверял, а также от тех, которых он охотно оставил бы в своем отечестве, если бы они не были расположены уступить давлению и доводам курайшитов. Поэтому их бегство в Абиссинию и следует приписывать действию, а вовсе не смелости и не какому-то стремлению к самопожертвованию. Последующее возвращение эмигрантов в Аравию, таким образом, лишь

¹ «Футух Аль-Бульдан» Аль-Балязури, в переводе Хитти (Нью-Йорк, 1916), стр 67. *Futuh Al-Buldan*, by Al-Baladhuri, translated by Hitti.

² Т.е. Мухаммед. — *Прим. перев.*

³ «Мусульманский мир», *Moslem World*, том iii, стр. 328-329, цитируется по «Ибн Хишаму». *Ibn Hisham*, том i, стр. 76.

подтверждает тот факт, что Мухаммед не достиг ни малейшего успеха: ведь практически каждый из этих вынужденных беженцев-переселенцев оказался обращенным в христианство за время своего продолжительного пребывания в Абиссинии.

Каетани предлагает нашему вниманию список имен этих эмигрантов, и продолжает свое повествование, утверждая, что эти мужчины на деле обладали более возвышенным духом, чем их родственники, и были охвачены более величественным и искренним религиозным чувством. Они не могли удовлетвориться грубым идолопоклонничеством курайшитов, и жаждали найти такую религию, которая бы лучше соответствовала их представлениям о духовном мире.¹ «Знаете ли вы, — говорили они один другому, — что наш народ не следует истинной вере, и что люди извратили истинную религию нашего праотца Авраама? Как мы можем поклоняться камню, который не способен ни видеть, ни слышать, и от которого нет ни пользы, ни вреда? Поищите себе другую веру, ибо ваша ничего не стоит». Вот, согласно преданию, таково было мнение этих мужчин, которым они делились между собою; и поскольку все они были одержимы одним желанием найти истинную веру, то решили объединить свои усилия и предложить народу ту религию, которая из-за невежества была уничтожена их предками. Впоследствии эти люди оставили служение идолам и перестали употреблять в пищу мясо животных, забитых для языческих жертвоприношений. Затем они отправились в странствия по всему миру на поиски “Аль-Ханифийа” (религии Авраама). «Ибн Хишам», стр. 143; «Аль-Халаби», том i, стр. 169-170.

Хотя Каетани и критикует исламские предания относительно так называемых гонений в Мекке, и отрицает, что существовали две волны эмиграции в Абиссинию, он признает историчность этих ранних анналов, в особенности тех, что рассказывают нам про Обейдаллу ибн Джахша.²

{80} Отступники из ислама обнаруживались не только в Абиссинии, и не только в христианство. Ведь и сами арабы после смерти Мухаммеда во множестве начали возвращаться к своей прежней практике поклонения идолам, и стали почитаться мусульманами за вероотступников. Против них была объявлена настоящая война на ножах. В Омани многие из них и в самом деле были вырезаны. «Некоторые женщины в Ан-Нуджайре обрадовались смерти Пророка, и Абу Бекр написал указ, чтобы им отсекали руки и ноги. Среди этих женщин оказались Ат-Сабджа Аль-Хадрабийя и Хинд, дочь Йамины, иудейки».³ Только подчинившись мусульманам и согласившись заплатить дань, смогли некоторые из них сохранить свои жизни. Когда арабы из Бахрейна под предводительством Аль-Хутама

¹ Итальянские фашисты охотно использовали расистские идеи Каетани и ему подобных для оправдания своей агрессии в Африке, в частности, расценивая захват Абиссинии (Эфиопии) как «крестовый поход». — *Прим. перев.*

² Каетани, «Анналы ислама»; Вступление, разделы 180, 271, 277; том i, седьмой год после хиджры, разделы 53, 55, 58, и т. д. *Annali dell' Islam*, by Caetani.

³ Аль-Балязури, стр. 155.

решились оставить ислам, им была объявлена война. Один из мусульманских поэтов запечатлел победу исламского войска и гибель Аль-Хутама в следующих строфах:¹

«Лежит в потеках крови Аш-Шурайх,
Как в бахrome йеменского наряда,
Лишили сына мы старушку Умм-Гадбан,
И дротик преломили свой в глазу Хабтара.
Вот Мисмаа простерт, обрел свой мир,
— Мы тоже приложили к тому руку,
Гиенам и орлам богатый будет пир,
А многобожникам — вперед наука!»

Тот дух, в котором происходило обращение в ислам сопредельных с арабскими землями государств, нашел себе ясное выражение в следующих строках, приписываемых Али ибн Аби Талибу:

«Клинок, а не нарцисс, цветком мы почитаем,
Нам головы не мирт, а запах крови кружит!
Мы вражьей кровью жажду утоляем,
Нам вражий череп после битвы кубком служит!»²

Если уж речь зашла о желании обязательно предать своих врагов смерти, то приходится констатировать, что оно находится в полном соответствии с учением Корана, ибо Сура v. аят 27³ гласит: «Воистину, воздаяние тех, кто ведет войну с Богом и Его Апостолом, и следуют злу на земле, в том, что они будут убиты, или распяты, или руки у них и ноги будут отсечены с обеих сторон, или же они будут изгнаны из этой земли».⁴

И хотя является правдою то, что исламский идеал братства {81} всех верующих обладает сильнейшею привлекательностью, и что новообращенным в ислам всегда гарантируются определенные привилегии, однако положение христиан при последних халифах вовсе не было таким же сносным, как это было в

¹ Там же, стр. 128.

² «Ас-сайфу ва'ль-ханджар рихануна,
'Уфун 'ала'ль-нарджис уа'ль-аас,
Дам 'адауна шурабуна,
Уа джумджумат рас аль-каас».

³ Очевидно у автора опечатка, на самом деле этот текст Суры v. аят 37. У Крачковского: «Действительно, воздаяние тех, которые воюют с Аллахом и Его посланником и стараются на земле вызвать нечестие, в том, что они будут убиты, или распяты, или будут отсечены у них руки и ноги накрест, или будут они изгнаны из земли». — *Прим. перев.*

⁴ Ср. «Мизан Аль-Хакк» («На весах истины») позднего преподобного К. Г. Пфандера, доктора богословия. *The Mizanu'l Haqq* (Balance of Truth), by the late Rev. C. G. Pfander, D.D., стр. 360, 361.

течение первого столетия [после хиджры]. Сам Т. У. Арнольд признает это, хотя он и является большим апологетом ислама, как религии, склонной к веротерпимости. (См. «Проповедь ислама» Арнольда, стр. 66.)¹ В халифате никогда не существовало подлинного равенства, ни в религиозных вопросах, ни в гражданских делах. Отречение от ислама всегда почиталось за предательство, в то время как отречение от христианства ради ислама давало человеку большие преимущества, вплоть до прощения прошлых преступлений. В гражданских делах христиане не только были обязаны платить особый налог, но и во многом были ограничены в своих правах. Терпимость мусульманских правителей была всегда обусловлена принятием более низкого статуса. (Сравните с исследованием Шедда: «Ислам и Восточные церкви», *Shedd's Islam and the Oriental Churches*, стр. 121 и 134.)

Немусульманское население, согласно закону, было обязано соблюдать следующие правила, которые применялись к любому человеку, без каких-либо исключений:² «Он (т.е., не мусульманин) не должен возводить церквей, монастырей или других религиозных сооружений, а также строить свои дома такой же высоты или выше, чем дома мусульман. Ему запрещается ездить верхом на лошадях, но только на мулах и ослах, но и на них он должен сидеть [в седле] так, как это делают женщины (по-дамски). Он должен отходить в сторону, уступая дорогу мусульманам на оживленных дорогах. Он обязан носить иную одежду (других цветов), чем одевают мусульмане, или же с определенным знаком отличия, чтобы его можно было отличить от них; ему надлежит иметь отличительный знак во время посещения публичных бань, а именно, железный, оловянный или медный жетон в виде S. Он обязан отказаться от вкушения вина и употребления в пищу свинины. Ему запрещено публично отмечать религиозные праздники, распевать или читать вслух тексты Ветхого и Нового Заветов; звонить в колокола; пренебрежительно отзываться о Боге и Мухаммеде; пытаться проводить реформы и нововведения в государстве; обращать [в свою веру] мусульман; заходить в мечети без разрешения; также ему запрещается ступать ногой на территорию Мекки или селиться в районе Хиджаза».³

¹ «В интересах истинных верующих, немусульманское население (или «димми», как их называли, из-за заключенного с ними договора о *защите*) было иногда поставлено в стеснительные условия, в целях обеспечения социального превосходства правоверных. Несколькими халифами были предприняты не увенчавшиеся дальнейшим успехом попытки исключить возможность занятия общественных постов людьми, не являющимися мусульманами. Указы подобного толка издавались Аль-Мугаваккилем (847-861 гг.), Аль-Муктадиром (903-932 гг.), и в Египте — Аль-Амиром (1101-1130 гг.), одним из халифов-Фатимидов, а также мамлюкскими султанами в четырнадцатом столетии». Выражение «стеснительные условия», разумеется, является эвфемизмом того, что христианам пришлось выстрадать за эти долгие столетия.

² См. «Закон, касающийся иностранцев в Египте, в результате произведенных уступок» Джеймса Харри Скотта. *The Law Affecting Foreigners in Egypt as a Result of the Capitulations*, by James Harry Scott (Edinburgh: William Green & Sons, 1908 год), стр. 157-158.

³ «Сирадж-эль-Мулюк», Издание Булак, *Siraj-el-Muluk*, Boulak Edition, 1289 год хиджры, стр. 229, глава «Правила относительно данников». Смотрите также Консульский отчет США за 1881 год, стр. 32, примечание. «В горах Ливана все еще живут люди, которые помнят те времена, когда ни один христианин не осмеливался войти в сирийский город, будучи облаченным в платье белого или

{82} В «Истории Римской империи» Гиббона (том v, стр. 493) эти правила описываются следующим образом: «Захваченные [сарацинами] церкви Востока во все века становились предметом алчности или фанатизма [мусульманских] правителей; и вводимые ими повседневные или правовые ограничения должны были неминуемо оскорблять гордость и рвение христиан. Примерно лет через двести после смерти Магомета они были отделены от своих соотечественников тюрбаном или поясом менее благородного цвета; вместо лошадей или мулов они вынуждены были ездить верхом на ослах, в положении, подобающем лишь женщинам. Все их общественные здания и личные дома должны были соответствовать специально уменьшенным стандартам; на улицах или в общественных банях они должны были уступать дорогу или сгибаться в поклоне перед людьми самого низкого происхождения;¹ их свидетельства отвергались, если они могли натолкнуться на предвзятость истинных верующих. Пышные процессии, звон колоколов и пение псалмов были запрещены христианам во время их богослужений; в их проповедях и разговорах они были обязаны выказывать глубокое уважение к государственной религии; кощунственные попытки войти в мечеть или обольстить мусульманина или мусульманку не могли пройти безнаказанными. В те спокойные времена, как бы то ни было, какими бы они ни казались несправедливыми, христиане никогда не принуждались отказаться от Евангелия или принять [вместо него] Коран; но тем, кто прилюдно исповедовал, а затем бросил закон Магомета, угрожала перспектива смертной казни».

Вот таковы были законы о веротерпимости, но подобного рода терпимость оборачивалась в высшей степени нетерпимостью в своем воздействии на тех, к

зеленого цвета, ибо «неверующим» было позволено носить только одеяния темных цветов. В Хомсе и Хаме местные христиане, вплоть до тысяча восемьсот девяносто четвертого года, когда я посетил те места, не могли звонить в колокола снаружи их церквей, но только внутри. В Бейруте первыми, кто решился вывесить большой колокол, оказались монахи-капуцины. Вскоре после них и миссионеры-американцы, в тысяча восемьсот тридцатом году, повесили небольшой колокол на крыше того дома, где они собирались на богослужения. В тысяча восемьсот семьдесят шестом году приор монахов-францисканцев установил большой колокол — вещь, дотоле в тех местах неслыханную! — в городе Алеппо, на колокольне новой церкви их ордена. Однако, из-за беспорядков, произошедших в Боснии и Герцеговине, и по причине последующего смятения, а также из-за явного недовольства местных мусульман, внушительная делегация проживавших в Алеппо и пользующихся там большим влиянием христиан упростила приора францисканцев снять этот металл, оскорбляющий чувства магометан. Присланные от народа депутаты предупредили приора, что звон этого колокола может навлечь на головы всех христиан их города настоящую резню, и францисканец счел благоразумным его убрать».

¹ Не потому ли так случилось, что они отвергали то, чему учит Своих последователей Христос? «Когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал бы тебе: уступи ему место; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место. Но когда зван будешь, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал: друг! пересядь выше; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою, **ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится**» (Евангелие от Луки 14:8-11). См. также притчу о фарисее и мытаре: от Луки 18:9-14. — *Прим. перев.*

кому следовало с этой самой терпимостью относиться.¹ Мы должны признать, что ранние мусульмане были более терпимы к другим религиям, чем их современники-христиане, и в истории христианский Европы есть множество страниц жестоких религиозных {83}гонений; но, говоря словами доктора Шедда: «Нельзя забывать о том, что то, что было безусловным прогрессом в седьмом столетии, в двадцатом веке превращается в непреодолимое препятствие. Активное преследование [инакомыслящих] уже по самой своей природе должно исчерпать себя и прекратиться, в то самое время как терпимости свойственно постоянство, терпимость вечна, и по этой причине гораздо более опасна. Сильный аргумент — это аргумент истинный, и ислам оказывается окончательно осужденным самым беспристрастным судом».²

Правила для христианских меньшинств, описанные в «Хедае», таковы: «Имаму надлежит делать отличия между мусульманами и “зимми” как в одежде, так и в средствах перевозки. Поэтому зимми не разрешается ездить верхом на лошадях, надевать доспехи, использовать те же седла и одеваться в те же одежды или головные уборы, что и мусульмане. Ведь в Джама “Сагир” написано, что зимми следует говорить, что они обязаны надевать “кистидж” прямо на свои одежды (“кистидж” — это шерстяной шнурок или пояс, которыми зимми обвязывались вокруг своей талии поверх прочего платья); и также им должно быть приказано, если они едут верхом на каком-нибудь животном, то седло на нем должно быть подобно таким, как корзины на осле... Следует отметить, что им вменялось в обязанность, в качестве знака отличия, обвязывать вокруг талии шерстяную веревку или шнурок, а не шелковый пояс. Жены зимми должны были отделяться от жен мусульман, как на общественных дорогах, так и в публичных банях; также было необходимо, чтобы жилища зимми были отмечены особыми знаками — для того, чтобы нищие, подходившие к их дверям, не стали бы за них молиться. Ученые мужи также считают, что зимми должно быть запрещено ездить верхом вообще, за исключением случаев крайней необходимости. И если в случае такой крайней необходимости зимми будет позволено передвигаться верхом, он обязан спешиться, лишь только завидит вдали собравшихся вместе мусульман. Если же у него возникнет необходимость использовать седло, то оно должно быть изготовлено на манер корзин, что вешаются с двух сторон на осла. Зимми какого

¹ Говоря о веротерпимости, следует учитывать, что борьба с язычеством составляет самую суть учения Мухаммеда. Ислам не может не подчеркивать свое отличие от «многобожников», и свое превосходство над ними — иначе он утратит свое основание — веру в Единственного Бога. Кем бы ни называли себя представители восточной ветви христианства, их религиозные обычаи и повседневные привычки выдавали в них самых откровенных язычников. Очевидно, что для мусульман они и виделись «многобожниками», не желающими признавать Единого Бога и поклоняющимися множеству разных «святых», изображениями которых были переполнены и дома христиан, и их церкви. Веротерпимость не может служить основанием для оправдания терпимости ко греху, и долг христиан — обличать пороки, разъедающие человеческое общество. Разумеется, при этом христиане обязаны контролировать свой «праведный гнев» по отношению к грешникам, и не вывешивать на площадях своих городов живых людей в железных клетках, пока их птицы не склюют. — *Прим. перев.*

² Уильям Эмброуз Шедд «Ислам и Церкви Востока» (Нью-Йорк, 1908), *Islam and the Oriental Churches*, by William Ambrose Shedd, стр. 136-137.

бы то ни было высокого ранга также воспрещается носить богато убранные одежды».¹

{84} А вот и современный пример веротерпимости. В то время, когда доктор Ст. Клэр Тисдалл находился в Персии, остановившись неподалеку от Исфахана, он познакомился с одним из мусульман, живших в соседнем селении. Вот что этот перс рассказал знаменитому миссионеру: «Когда я был маленьким мальчиком, лет примерно пятьдесят тому назад, мои родители и я, да и все жители нашей деревни, придерживались зороастризма. Мы были огнепоклонниками. Но однажды главный муджтахид² города Исфахана издал указ, повелевавший всем нам принять ислам. Мы написали петицию вице-губернатору нашей провинции, отказываясь принять ислам, и предложили взятки верхушке мусульманской знати и местной уleme. Деньги наши они взяли, но на деле не оказали нам никакой помощи. Муджтахид дал нам время на обращение в ислам до полудня следующей пятницы, заявив, что мы все будем преданы смерти, если к этому времени — самое позднее! — мы не станем мусульманами. Помню, как в то утро все самые подлые низкие из городских головорезов окружили наше селение. Каждый из них был вооружен каким-нибудь смертоносным оружием. Этот сброд с нетерпением ожидал наступления назначенного муджтахидом часа, когда им будет позволено приступить к своей кровавой работе: грабежам и убийствам. Мы тщетно прождали почти до полудня, надеясь, что наш неприятель смилостивится. Увы, этого не случилось, и нам всем пришлось принять ислам. Вот таким образом все мы сумели сохранить свои жизни».³

Так называемые «постановления Омара», или «Конституционные права» для немусульманских меньшинств, как привычно убеждают нас магометане, традиционно включались во все договоры, которые заключались с городами, покоренными арабскими завоевателями: дескать, они становились «Заветом» для местных христиан, и те с ним во всем соглашались. Но ни один из ранних магометанских историков не упоминает об этом «Завете», и сэр Уильям Мьюир резонно сомневается в его аутентичности, считая, что содержащиеся в нем деспотические условия свойственны более поздним временам, чем правлению веротерпимого Омара. Вот, мы читаем один из таких договоров:

¹ В «Хедаёе», книге ix, главе viii, мы читаем «“Зимми” (с “з” немежзубным) стоит здесь вместо “зимми” с другим первым звуком, “з” межзубным, то есть, обозначает тех не-мусульмане, которым позволено жить в мусульманском государстве с условием оплаты дани».

² Муджтахид (перс. муджтехид, тур. мюджтехид) — ученый-богослов, имеющий право выносить самостоятельные решения по важным вопросам фикха. В шиитском (имамитском) исламе муджтахид — высший духовный авторитет, призванный на время «сокрытия» имама вести общину «верным путем». — *Прим. перев.*

³ «Мизан Аль-Хакк» («Равновесие истины», или «На весах истины») позднего преподобного К. Г. Пфандера, доктора богословия, стр. 366. Исправленное издание Тисдалла. *The Mizanu'l Haqq* (Balance of Truth), by the late Rev. C. G. Pfander, D.D., стр. 366. Улучшенное издание в редакции Тисдалла.

«Во имя Бога, Милостивого, Милосердного! Это обращение христиан таких-то из такого-то города к Омару ибн Аль-Хаттабу. Когда вы выступили в поход против нас, мы решились просить вас о защите: о покровительстве для нас, наших семей, нашей собственности и наших братьев по вере. И мы заключаем с вами сей договор, по которому мы обязуемся не возводить в наших городах и пригородах никаких новых монастырей, церквей, [монашеских] обителей или [отшельнических] скитов; мы обязуемся не восстанавливать ни одно из таковых строений, в случае их обрушения, или реставрировать те из них, что располагаются в мусульманских кварталах города. Мы обязуемся не {85} препятствовать мусульманам заходить в наши церкви, в любое время дня и ночи. Мы должны широко открывать ворота всем конным и пешим путникам. Мы обязаны пускать любого мусульманского путника к себе домой и давать ему пищу и приют на три дня. Нам запрещено укрывать шпионов в своих домах или в церквях, или скрывать любого из врагов мусульман. Мы не должны учить наших детей Корану;¹ мы обязуемся не пропагандировать христианскую религию и не предлагать никому принять христианство. Мы обязуемся не препятствовать никому из наших родных в принятии ислама, если они того пожелают. Мы обязаны оказывать почести мусульманам и вставать в наших собраниях, если они пожелают занять наши места; мы не должны подражать им в нашей одежде, равно как и в головных уборах, тюрбанах, сандалиях или прическах. Мы не должны использовать их выражения в речи или перенимать их прозвания.² Мы обязуемся никогда не использовать седла во время верховой езды и не носить за поясом мечей. Мы не должны брать в руки оружие и носить его; нам не разрешено гравировать на своих кольцах арабские надписи; нам запрещено продавать вино. Мы обязаны сбривать волосы с передней части нашей головы;³ мы должны сохранять свой собственный стиль одежды, где бы мы ни находились; мы должны обвязывать пояса вокруг наших талий. Мы не должны размещать знак креста на наших церквях, нам запрещено показывать кресты или свои священные книги мусульманам на улицах или на рыночных площадях. Нам не следует брать никаких рабов, которые уже находятся в собственности мусульман, ни шпионить в их домах; и нам запрещено поднимать руку на любого из мусульман. Все это мы обязуемся исполнять ради себя и ради наших братьев по вере. В обмен на это мы получаем от вас защиту и покровительство; **если же мы нарушим любое из условий этого договора, то мы лишимся вашей защиты и**

¹ Считалось преступлением для любого человека брать в руки, читать или изучать Коран до того, как он станет мусульманином. Это правило до сих пор широко распространено в Аравии и других странах, население которых целиком состоит из мусульман.

² То есть, ту часть имени, которая призвана свидетельствовать о принадлежности к какому-либо роду. — *Прим. перев.*

³ То есть, не носить ни бород, ни усов. — *Прим. перев.*

покровительства, и вы будете вправе обращаться с нами, как со своими врагами или мятежниками».¹

{86} Об истинном положении, в котором находились христиане мира ислама на протяжении многих столетий, можно судить по тому боковому свету «фетв»² или постановлений религиозного характера, которые выносились относительно назначений немусульман на занятие любого поста в мусульманском государстве. И подобного рода практика действует до сих пор. К таким немусульманам всегда относились как к «зимми», то есть, тем, чьи права защищались при условии выплаты специальной подати. Тексты подобных документов, показывающих взаимоотношения между теми людьми, кто считался магометанами, и немусульманскими меньшинствами, приводятся Гольдцихером,³ а также Белином.⁴ Относительно не такая старая по своей дате фетва была обнаружена не очень давно Рихардом Готтхайлем в одной из библиотек Иерусалима. Сам манускрипт, возможно, относится к двенадцатому столетию. На вопрос могут ли быть христиане или иудеи назначены на должности писцов, сборщиков налогов и т. п., в этой фетве дается следующий ответ: «Поставить безбожника на пост, дающий ему власть над мусульманином, никогда не придет в голову ни одному человеку, находящемуся в здравом уме. Тот, кому может прийти такое в голову, либо сам неверующий, либо ничего не смыслит в мусульманском законе и практике». Автор этого документа пытается доказать, что «зимми» нельзя даже использовать в качестве писца, мясника или мясника и т. п., подкрепляя свою точку зрения цитатами из Корана и преданий, приводя мнение «соратников» [Пророка] и «последователей», наряду с мнениями ученых мужей прежних

¹ «Конституция Омара». По книге Арнольда «Проповедь исламу». The Constitution of 'Omar. From Arnold's *Preaching of Islam*, стр. 59. Сравните также с «Книгой о религии и империи» Али Табари (847-861 гг. от р. Х.) в переводе А. Минганы (Манчестерский университет, 1923 г.): *The Book of Religion and Empire*, by Ali Tabari, translated by A. Mingana. Эта книга написана отступником их христианства во времена, когда на смену религиозной терпимости в исламе пришли гонения. То было при дворе халифа, называвшего себя «Ненавидящим христиан». Сам автор, возможно, перешел в ислам лишь для того, чтобы получить облегчение от тяжелых ограничений, введенных его покровителем, который «запретил нанимать христиан на государственную службу и выносить [на улицу] кресты в вербное воскресенье. Также он повелел, чтобы деревянные фигурки, изображавшие бесов или демонов, были прибиты к дверям дома каждого христианина. Еще христиане были обязаны носить желтые одеяния с капюшонами, и обвязывать [желтые же] пояса вокруг своих талий. Также им надлежало пользоваться седлами с деревянными стремянами и двумя шарами позади седла. На мужскую одежду христиане должны были нашивать по две заплатки цвета, отличного от расцветки самого платья, и каждая заплатка должна быть в четыре дюйма шириной. Причем, обе эти нашивки тоже должны различаться друг от друга цветами».

² «Фетва» (с турецкого) или «фатва» — правовое заключение, выносимое исламскими богословами. Оно делается для разъяснения и практического применения какого-либо предписания шариата или истолкования какого-либо вопроса с позиций шариата. — *Прим. перев.*

³ *Revue des Etudes Juives*, том xxviii, стр. 75.

⁴ *Journal Asiatique*, 1851 год, стр. 431.

поколений. В документе цитируются следующие стихи из Корана: Сура iv. стихи 143, 140 и Сура v. стихи 56, 62. Из хадисов приводится история, рассказывающая о том, как Мухаммед отказывал в помощи неверующему до тех пор, пока тот не обратился в новую веру и не признал ее на словах. Далее цитируется следующий хадис: «Не берите себе огня (для света) от костра идолопоклонников», с обычным комментарием: «Не советуйтесь с ними ни по какому вопросу», и автор подкрепляет эти слова выдержкой из Корана, Сура iii, аят 114. Также приводится история об Абу Бакре, когда тот запретил своим последователям иметь какое-либо дело с идолопоклонниками, которые сначала стали мусульманами, но потом опять вернулись к более привычному для них служению идолам.¹

Истории коптской церкви в Египте и Несторианской церкви в Персии изобилуют красноречивыми свидетельствами о мученическом характере, свойственном представителям этих религиозных движений.² В Персии женщины-христианки получали по тысяче ударов плетью, сделанной из бычьей шкуры, {87} что должно было заставить их отречься от своей веры. Однако они сохраняли ей верность. В Египте при мусульманском господстве коптов, в принципе, терпели, но на самом деле магометанская терпимость оборачивалась одним длинным списком жестоких преследований. Как говорит Фортеस्कью: «В течение этого периода появилось огромное количество отступников [из христианства]. И это не удивительно. Ведь во время повальной резни христиан было так просто избежать пыток и спасти свою жизнь, обратившись в исламскую веру! Кроме того, вернуться назад [к своей прежней религии] означало смерть. Удивительно вообще, что хоть кто-то из числа коптов умудрился сохранить свою веру в течение этих страшных столетий».³ На протяжении всего периода мусульманского господства, с небольшими передышками во время царствования некоторых правителей, на египетской земле не прекращались случаи убийства христиан и массовых грабежей имущества коптов. За время всего исламского периода огромное количество [коптов] обратилось в магометанскую веру, чтобы не быть зарезанным; а поскольку обратное возвращение в христианство означало обречение себя на верную смерть, лишь очень немногие осмеливались сделать это. Поэтому численность коптов[христиан] неустанно уменьшалась».⁴

¹ *Festschrift Ignaz Goldziher*, von Carl Bezold (Страсбург, 1911 г.), стр. 206 и 207.

² Необходимо учитывать, что верования египетских коптов и иранских несторианцев лишь весьма отдаленно напоминают взгляды, распространенные в современных христианских церквях. Если говорить о несторианском учении, то представители восточно-католической («православной») церкви почитали это учение за «ересь». Впрочем, некоторые западные деноминации евангелического толка, равно как и отдельные христианские богословы, сегодня причисляют средневековых несторианцев к христианам. — *Прим. перев.*

³ Адриан Фортеस्कью, «Меньшие братья — Церкви Востока». *The Lesser Eastern Churches*, by Adrian Fortescue, стр. 94.

⁴ Какие условия сохранялись [в Египте] вплоть до девятнадцатого столетия, ясно показывает Кюриакос («Церковник») Михаил в своей книге «Копты и мусульмане под британским контролем». Kuriakos Mikhail, *Copts and Moslems under British Control* (Лондон, 1911 год).

«В одна тысяча триста восемьдесят девятом году огромная процессия коптов, под страхом смерти принявших ислам, проследовала по улицам Каира. Раскаиваясь в своем отступничестве [из христианства], они хотели бы теперь искупить свою вину, принимая при этом неизбежную плату за возвращение в лоно христианства. Вот так, широко шагая по городским улицам, эти люди открыто заявляли, что веруют во Христа и отрекаются от Мухаммеда. Всех их схватили, после чего все мужчины, один за другим, были обезглавлены на открытом месте на глазах у женщин. Но зрелище их казни не устало женщин; так что они тоже все до единой приняли мученическую смерть».¹

История мученичества Херонимо, пострадавшем от рук Паши-Али, ренегата из христиан, бежавшего из Калабрии, заслуживает особого внимания. Ну, хотя бы уже потому, что она является примером старых алжирских методов обращения с вероотступниками. Достойна она внимания еще и из-за своих драматических последствий.

Эта история началась примерно в одна тысяча пятьсот тридцать шестом году от рождества Христова. Среди множества пленников, приведенных в Оран испанцами после удачного набега на племена беспокойных арабских кочевников, оказался один мальчонка. Было ему около четырех лет от роду. Вместе с остальными пленниками он был выставлен на продажу на невольничьем рынке. Мальчика купил главный викарий города Хуан Каро и воспитал его христианином, окрестив именем «Херонимо» (Иероним). Во время {88} вспышки чумы в одна тысяча пятьсот сорок втором году от рождества Христова Херонимо удалось бежать. Он вернулся домой, где несколько лет жил как магометанин. В мае одна тысяча пятьсот пятьдесят девятого года от рождества Христова в возрасте двадцати пяти лет Херонимо решил оставить свой дом и вернуться в Оран, где он повторно принял христианство. Он был вновь принят своим прежним владельцем, Хуаном Каро, и взял себе в жены арабскую девушку, которая тоже считалась христианкой. Впоследствии Херонимо был зачислен в один из [кавалерийских] эскадронов под названием «Куадрильяс де Кампо».

В мае одна тысяча пятьсот шестьдесят девятого года он был послан из Орана вместе с девятью товарищами, чтобы напасть на прибрежное арабское селение Дуар. Во время этого набега Херонимо оказался захвачен в плен [пиратами] с пары бригантин из Тетуана, и доставлен в Алжир, чтобы еще раз быть проданным в качестве раба. Когда группу рабов привели к местному паше, тот воспользовался своим правом и отобрал по одному человеку из десяти для себя лично. Вот таким образом наш Херонимо попал в руки Паше-Али. Было предпринято множество попыток, чтобы заставить молодого человека в очередной раз отречься от христианства и вернуться в ислам, но все усилия мусульман оказались тщетными. Сам Паша-Али был занят в то время постройкою форта с названием «Бурдж-Сетти-Такелильт» (переименованного впоследствии по

¹ Адриан Фортескую, «Меньшие братья — Церкви Востока». *The Lesser Eastern Churches*, by Adrian Fortescue, стр. 247.

непонятным причинам в «Le Fort des Vingt-Quatre Heures»¹), чтобы защитить «водные ворота» Алжира: «Баб-эль-Уэд». Восемнадцатого сентября одна тысяча шестьсот пятьдесят девятого года Паша-Али повелел привести к нему Херонимо, и предложил ему на выбор: или он тут же отречется от христианства, или будет заживо погребен в одном из огромных ящиков, в которые заливался цемент для получения блоков для строительства форта.

Однако убеждения Херонимо было не так-то легко поколебать. Вот, с ног страдальца сбивают кандалы, вот вяжут его по рукам и ногам, и, наконец, бросают в огромную форму с цементом. Ренегат-испанец из христианства, ранее известный по прозвищу «Таманго», сделавшийся мусульманином под именем «Джаффар», вскочил сверху на Херонимо и тяжелым деревянным молотом вбил тело несчастного в цемент. Затем этот блок был использован при постройке северной стены форта, однако его точное местоположение было отмечено и запомнено «Михаилом Наваррским», христианином — старшим каменщиком, который отвечал за бетонную заливку. Все эти факты были собраны Доном Диего де Аедо, и впоследствии изданы в его «Топографии Алжира».

В одна тысяча восемьсот пятьдесят третьем году французы посчитали необходимым снести злосчастный алжирский форт. Когда в половине первого дня двадцать седьмого декабря того года взрывом был расколот пласт одного из цементных блоков, глазам французских инженеров предстали кости Херонимо, которые пролежали в такой необычной могиле почти три сотни лет. Первоначально блок {89} с мощами был помещен в кафедральный собор Алжира,

¹ Что по-французски означает «Форт двадцати четырех часов». Арабское же название, насколько можно понять, значило «Башня шести защитников». — *Прим. перев.*

НАДПИСЬ, ВЫБИТАЯ НА ГРОБНИЦЕ ХЕРОНИМО в соборе Алжира.

но поскольку останки упрямо отказывались творить «чудеса», титул святого Херонимо так и не был присвоен. «*Ossa venerabilis servi Dei Geronimi*», — так начинается эпитафия Херонимо. Мученику пришлось остаться просто «рабом Божиим».

На гипсовом слепке, сделанном по пустоте в бетонном блоке, нам хорошо видно, что, покуда руки Херонимо оставались связанными, он, находясь в ужасной агонии от удушья, сумел ногами разорвать свои путы.¹ (Смотрите титульный лист).

Существует немало и других трагедий, запечатленных в камне, по всему Ближнему Востоку: многие церкви были переделаны в мечети, и дорогие мозаики, на которых некогда были запечатлены евангельские истории, теперь замазаны штукатуркою и покрыты сверху магометанскими надписями. Все эти руины — красноречивые, пускай и безмолвные свидетели того, что столетия гонений значили для христианских меньшинств. Возьмем, к примеру, кафедральный собор Фамагусты, города, который некогда представлял собою настоящий ключ к воротам венецианского государства. Фамагуста является одним из красивейших городов, расположенных на Кипре. Когда в одна тысяча пятьсот семьдесят первом году от рождества Христова турки осадили этот город, Браггадино, отважный военачальник-христианин, решил сопротивляться до последнего.² В конце концов, он сдался турецкому командующему Мустафе-паше на почетных условиях. Однако турок обманул его доверие, и горстка уцелевших соратников Браггадино, сдавшихся в плен, была безжалостно вырезана.

«Согласно историкам того времени, Маркантонио Браггадино был вынужден смотреть, как убивают его командиров, “и множество раз испытывать муки смерти, прежде чем и он сам был лишен жизни”. Ибо дважды или трижды Мустафа заставлял Браггадино, который не выказывал при этом ни капли страха, вытягивать свою шею, делая вид, будто собирается отрубить ему голову. Однако паша всякий раз сохранял ему

¹ См. «Исследования в Северной Африке» Сирила Флетчера Гранта. Cyril Fletcher Grant's *Studies in North Africa* (Лондон, 1912 год) стр. 239-240. Также: А. Барбрюже, «Жеронимо, мученик “Форта двадцати четырех часов” в Алжире». A. Berbrugger's *Geronimo, le Martyr du Fort des Vingt-Quatre Heures a Alger* (Алжир, 1859 год).

² Интересно, как соотносится эпитет «отважный военачальник-христианин» с определением апостола Павла: «Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем. Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: *ими* ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу, и готовы наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится» (2 Послание Коринфянам 10:3-6). Слово «*ими*» подставлено намеренно, дабы навести тень на плетень и хоть как-то исказить смысл слов апостола, который перечисляет «оружия» христианина: «ниспровергаем замыслы, пленяем помышления в послушание Христу...» Наверное, правильнее считать Браггадино «христианским военачальником», или «военачальником христианского государства», но никак не военачальником-христианином. — *Прим. перев.*

жизнь, а отсекал лишь ухо или нос. И пока Брагдаино лежал на земле, Мустафа оскорблял его, понося нашего Господа, говоря: “Где же теперь твой Христос, что же Он не поможет тебе?” Но [христианский] полководец ни разу ему не ответил, и лишь с величественным терпением ожидал своего конца.

Двенадцать дней спустя, в пятницу, Брагдаино, страдая от многочисленных ран, к которым ни разу не прикоснулась рука целителя, был приведен к Мустафе-паше на батарею, выстроенную напротив города. Несмотря на всю свою слабость, несчастный пленник был вынужден относить к каждому из оружейных редутов по одной полной корзине земли вверх и по другой полной корзине земли вниз. Помимо этого его заставляли целовать {90} землю каждый раз, когда он проходил мимо Мустафы. Затем его свели вниз на берег, посадили на веревочное сидение и подвесили венец у его ног, после чего подтянули на рей флагманского корабля с острова Родос, подвесив как аиста, на виду у всех находившихся в порту воинов-христиан. Затем этого благородного человека вывели на площадь под бой барабанов и рев труб. Перед огромной толпой собравшихся зевак его раздели догола и посадили на железную решетку на посмешище, чтобы каждый мог надругаться над ним. Затем они растянули его на земле и стали живо сдирать с него кожу. С невероятным мужеством этот удивительный человек выносил все свои мучения... С величайшей стойкостью... нисколько не падая духом, но с суровой непреклонностью укорял он их [своих мучителей] за то, что те не сдержали своего слова. Без тени сомнений он препоручил себя своему Спасителю, а когда холодная сталь пронзила его живот, он отдал свою... душу своему Создателю.

Кожа мученика, набитая соломой, была привязана на корову и провезена по улицам города, в то время как красный зонт, под которым еще живой Брагдаино выезжал из города, держа в руках ключи от него, держали над его чучелом в насмешку. В конце концов, набитая соломой кожа была отправлена в Константинополь как трофей. На пути туда эта ужасная вещь была подвешена на корабельном рее, и так ее провезли вдоль всего турецкого побережья в качестве посмешища».¹

Как бы то ни было, под властью оттоманских турков (1517-1882 гг.), положение христианских общин в какой-то степени улучшилось. Можно даже сказать, что они процветали: насколько только могут процветать христиане под мусульманским господством. Однако то, что Оттоманская империя была одним из государств, руководство в которых осуществлялось с помощью меча, очевидно, не только тем, кто изучает историю иудейских и христианских меньшинств в этой стране; но это следует и из сделанных на принадлежавших султанам клинках надписей, датированных тем периодом. В «Арабском музее» Каира хранится множество экземпляров поистине великолепных мечей. На одном из них (экспонат за номером 3595), датированном шестнадцатым столетием, после почетного титула выгравирована следующая надпись: «Абу Наср Туоман Бей,

¹ См. статью «Трагедия в камне» в печатном издании «Ближний Восток» от 11 октября 1923 г. “A Tragedy in Stone,” in *The Near East*.

Отец всем бедным и мусульманам; Погибель всем неверующим и многобожникам; Восстановитель справедливости по всему миру!» Другой меч, датированный уже восемнадцатым столетием и принадлежащий турецкой династии, имеет гравировку с подобным же упоминанием о предназначении этого клинка специально против неверующих. На территории всего мусульманского мира, {91} за исключением лишь таких стран, как Китай, где ислам никогда не насаждался при помощи оружия, в руках у каждого из проповедников во время пятничной службы в мечети находится деревянный меч. Эта эмблема весьма характерна для ислама. Это — видимый символ того закона для неверных и отступников, который никогда не был отменен на протяжении всей истории существования магометанских государств, за исключением разве что Индии при правлении Акбара.

Современные образованные мусульмане нередко пытаются нас убедить, что во все упомянутые нами столетия отношение к христианам и иудеям в Турции было вполне терпимым, и что представители этих религиозных меньшинств могли спокойно жить рядом со своими соседями-мусульманами. Но даже обращение с умершими христианами доказывает обратное. Вот, например, рассказ, который содержит себе отрывки из нескольких исторических документов. Он взят нами из авторитетного источника:

«Во времена, которые турки, вне всякого сомнения, почитают более счастливыми, то есть, столетие назад, немусульманские подданные султана испытывали не слишком много почтения со стороны правоверных на протяжении своих жизней; и когда немусульмане к несчастью — или счастью! — покидали этот бранный мир, мусульманское презрение продолжало их преследовать. Когда один из таких людей умирал, требовалось получить специальное разрешение для того, чтобы похоронить его в турецкой земле; и таковое должно было быть получено церковью или главою той религии, к которой он принадлежал. Можно подумать, что такое разрешение выдавалось просто, в соответствии с условиями, и безо всяких обид, на деле же представители падишаха, кажется, прилагали все усилия, чтобы обойтись с просителями грубо, насколько только возможно. Ниже мы приводим примеры подобных разрешений: это перевод с турецкого трех подлинных документов, полученных от властей, санкционировавших погребение православного христианина, армянина и иудея соответственно. Эти документы были найдены одним из наших корреспондентов среди сохранившихся реликвий одного старинного константинопольского рода. В их тексте содержатся выражения в высшей степени оскорбительные; но мы решили воспроизвести их здесь нарочно, дабы наши читатели смогли более верно оценить тот дух, что питал в те времена “гордых османли”. И, несомненно, этот самый дух во многом способствовал развитию чувства ненависти к туркам сегодня со стороны тех народов, что являлись некогда подданными Османской империи.

Следует заметить, что на разрешении властей, выданном армянскому священнику, отсутствует дата. Однако наш корреспондент сообщает, что скорей всего этот документ был {92} написан в то же самое время, что и два других, то есть между одна тысяча двести двадцать третьим и одна тысяча

двести тридцать девятым годами по турецкому календарю (то есть, 1808-1824 гг. от р. Х.).

Вот перевод этих трех документов:

“Греческому священнику: — О ты, чей плащ черный, как сам дьявол, а одежда черна, под цвет дегтя, отвратительный монах, жирный, грязный и хитрый поп, который лишен благодати Святого Иисуса Христа, прими себе к сведению:

Дается разрешение на то, чтоб выкопать могилу и бросить туда омерзительную гниющую плоть (от которой сжимается сама земля!) неверного Константина, который принадлежал к твоей расе и только что умер. Дано двадцать первого хабана одна тысяча двести двадцать третьего года”.

“Армянскому священнику: — Ты, носящий венец дьявола, покрытый одеянием под цвет дегтя, жирный, лживый и грязный поп, лишенный Божьего прощения, вот предмет нашего настоящего послания:

Тот неверный, Киркор, который принадлежал к отвратительному стаду, что составляет твою нечистую расу, только что скончался. Воистину земля не желает принять эту свинскую тушу! но чтобы не дать распространиться ее зловонию на мусульманские кварталы, я повелеваю тебе немедленно вырыть могилу, бросить в нее тело, и, не останавливаясь, забросать его землею, которой ты обязан немедленно покрыть эту богохульную свинскую нору”.

“Иудеям: — О ты, раввин, принадлежащий к нации изменников, которая отрицает пришествие Иисуса Христа, и не признает Святого Моисея, прими к сведению:

Один из членов обременяющего всех стада твоей общины, находящейся в Салониках, только что отдал свою душу безжалостному дьяволу, и, таким образом, был ввергнут в пламень ада.

Почтенный Шери повелевает тебе, предатель раввин, найти где-нибудь отхожее место, куда ты можешь сбросить его смердящий труп. Пятнадцатого реджеба одна тысяча двести тридцать девятого года”¹.

Вот каковым оказывалось отношение к религиозным меньшинствам, к их мертвым или живым представителям, со стороны исламских властей еще в начале девятнадцатого столетия!

Насколько преследования, депортации и резня армян соответствуют духу «джихада», разумеется, вопрос спорный.² Однако любой человек, который получит возможность ознакомиться с официальными документами, свидетельствующими о положении армян в Османской империи, не сможет не

¹ «Письма из Турции», в печатном издании «Ближний Восток» от 24 ноября 1921 г. "Correspondence from Turkey," in *The Near East*, Nov. 24th, 1921 г.

² Эта тема пока что еще не затрагивалась многими из тех, кто изучает историю ислама. См. Schulthess, *Die Machtmittel des Islams* (Цюрих, 1923 год).

прийти к такому же заключению, к которому приходит виконт Брайс в предисловии к своей {93} «Синей книге» на эту тему: «Огромный размах этих убийств и безжалостная жестокость, с которой была произведена депортация, может заставить некоторых читателей усомниться в самой достоверности повествования. Да возможно ли, чтобы ли человеческие существа (могут нас спросить) совершали подобные деяния против невинных женщин и детей?! Но если мы вспомним о случавшейся и прежде резне, о прежних убийствах, то непременно обнаружим, что подобные преступления являются не чем иным, как частью прочно укоренившейся и время от времени повторявшейся политики турецких правителей. На острове Хиос примерно столетие назад турки перебили почти все греческое население острова. В европейской части Турции в одна тысяча восемьсот семьдесят шестом году тысячи и тысячи болгар были преданы смерти по подозрению в подготовке восстания, при этом надругательства, коим оказались подвергнуты женщины, случались хоть и в меньшем масштабе, но были не менее ужасны, чем те, что описываются здесь. В одна тысяча восемьсот девяносто пятом и девяносто шестом годах более чем сто тысяч армянских христиан были преданы смерти Абд Аль-Хамидом, многие тысячи из которых умерли мучениками за христианскую веру, отречение от которой могло бы спасти им жизни. Все эти случаи совершенной резни нашли свое отражение не только в обычных изданиях, повествующих о текущей истории, но и в рапортах британских дипломатов и консульских служащих, написанных в соответствующее время. Все эти случаи столь же достоверны, как и любые события, происходящее в наши дни. Таким образом, в приведенных здесь описаниях нет никаких невероятных неправдоподобностей, которые нельзя было бы принять на веру. Все, что произошло в одна тысяча девятьсот пятнадцатом году, является следствием обычного курса турецкой политики. Единственная разница видится нам в масштабе сегодняшних преступлений, и в том, что затянувшиеся муки депортаций, в которых случаи смерти оказываются столь же многочисленны, как и при совершении массовых убийств, с особо суровостью падают на женщин. Это следует особо отметить в примере с армянскими христианами. Записи о турецких правителях за последние два или три столетия, начиная с того султана, подножие трона которого простиралось до района Мугассариф, в целом разворачивают перед нашими глазами картину практически непрекращающейся коррупции, несправедливостей и притеснений, нередко доходящих до ужасающих жестокостей. Младотурки, свергнувшие Абд Аль-Хамида, сделали большой шаг вперед, подобно провозвестникам свободы, пообещав равные права всем подданным Оттоманской империи. Но факты, здесь записанные, показывают, до какой степени эти обещания были сдержаны. Может ли кто-либо еще надеяться, что злые деяния подобного правительства поправимы? Неужели свидетельства, содержащиеся в этом томе, подкрепленные самыми ужасными и неопровержимыми доказательствами, не убеждают нас в том, что нельзя более позволять этому правительству {94} править подданными, придерживающимися иного вероисповедания?!»¹

¹ «Обращение с армянами в Оттоманской империи», 1915-1916 гг. Документы были предоставлены виконту Грею Фаллоденскому виконтом Брайсом.

Повторявшиеся резни христиан являются позором девятнадцатого столетия не в меньшей степени, чем двадцатого. Каждая четверть девятнадцатого века оказалась отмечена очередной постыдной бойней. В одна тысяча восемьсот двадцать втором году пятьдесят тысяч беззащитных христиан, подданных Турции, были убиты на острове Хиос. В одна тысяча восемьсот пятидесятом году десять тысяч несторианцев были зарезаны в горах Курдистана. В одна тысяча восемьсот шестидесятом году одиннадцать тысяч маронитов и сирийцев были убиты в Ливане и Дамаске. В одна тысяча восемьсот семьдесят шестом году в последовавших тогда зверствах по отношению к болгарскому населению, по оценкам американского генерального консула, от рук турков погибли, по меньшей мере, пятнадцать тысяч болгар. В одна тысяча восемьсот девяносто втором году последовала бойня йезидов в Мосуле; также были и другие массовые убийства армян и греков-критян — в одна тысяча восемьсот шестьдесят седьмом и семьдесят седьмом годах. В одна тысяча восемьсот девяносто четвертом году в Турции вновь случился всплеск фанатизма и нетерпимости. Первый удар пришелся на Сассун, где были убиты десять тысяч армян. В следующем, девяносто пятом, году произошло еще одиннадцать случаев массовых убийств, и трагедия Сассуна повторилась повсеместно.

«В Биреджике солдаты обнаружили около двадцати человек, прятавшихся в пещере, среди которых были женщины и дети. Солдаты вытащили их оттуда и перебили всех мужчин и мальчиков, поскольку те не пожелали стать мусульманами. После того как они изрезали кинжалами одного почтенных лет старика, также отказавшегося принять ислам, мучители положили на его тело тлеющие угли, и в то время, когда он корчился от этой пытки, они держали перед его глазами Библию, издевательски прося почитать им что-нибудь из обещаний, в которые он верил».

Британская «Синяя Книга» (1896 г.) — это повествование о сплошных ужасах; это одна мрачная история о насилиях, грабежах и убийствах. Тому, кто с недоверием относится к идее о том, что ислам когда-либо насаждался с помощью меча, достаточно изучить историю массовых убийств армян, чтобы увидеть, что до сих пор живы и действуют как дух нетерпимости и ненависти к неверующим, так и сам закон ислама. Именно они побуждают мусульман всячески унижать христиан и сталкивать их на более низкие ступени в обществе.

Отвечая тем, кто, несмотря на все свидетельства, продолжает утверждать, что последняя резня армян носила чисто политический характер и не была вызвана религиозной ненавистью, предлагаем послушать, что говорит доктор Йоханнес Лепсиус в своем отчете о массовых убийствах 1914-1918 годов.¹

¹ Цитируется по книге «Армения: народ-мученик», *Armenia: A Martyr Nation*, стр. 269. Сравните с оригинальной работой доктора Йоханнеса Лепсиуса, Dr. Johannes Lepsius, *Deutschland und Armenien, 1914-1918. Sammlung diplomatischer aktenstücke*. (Потсдам, 1919 год), стр. 269. В этом фундаментальном исследовании, занимающем свыше пятсот сорока страниц, основанном на официальных документах, приводится множество примеров обращения в ислам при помощи силы и

{95} «Но что же тогда такое эти массовые убийства армян? Несомненно, первопричина их была политической; или, выражаясь более точно, эти убийства были административною мерою. Но факты, которые призваны доказать это, принимая во внимание характер магометанского народа, чьи самые политические пристрастия основываются чисто на религиозных мотивах, показывают, что эта **административная** мера должна была быть и была формой **религиозных** гонений громадного масштаба. Не было ли нам тогда просто запрещено говорить об армянах, как о “преследуемых на почве их религиозной принадлежности”? Если так, тогда надо признать, что в мире никогда не было преследований на религиозной почве; ибо все они без исключений были связаны с какими-то политическими моментами, и даже смерть Христа была ничем иным, как политическим событием, ибо именно **политические** мотивы толкнули чашу весов в сторону Его обвинения.

Перед нашими глазами списки из пятисот пятидесяти девяти селений, выжившие жители которых были обращены в ислам огнем и мечом; пятисот шестидесяти восьми церквей до основания разоренных, разрушенных и стертых с лица земли; двухсот восьмидесяти двух христианских церквей, переделанных в мечети; двадцати одного протестантского проповедника и ста семидесяти грегорианских (армянских) священнослужителей, которые, претерпев невыносимые пытки, были преданы смерти из-за своего отказа принять ислам. Мы повторяем, однако, что эти цифры свидетельствуют лишь об определенной степени нашей информированности, а не отражают в полном объеме всю полноту реальности. Так являются ли [массовые убийства армян] **религиозными** преследованиями или нет?..»

Все учение о «джихаде», или религиозной войне ислама, свидетельствует о духе нетерпимости, который, хотя это и отрицается современными мусульманскими авторами, представляет собой самую суть ислама. Среди современных апологетов ислама бытует мнение, что «джихад» — это война в защиту ислама. То, что это не соответствует истине, было решительнейшим образом доказано. Профессор Д. Б. Макдональд говорит, что весь ислам должен быть полностью переделан, прежде чем эта доктрина сможет быть отринута. (Смотрите статью «Джихад» в «Энциклопедии ислама»). Часто цитируемый для поддержания идеи о веротерпимости ислама стих, «Нет принуждения в религии», опровергается предшествующим ему «стихом меча».¹ Первый стих, «стих меча»,

применения на практике принципов, которые во многом обуславливают существование закона об отступничестве. В том числе см. стр. 35-37, 387 и т.д., и т.д.

¹ Сура ii 257, с английского перевода Шакира: «**Нет принуждения в религии**; истинно прямой путь стал ясно отличен от заблуждения; а потому, кто разуверится в шайтане и поверит в Аллаха, тот подлинно ухватился за крепчайшую опору [для руки], что не сломается, а Аллах — Слышащий, Знающий». См. примечание в середине второй главы. «Стих меча», «Айат ас-Сайф» (название, привнесенное в ислам христианами исследователями Корана): «И сражайтесь на пути Аллаха и знайте, что Аллах — слышащий, знающий!» (Сура ii 245). Глагол, переведенный здесь

отменяет последующий. И повеление, данное в Суре ii. стихах 186-187, «сражаться против {96} тех, кто сражается, но не согрешать, нападая первым»,¹ было, согласно Замакхшари и другим авторитетам, опровергнуто повелением: «Сражайтесь против всех идолопоклонников». (Смотрите Замакхшари касательно этого места и статью У. Р. У. Гарднера «Джихад» в «Мусульманском мире», том ii.).²

Массовые убийства в Турции, какими бы ни были их непосредственные причины, были совершены в духе религиозной ненависти. Мистер Траунбридж, описывая погромы в Адане в апреле одна тысяча девятьсот девятого года, писал: «То, что в основе этой резни лежало магометанское учение, было очевидно по многим деталям. К примеру, по тому факту, что на магазинах, принадлежавших туркам, в ночь перед погромами было написано мелом слово “ислам” — явно для того, чтобы уберечь их от разграблений и поджогов. У меня хранится фотография одного из таких турецких магазинов с надписью на турецком языке. Но самым неопровержимым доказательством является тот факт, что основная роль зачинщиков принадлежала в этих беспорядках муллам и муфтиям».

Не только дух нетерпимости и преследований, но и сами случаи убийств на религиозной почве действовали, подобно дрожжевой закваске, в среде мусульман — в их образе жизни и мышления. Многого в эти дни удалось достичь новому верованию бабиев и его ответвлению бахаизму;³ но даже эта религия, которая представляет собою бесспорный прогресс по сравнению со старым исламом, не смогла поколебать решимость своих последователей и удержать их от религиозных убийств. В статье на эту тему («Мусульманский мир», том iv, стр. 143), недавно упокоившийся преподобный С. Дж. Уилсон приводит следующие свидетельства:

«Сайид Камиль, бахай из Шираза, заявил профессору Брауни с выражением крайнего удивления: “Вы безусловно не осмелитесь отрицать тот факт, что любой пророк, который является воплощением Всемирного Разума, обладает полнейшим правом навлекать смерть и предавать ей — открыто или **тайно** — тех, кто упрямо продолжает ему противостоять! Пророка не следует винить за устранение его закоренелого противника более, чем какого-нибудь хирурга за ампутацию пораженной гангреною

Крачковским как «сражаться», практически не отличим от «убивать», и в переносном смысле использован его не корректно. — *Прим. перев.*

¹ У Крачковского: «И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте, — поистине, Аллах не любит преступающих!» Далее идет так называемый христианскими учеными «стих убийства»: «И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас: ведь соблазн — хуже, чем убийство! И не сражайтесь с ними у запретной мечети, пока они не станут сражаться там с вами. Если же они будут сражаться с вами, то убивайте их: таково воздаяние неверных!» — *Прим. перев.*

² То, что сам Коран учит ведению подобного рода войны, ясно показывает Оббинк: Obbink, *De Heilige Oorlog* (Brill, Leiden, 1901 г.).

³ О бахаизме смотрите примечание к первой главе на стр. 22.

конечности”. И подобное мнение широко распространено среди бахаев. В Йезде они говорили следующее: “У Божьего посланника столько же прав убивать и принуждать, как у хирурга ампутировать”. Бахайские миссионеры придерживаются мнения, что “любой пророк имеет право убивать, если видит в этом необходимость; если он чувствует, что убийство нескольких людей может помочь не сбиться с пути многим, тем самым он оправдан в своем приказе свершить массовое убийство. Никто не может подвергать сомнению {97} его право погубить тела нескольких, чтобы души многих остались живы”. Один знакомый доктора Фрейма, бахай из Решта, говорил ему “без тени стыда, что заплатил столько то и столько то, лишь бы устранить своего преследователя”. В связи со всеми вышеизложенными фактами, следует всегда помнить, что **убийства на религиозной почве свободно практиковались с самого зарождения ислама**, и что пророк Мухаммед во многих случаях санкционировал их своим собственным примером».

И все же, несмотря на все эти законы и царивший повсюду дух нетерпимости, остается весьма знаменательным, что на протяжении всех этих ужасных столетий находились люди, которые обращались из ислама в христианство! И хотя подобные обращения встречались нечасто, тем не менее, мы находим в греческой православной церкви действующий ритуал, который использовался для обращенных из числа мусульман, отрекшихся от своей религии и вступавших или возвращавшихся в лоно церкви. Одна из формул отступничества приводится профессором Эдуардом Монте в греческом оригинале с переводом.¹ Эта формула взята из рукописи, датированной предположительно одна тысяча двести восемьдесят первым годом от рождества Христова, хотя сам текст явно уходит еще глубже — к девятому столетию. Описываемый в нем ритуал включает произнесение анафемы (проклятия) на сарацинов, Мухаммеда и халифов, а также на Коран, мусульманский рай, мусульманское паломничество в Мекку и прочие мусульманские доктрины. Один из абзацев этого документа очень знаменателен: «Я предаю анафеме все установления Моамеда, как таковые, которые являются оскорбительными для христиан, все отрицательные призывы, которые делаются интриганами, и их компании, и все их связи, да не оставят сарацинов ненависть и убийства, когда они объявляют путь Божий войною против христиан. И я заявляю, что ни один из сарацинов, ведущих войну с Сыном Божиим, не будет удостоен рая».² Этот текст показывает, что новообращенный из мусульман отрекается от своего прежнего метода исламской пропаганды, по крайней мере, в своем открытом и публичном признании.

Можно найти несколько примеров обращений из ислама в христианство, хотя сведения о них весьма скудны, как в христианских, так и в мусульманских источниках. В одном случае рассказывается, как мусульманин был обращен чудесным видением агнца в христианской церкви во время совершения таинства

¹ Эдуард Монте, «Зарисовки о Востоке и религии». *Etudes Orientales et Religieuses*, by Edouard Montet (Женева, 1917 г.), стр. 205-228.

² Перевод с французского. — Прим. перев.

евхаристии. Это человек был брошен в темницу халифом Харуном Ар-Рашидом, и через два года предан смерти. Он так и умер мучеником за свою {98} веру.¹

**«ТРАГЕДИЯ В КАМНЕ»: КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР
В ФАМАГУСТЕ НА КИПРЕ; СЕЙЧАС — МЕЧЕТЬ.**

После осады, длившейся почти год, турки взяли город в одна тысяча пятьсот семьдесят первом году. Это одна из многих церквей на Ближнем Востоке, превратившаяся в мечеть. Историю об осаде и сдаче Фамагусты читайте на странице 89 оригинала.

Двумя другими историями из книги хроник «Бар Эбреус» можно проиллюстрировать характерные для ислама инциденты, которые зачастую бывают связаны с переходом мусульман в христианство. Подобные происшествия случались с незавидным постоянством в тех странах, положение которых бывало нестабильным, но были довольно редки при твердом правительстве. И тому можно с легкостью отыскать соответствия на примерах из наших дней. В одной истории рассказывается об одной девушке, жившей в двенадцатом столетии (1159 г. от р. Х.) поблизости от Мосула. Она была обручена с христианским парнем. Отец этой девушки, будучи по рождению христианином, позднее отрекся от веры своих предков и стал мусульманином, остальная же часть семьи оставалась христианами. В результате, мусульмане стали препятствовать ее браку с христианином. Тот старейшина, «мафриана», что отважился санкционировать брачную церемонию, был арестован, и девушка, разумеется, была доставлена к властям. Она упорствовала, и продолжала заявлять, что является христианкой. В конце концов, ее непреклонность, так же как и непреклонность мафрианы, который провел в заточении сорок дней, одержали верх, так что ее не стали принуждать принять

¹ «Бар Эбреус: Сирийские хроники», стр. 132.

ислам; однако она не смогла оставаться в своем доме, и закончила свои дни монахиней в Иерусалиме.¹

Каким образом происходили обращения в ислам в Алжире в одна тысяча шестьсот семьдесят восьмом году, рассказывает на несколько причудливом, но живом английском языке Джозеф Питтс, юнга-морьяк из Эксетера, что был захвачен в плен пиратами, и оказался впоследствии самым первым из европейцев, кому удалось посетить Мекку.

«Мы воротились назад в “Алжирию” в довольно короткое время; и вскоре после этого он взял меня в лагерь с собою; и вот, случись так, что двое его братьев, будучи “Спахиями”,² или кавалеристами, оказались с ним в одном и том же Шатре. Его младший Брат привык постоянно (за его спиной, а порою, и прямо у него на глазах) убеждать меня стать “Махоматаном”, и чтобы завоевать меня, делал мне большие “Придложения”; но они меня мало трогали.

Старшего же Брата, который был моим главным “Хазяином”, как мне казалось, не очень-то радовала возможность моего обращения; ибо он часто угрожал мне, что если я и в самом деле стану “Туркою”, но не выучу как следует мою Книгу, то быть мне от него крепко битым! Но когда его младший Брат, который, очень часто искушал меня, понял, что никакие его “Довоты”, ни “Придложения”, на меня не действуют, он начал очень близко подбираться к своему Брату, убеждая того заставить меня обратиться. Он часто приводил ему такой “Довот”, говоря, “Что в свое время он был и ‘Роспутником’, и ‘Дибаширом’, {99}и даже ‘Убийцою’, но если он ‘Обворотит’ меня, тогда это может послужить своего рода ‘Искушением’ за его ‘Бизбожие’ в прошлом”. И младший Брат решительно заявлял Брату старшему, что в противном случае он никогда не сможет попасть на “Небесо”. После чего (поскольку все мучимые виною Люди склонны держаться за любые надежды на обретение Счастья, хотя никогда еще надежда не могла быть столь призрачною и беспочвенною!) старший Брат стал тоже пытаться склонить меня [к перемене веры]. Но, поняв, что этого никогда не произойдет, начал угрожать, что отправит меня за сотни миль отсюда, в очень далекую Страну, где я никогда не увижу Лица ни одного “Христиана”. Однако когда и эти Методы не возымели никакого действия, в Конце концов, оба Брата оставили свои уговоры. Посовещавшись друг с другом, они решили прибегнуть к **Жестокости** и **Насилию**, и посмотреть, что из этого получится. И вот, на следующий день, когда Цирюльник моего **Хазяина** пришел к нему, чтобы его подстричь, а я находился рядом для всяких Услуг, мой **Хазяин** повелел мне стать на колени и попросил Цирюльника отрезать мне Волосы своими “Ножницами”. Но мне заранее показался чем-то подозрителен их План, и я стал сопротивляться. Однако поскольку Сила их была сильнее моей, то, в конце концов, мои Волосы

¹ Шедд, «Ислам и Церкви Востока», Shedd, Islam and the Oriental Churches, стр. 149, 153.

² В русской военной терминологии это слово известно как «спаги». — Прим. перев.

были отрезаны. Затем Цирюльник собрался обрить мою голову, в то время как мой **Хазяин** все время держал меня за Руки. В продолжение этого я не переставал трясти Головою, а он — бить меня по Лицу. После того, как с большим трудом моя Голова была обрита, мой **Хазяин** велел мне снять мои Одежды и облачиться по “**Турецкому**” Обличью. Я заявил ему открыто, что не стану этого делать. Тогда они силой вытащили меня, и отвели в другой Шатер, где хранились наши Припасы. Там были еще двое Мужчин, **Повар** и **Прислужник**, и пока один из них держал меня, другой сорвал с меня одежду и надел на меня **Турецкой** Костюм. Пока они это делали, я не переставал плакать, и кричал моему **Хазяину**, что хотя они и “сменяют” мое **Обличье**, они никогда не смогут изменить мое **Сердце**. На следующую Ночь, прежде чем лечь спать, он позвал меня и приказал мне встать на колени рядом с его Постелью, и начал говорить Мольбы, чтобы я доставил ему радость и отрекся от своей **Религии**. Я отвечал ему, что это против моей **Совести**, и, кроме того, я посоветовал ему продать меня и купить себе другого Мальчика, которого, возможно, будет легче убедить; что же касается меня, то я боюсь, на мне навсегда останется проклятье, если я уступлю его Просьбе. Он пообещал мне, что ручается своей Душою за мою, и **докучал** мне множеством подобного рода Выражений. В конце концов, я попросил его разрешить мне пойти в постель, чтобы я мог помолиться Богу, и если я найду для себя какие-нибудь более убедительные Доводы, чем те, что были предложены мне сейчас, то я {100} вернусь следующим утром, но пока не знаю, какое я приму решение. Но для того чтобы мои намерения не изменились, мне хотелось бы попросить его не говорить больше ни слова на эту Тему. Он согласился на это, и я отправился в Постель. Но (каким бы ни было его “биспокойство”), не имея Терпения дожидаться моего Ответа до Утра, он разбудил меня посреди Ночи, и “спросил”, каковы мои Чувства обо всем этом. Я сказал, что мысли мои остаются теми же, что и прежде были. Тогда он взял меня за Правую-руку, и попросил меня поднять вверх Указательный-палец, как они обычно делают, когда произносят эти слова: “Ля Алла-иллалла, Мохаммед Ресуль Алла!” (которые являются для них посвящением в **Турку**, как я уже говорил раньше). Но я изо всех сил пытался опустить мой Указательный-палец вниз, так что он увидел, что со мной ничего нельзя поделать без **Насилия**. Тогда он немедленно позвал двух из своих Слуг, и приказал им привязать меня за Ноги Веревкою к поддерживающему Шатер Шесту, и когда его приказание было исполнено, он огромной Дубинкою стал бить меня по голым Ногам. И поскольку он был весьма сильным Мужчиною, к тому же обуянным ужасным Гневом, его удары оказались, разумеется, весьма тяжкими; и чем больше он меня бил, тем более раздражался и говорил, что вскоре, если я не обращусь, он избьет меня до Смерти. Я просто рычал от Боли под его жестокими Ударами; но чем громче я вопил, тем разъяреннее он меня бил; и чтобы заглушить Звук от моих криков, он топтал своими Ногами мне Рот; я умолял его прекратить мои страдания и “прекончить” меня, но он продолжал меня бить. После того, как я уже так долго выносил его безжалостные удары, что понял, что готов лишиться чувств или умереть, и,

видя его таким же неумолимым и безумным, как и прежде, я попросил его перестать бить, чтоб я смог обратиться. Я едва дышал, но все еще оставался подвешенным за Ноги, когда он снова попросил меня повторить Слова [обращения]. Мне очень не хотелось этого делать, и я некоторое время продержал его ожидании; а потом сказал ему, что не могу повторить этих слов. После чего он “разъерился” еще больше, и продолжал мое избиение еще более варварским способом. Получив огромное количество ударов во второй раз, я попросил его протянуть мне свою Руку, и чем подарил ему свежую надежду на мое обращение в **Махометана**; но как только я немного перевел Дыхание, я сказал ему, как и раньше, что не могу исполнить то, о чем он меня просит. И таким образом я испытывал его терпение три или четыре раза; но, в конце концов, видя, что его Жестокость ко мне не утолится, если только я не обращусь, из “**Ужыса**” я покорился ему, и повторил требуемые слова, как и полагалось, подняв вверх Указательный-палец моей {101} Правой-руки. И тут же мои адские муки кончились, меня сейчас же отнесли к Огню, мои Ноги были перевязаны (ибо они были так избиты, что в течении нескольких Дней я был не способен ходить на них), и потом я был отнесен в Постель».¹

Истории о первых мусульманах, обращенных в христианство Генри Мартином, являются иллюстрацией того, как человеку незамедлительно наносятся увечья в полном соответствии с законом о вероотступничестве. «Сабат и Абдалла, два араба благородного происхождения, крепко подружившись, решили вместе отправиться в путешествие. После того, как они посетили Мекку, они добрались до Кабула, где Абдалла поступил на службу к Земан-шаху, прославленному афганскому эмиру. В Кабуле один армянин дал ему почитать Библию на арабском языке, и Абдалла стал христианином. Спасая свою жизнь, он решил бежать в Бухару. Сабат же еще раньше пришел в этот город, где при встрече на улице моментально узнал Абдаллу. “У меня не было к нему жалости, — говорил впоследствии Сабат, — и я доставил его к Морад-шаху, правителю. Абдалле было предложено сохранить жизнь, если он отречется от Христа. Он отказался. Тогда ему отсекали одну из рук, и вновь предложили раскаяться. Он ничего не сказал в ответ, но взор его был непоколебимо устремлен в небеса, подобно Стефану, первому мученику, и из глаз его струились слезы. Потом он посмотрел на меня, но взгляд его при этом выражал лишь прощение. Затем ему отрубили другую руку. Но он и тут не изменил своей вере, и когда он склонил свою голову, чтобы принять свой последний смертельный удар, кажется, вся Бухара шепталась: ‘Что это за новое создание?’” Угрызения совести погнало Сабата в долгие странствия, пока он не оказался в Мадрасе, где правительство предложило ему должность муфтия, или толкователя исламского закона в гражданских судах. В Визагапатаме ему в руки попался экземпляр арабского Нового Завета, исправленного Соломоном Негри — эту книгу в середине прошлого

¹ «Правдивое описание религии и обычаев магометан Джозефом Питтсом из Эксона», A Faithful Account of the Religion and Manners of the Mahometans, by Joseph Pitts of Exon (Лондон, 1738 г.), стр. 192-196.

столетия завозило в Индию “Общество по распространению христианского знания”. Сабат стал сравнивать Новый Завет с Кораном, и истина пролилась на него, “как поток света”. Тогда он выразил желание принять в Мадрасе крещение из рук преподобного доктора Керра. При крещении он получил имя “Нафанаил”. Он был тогда двадцати семи лет от роду. Когда эти вести дошли до его семьи, остававшейся в Аравии, его брат задумал убить его, и, переодевшись на азиатский манер, пробрался в Индию и нанес ему удар кинжалом, когда тот сидел в своем доме в Визигапатаме». ¹ Подобные вещи происходили повсюду: и в Аравии, и в Турции, {102} и в Афганистане, и в Персии, и в Алжире, как и в Индии — повсюду никакого снисхождения к вероотступникам и никакого равенства и свобод для христианских меньшинств.

Когда мы оглядываемся назад на эти столетия гонений на наших собратьев-христиан: несторианцев, армян, греков или коптов, мы познаем истину нашего единства во Христе, и приходим к схожему заключению, к которому пришел римско-католический историк Адриан Фортескью: «В странах, находящихся под мусульманским господством, в глубине человеческих сердец существует непрменная солидарность между всеми христианами. Эти “другие христиане” тоже являются детьми Божьими, крещенными, как и мы. Их древнейшее родословие сохраняется нетронутым со времен старых Восточных отцов, которые являются и нашими отцами тоже. Когда они стоят на своих литургиях, они поклоняются той же самой Божественной силе, которая освящает и наша алтари; во время Святого причастия они получают тот же Дар [Благодати], что и мы. И, по крайней мере, одной вещи нам стоит позавидовать им, тому — что более тысячи лет они им пришлось носить свой славный венец мученичества. Мы никогда не сможем забыть об этом. На протяжении всех этих мрачных веков не было ни одного копта, яковита, несторианца или армянина, который не мог бы добиться для себя облегчения, комфорта и свободы, отрекшись от Христа и обратившись в турецкую веру. Я не могу припомнить ничего подобного этому в мире. Как умудрились эти бедные и забытые, всеми отверженные люди в своих трогательных схизмах на протяжении тринадцати столетий, подвергаясь постоянным гонениям, сохранять свою верность Христу? И по сегодняшний день за Его имя они смиренно сносят и униженное положение, и ненависть своих тиранов. Должны ли мы называть их еретиками и раскольниками? Они — мученики и сыны мучеников! Длинное кровавое пятно, лежащее на их истории, должно было давно уже искупить, даже более чем искупить, все их ошибки — Эфес и Халкидон! Ибо кто может усомниться в том, что когда наступит конец времен, и когда все люди предстанут перед судом, их благословенная вера должна перевесить их схизмы и ереси?»² Кто может усомниться в том, что эти неведомые тысячи и десятки тысяч

¹ Джорж Смит, «Генри Мартин». *Henry Martyn*, by George Smith (Лондон, 1892 год), стр. 226-227.

² Человек получает спасение не за свое упорство в чем-либо. Вечную жизнь невозможно обрести за какие-то заслуги. Благодать и прощение грехов — дар Божий. Никакие кровавые пятна в истории народов не в состоянии исправить роковой ошибки человека — отказ от протянутой руки Спасителя, призывающего нас: «Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Евангелие от Матфея 9:13). — *Прим. перев.*

заслужат прощение за те ошибки, что они едва ли сознавали, когда они покажут раны, которые они понесли ради Христа? Когда этот день настанет, я думаю, мы увидим, что, несмотря на несовершенство своих церквей, они были большими католиками, чем мы привыкли теперь считать. Ибо существует обещание, на которое у этих восточных церквей гораздо больше прав, чем у нас, которые сидят в уюте и тепле, существуя при веротерпимых правительствах: *Qui me confessus fuerit coram hominibus, confitebor et ego eum coram Patri meo.*"¹

¹ Адриан Фортескью, «Меньшие братья — Церкви Востока». *The Lesser Eastern Churches*, by Adrian Fortescue (London, 1913). [Евангелие от Матфея 10:32-33: «Итак всякого, **кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным**; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным». В современной интерпретации термин «исповедовать» воспринимается как «признавать». Греческий глагол, переводимый на русский язык «исповедовать», буквально означает «говорить то же самое». То есть, человек, повторяющий людям учение Христа, в свою очередь, получает право быть услышанным Богом во всех своих нуждах: Сам Иисус Христос, Сын Божий, повторяет наши просьбы перед Отцом. *Сравните*: «Ибо кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе Своей и Отца и святых Ангелов» (от Луки 9:26). *Также*: «Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься» (Римлянам 10:9). В последнем случае косность мышления вынудила переводчиков изменить порядок слов греческого текста: «...если ты будешь повторять устами твоими Господа Иисуса...» Разумеется, просто признавать Иисуса «Господом», без следования Его учению, никак не означает «исповедовать» библейского Христа в изначальном значении этого глагола. Причем, для передачи людям учения Христа, вовсе не нужно заявлять о своей принадлежности к какой-либо религии. Что важнее: кричать на площадях, что ты — христианин («Рубите мне голову, басурманы проклятые!»), или относиться к своему соседу-мусульманину так же заботливо, как к самому себе? — *Прим. перев.*].

ГЛАВА V.

ТАЙНЫЕ УЧЕНИКИ.

«И сказал Нееман: если уже не так, то пусть рабу твоему дадут земли, сколько снесут два лошака, потому что не будет впредь раб твой приносить всесожжения и жертвы другим богам, кроме Господа; только вот в чем да простит Господь раба твоего: когда пойдет господин мой в дом Риммона для поклонения там и опрется на руку мою, и поклонюсь я в доме Риммона, то, за мое поклонение в доме Риммона, да простит Господь раба твоего в случае сем».

4 Царств v. 17, 18.

«Он пришел к Иисусу ночью...»

Иоанна iii. 2.

*«Блажен тот верующий, кто,
В стране сплошного мрака и неверья,
Узрел Твоих чудесных крыльев перья,
Когда из мертвых Ты воскрес!
Узрел и то, что никогда уже не повторится:
Во мраке солнцу вновь не засветиться!»*

ХЕНРИ УОГАН.

ГЛАВА V.

ТАЙНЫЕ УЧЕНИКИ.

ВЕРОЯТНО, были и другие люди, приходившие к Иисусу под покровом ночи — таким же образом, как Никодим. Из рассказа Ветхого Завета о Неемане ясно

видно, что этот человек был далеко не единственным, кто поклонялся Иегове, оставаясь за пределами собственно Израиля.¹ Во всех сферах деятельности различных миссий мы встречаемся с подобными примерами. Во времена гонений, нетерпимости и открытой враждебности по отношению к религии Христа те, кто боялись открыто признать свою веру в Него перед людьми, и все же верили в Него тайно, приходили под покровом ночи. Все миссионеры, работающие среди мусульман, отмечают тот факт, что при действующем законе об отступничестве чрезвычайно трудно побудить новообращенного к открытому признанию своей веры во Христа, когда такое открытое признание неизбежно будет означать собою мученичество. Вот, например, четыре недавних случая, которые произошли в одном из уголков огромного мусульманского мира. Сообщения обо всех четырех поступили к нам из одного источника; но можно привести множество подобных примеров и из многих других мест.

«Этим летом я встретил Н., который прошел курс обучения в небольшой миссионерской школе, располагавшейся в селении на самом краю пустыни близ Дамаска. Вместе с другими арабами-мусульманами он слушал об Иисусе, изучал Его учение; и на сегодняшний день он является христианином, хотя и не прошедшим пока обряда [водного] крещения. Он хотел бы получить такое место, где мог бы учить других людей в соответствии со своими христианскими воззрениями. Ему было предложено вернуться в свою родную деревню, которую он некогда оставил в минуту опасности; но если он вернется туда, его жизнь непременно окажется под угрозой, ибо дома уже известно о его взглядах. Поэтому он продолжает жить в Бейруте, тайно веруя во Христа и безмолвно ожидая ведения от Бога. Стали бы вы настаивать на том, что Н. надлежит воротиться в его родную деревню, открыто признать Христа, и быть готовым погибнуть там за это?»

Как-то раз в близлежащую школу для девочек зашла одна женщина-турчанка, подошла тайком к учительнице-американке и обратилась к ней, попросив

¹ Рассказ о Неемане, сирийском военачальнике, излечившемся от проказы благодаря наставлению израильского пророка Елисея, содержится в пятой главе четвертой Книги Царств, в которой ничего не говорится о людях, поклонявшихся Господу за пределами Израиля. Более того, из напутствия пророка Елисея «Иди с миром» (v. 19), нельзя делать однозначный вывод, что он одобряет намерение Неемана поклониться языческому идолу из уважения к своему царю. Скорее, Елисей отнесся к слабости Неемана с пониманием, но не с одобрением: порой бывает благоразумнее не требовать от человека немедленного и полного разрыва с его прошлым, однако это благоразумие вовсе не означает компромисса праведности с грехом. Твердый отказ Елисея принять сирийские дары в знак благодарности за исцеление, а также переход проказы Неемана на Гиезия, слугу Елисея, соблазнившегося богатством, предупреждают нас о несовместимости царства Божия с размытыми ценностями коррумпированной части человечества. Что касается Никодима, действительно, сначала из-за боязни пришедшего к Иисусу ночью, то в результате духовного перерождения тот же самый фарисей-Никодим находит в себе смелость вступить за Учителя и возразить своим товарищам: «Судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?» (Евангелие от Иоанна 7:51). Поразительно, что **после казни** Иисуса первыми заботу о Его теле проявляют именно те, кто доселе не был в состоянии преодолеть свой страх: «После сего Иосиф из Аримафеи — ученик Иисуса, но тайный из страха от Иудеев, — просил Пилата, чтобы снять тело Иисуса; и Пилат позволил. Он пошел и снял тело Иисуса. Пришел также и Никодим, — приходивший прежде к Иисусу ночью, — и принес состав из смирны и алая, литр около ста» (от Иоанна 19:38-39). — *Прим. перев.*

почитать ей Книгу, которую та не могла понять. Это оказалось Евангелие. Через год она уже открыто заявляла, что Иисус является ее Господом, и говорила, что стала бы христианкою, если бы только учителя смогли защитить ее. Эта женщина не осмеливалась признавать Христа перед своим собственным народом, ибо это означало бы {106} для нее смерть или страдания. Никакой защиты никто ей не мог гарантировать, а у нее не было денег, чтобы уехать из родных мест. Она постепенно вернулась в обычную [мусульманскую] рутину и вышла замуж за турка. Представьте, что теперь где-то под скрывающими лица турецких женщин черными накидками прячутся глаза, которые в молчании взирают на своего Господа и жаждут общения с Ним. Что бы вы могли ей посоветовать?

Шестнадцатилетний юноша посещает сейчас нашу школу при миссии. Его отец, араб, развелся с его матерью-турчанкой. После нескольких лет близкого общения с учителями и ознакомления со Словом Божиим, мальчик смог принять учение Господа. Но он не является пока крещеным христианином. Если бы он заявил о своей вере открыто, во всеуслышание, то его вполне могло бы уже не быть среди живых к тому времени, как это письмо дошло до вас. И он — уже не мусульманин, любовь Христова изменила его! В молчании он продолжает свое тихое и праведное житие, которое служит всем примером нравственной чистоты и высокой морали: как для мальчиков-христиан, так и для ребят из мусульманских семей. Он любим и уважаем всеми. Молчаливо он получает жизненную силу от Господа. И что, по вашему мнению, он должен был бы делать?

К одной из наших учительниц, пожилой арабской женщине, прочно прикрепилось прозвище “Чужестранка” за то, что много лет назад она оставила свои родные края и приехала сюда. Еще будучи девочкою она услышала о Христе, приняла Его и открыто заявила о своей вере в Него, после чего ее выгнали из дома, и она нашла себе пристанище лишь в миссионерской школе. В течение тридцати лет она остается для всех тихой и набожной учительницей, воспринимаемой всеми как христианка. Не считая первых резких нападков, она почти не пострадала от гонений; и в ее новом доме, где мало что известно о ее мусульманском детстве, она спокойно продолжает свидетельствовать о Христе».¹

¹ Люди, принимающие Христа своим Господом, являются живым укором для своего окружения, каким бы оно ни было: мусульманским, языческим, или традиционно воспринимающимся как христианское. Человек, привыкший истязать своих детей, будет продолжать истязать их — тайно или открыто, с молчаливого одобрения своих единомышленников — независимо от того, к какой религиозной конфессии он принадлежит: римско-католической, к какой-либо из православных церквей или к церкви евангелического толка. Здесь самое время продолжить цитату из Евангелия от Матфея, которой заканчивается предыдущая глава: «...Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее. Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня; кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника» (10:34-41). Крест, постепенно превращенный церковниками в символ славы, изначально служил людям символом абсолютного позора, и таким позором становятся для мусульман их родственники, оставляющие ислам ради Христа. Однако Бог не взирает на лица, а судит каждого человека по чаянию его сердца. Людям, решившим связать свою жизнь со Христом,

Вот таковы проблемы, с которыми сталкиваются миссионеры, ведущие свою работу среди мусульман по всему свету. Их разрешение этих проблем на практике оказывается не таким простым, как это может быть представлено на бумаге.

Во время моего первого миссионерского опыта в Аравии, как я помню, там была интересная компания арабов из города Хофхуф в Хассе, которые, как мне рассказали, ночь за ночью собирались вместе, чтобы читать Священное Писание. Один из них, зайдя как-то в нашу благотворительную медицинскую амбулаторию, показал свою прекрасную осведомленность относительно содержания и учения Нового Завета. Он говорил мне, что и другие члены его группы убеждены в том, что Иисус Христос превосходит Мухаммеда, что Его характер и жизнь являются для всех наивысшим примером, что Он умер и воскрес снова, и что Он — Живой Спаситель. Однако рассказать о наличии подобной группы в арабском городе противникам Евангелия, означало бы положить конец как самому существованию этой группы — ее бы неминуемо разогнали — так и подвергнуть жизни ее участников опасности.

Доступ Слова Божьего в душу человека всегда дарит свет, а зачастую — {107} и жизнь. Настоящим пионером миссионерства практически всегда становится уличный торговец дешевыми книгами, и, по моему глубокому убеждению, никакие другие организации не использовались Богом в мусульманском мире так же интенсивно и широко за последнюю четверть столетия, как «Британское и зарубежное библейское общество» и «Американское библейское общество». Изменение общего отношения людей к Священному Писанию и к христианскому посланию вообще было во многом обязано продукции этих организаций и ее распространению. В ежегодных отчетах этих обществ мы зачастую находим сведения о числе тайных верующих среди мусульман. В Маскате, Аравия, «немало людей уже осознают, что Евангелие является истинным и единственным Словом [Божиим], но немногие хотят подчинить свою жизнь ему всецело, поскольку это для них сопряжено со слишком большими потерями в этом мире».¹

Что касается Дельты Египта, то мы читаем, что многие из проживающих в этой местности мусульман охотно приобретают Библию и изучают ее, находясь в поисках пути ко спасению. Некоторые из них даже приглашают в свои селения торговцев книгами, чтобы они смогли разъяснить им те места из Библии, которые они, прочитав, не сумели сами понять или примирить с тем, чему они были научены раньше.

Торговец книгами из Албании описывает следующие случаи. «Однажды я зашел в кофейню, где встретил одного моего знакомого мусульманина, которого знал на протяжении долгих лет. После обычных приветствий он завел разговор о нашем Господе Иисусе Христе и о Его Евангелии. В молодости этот человек был весьма жестоким и безнравственным, но сейчас, дожив до седых волос, он сильно

следует не забывать, что Бог не терпит лицемерия, а потому и нам следует неуклонно от него избавляться. — *Прим. перев.*

¹ Отчет «Американского библейского общества», 1923 год.

изменился. Он с почтением отзывался об учении и притчах Евангелия, когда же он говорил об Иисусе Христе, то называл Его “наш Господь”, в то время как, упоминая о Мухаммеде, называл того просто как “Мухаммед”. Другие мусульмане, присутствовавшие при нашем разговоре, слушали его очень внимательно. Затем я узнал от него, что, будучи в Константинополе, он купил себе там Новый Завет на турецком языке. А недавно я встретил на улице одного человека с книгою подмышкой. Я спросил у него, что это за книга. Он показал мне, и я увидел, что это был Новый Завет, очевидно сильно зачитанный, потому что был весь в пометках. Мужчина сказал мне: “Эта книга у меня уже много лет, и это мое руководство, как для этой жизни, повседневной, так и для будущего, для жизни вечной ”». ¹ Эти примеры, и таковых можно привести множество, показывают нам, что Святой Дух неустанно действует через Слово Божие и побуждает людей к покаянию.

{108} В Персии одно мусульманское духовное лицо зашло на склад библейского общества в Тегеране в поисках какого-нибудь учебника английского языка для начинающих. Поскольку этот мужчина не смог найти того, чего он хотел, он согласился купить Евангелие на английском языке. Позднее он вернулся на тот же склад и купил Библию — уже на персидском языке. Через неделю он пришел опять и сказал: «Долгое время провел я в поисках истины, и мне кажется, что теперь я ее нашел. Скажите, может ли эта книга спасти меня?» «Нет, — ответил наш книжный агент, — эта книга не может тебя спасти, но это может сделать Тот Спаситель, о Котором в ней говорится!» Прошло две недели, и наш покупатель снова явился на склад. «Теперь я обрел то, что искал, — сказал он, — и намереваюсь поделиться с другими людьми этой доброй вестью о спасении!» Еще один персидский мусульманин из добропорядочной семьи сделал такое признание: «“Инджил” (Евангелие) — это самая лучшая из всех существующих книг. Я прочитал ее, и нахожу, что она приносит с собою мир, любовь и спасение!» ²

Когда каждый год в стране распространяются тысячи экземпляров Евангелия, вполне можно ожидать появления людей, верующих тайно. Преподобный Дж. Х. Бойд из Ганты упоминает о шести таких тайных христианах, и говорит, что его список может быть существенно увеличен:

«Один из них, житель Александрии, так хорошо знал Священное Писание, как никто другой из тех, кого я знаю. Он регулярно посещал церковь, и никогда не скрывал от других то, что он был христианином. Но, как бы то ни было, он никогда не осмелился сделать публичное признание.» ³

¹ Отчет «Британского и зарубежного библейского общества», 1923 год.

² Отчет «Британского и зарубежного библейского общества», 1924 год.

³ Очевидно, автор имеет в виду «признание» как некий обряд, совершаемый при большом скоплении народа. Исходя из дальнейшего текста, будет видно, что многие христианские миссионеры того времени рассматривали сам обряд водного крещения новообращенного как некое необходимое для последующего членства в их церквях «исповедание». По этой причине столь остро стоял вопрос о крещении на миссионерской конференции в Каире, о которой говорится ниже.

Другой человек, учитель общественной школы,¹ открыто заявляет о своей вере во Христа перед людьми, и надеется вскоре совершить обряд [водного] крещения. Это — прекрасный молодой человек. Есть и еще один, он работает телеграфистом. Он признавал Христа как своего Спасителя перед разными людьми, и он, я абсолютно убежден, уже входит в число тех, кому суждено спастись. Четвертым является некий шейх, который посещает одно из наших деревенских собраний; он — доподлинно верующий. Этот человек прекрасно объяснил весь путь спасения в недавнем разговоре со мною; и он также поведал мне об одном преподавателе из “Азхара”.² Об этом преподавателе рассказывали, что тот проповедовал во время [поста или периода] “скорби”, призывая всех читать Библию, как Книгу Божию, говоря, что вина будет лежать на них, если не сделают этого. Некоторые из его слушателей обратились к ректору “Азхара”, написав на него жалобу, и на следующий год он был уволен. Другой шейх, учитель в одной из наших школ, говорит всем о себе, как о христианине. Он из хорошей семьи, симпатичный, опрятный и честный молодой человек. Христос, глядя на него, безусловно, должен любить его, как и любого другого из Своих последователей. И, наконец, еще один: богатый {109} плантатор, который в споре с другими в поезде защищал достоинства христианства; а затем добавил: “Докажите мне обратное, и вы получите от меня пять сотен”. В другой раз он энергично вступился за какого-то парня, которого избивали за его сочувствие к христианству. Этот плантатор поддержал его, посоветовав и дальше держаться своей новой веры, и сказал, что тот находится на верном пути».

Здесь перед нами встает вопрос об условиях совершения обряда водного крещения. Допустимо ли совершение этого обряда в узком кругу или же нам необходимо настаивать на публичном совершении своего признания? Какие приготовления для него следует считать обязательными? Могут ли существовать такие исключения, когда следует считать допустимыми внешние соблюдения исламских обычаев или требований домашнего уклада? Очень трудно найти ответ

С одной стороны, привычная для христиан тех лет практика требовала публичного водного крещения каждого из новых членов церкви, но в исламских странах этот закоснелый обычай, оскорблявший чувства большинства населения, вступал в противоречие с требованиями реальной жизни. Признать, что для спасения человека требуется окропить его водою, или окунуть его в нее полностью, противоречит самой идее о спасении человека по Божией благодати. Но миссионеры вынуждены были продолжать практику водного крещения, поскольку отказаться от него означало бы вступить в противоречие со своими собственными церковными организациями: для чего же нужны тогда поместные церкви, если в совершении их обрядов нет никакой пользы? С подобными проблемами столкнулись в России девятнадцатого века различные движения христиан евангелических толков, в том числе баптистов, заново крестивших всех своих членов, включая крещенных в детстве православных, преступая тем самым законы государства. — *Прим. перев.*

¹ То есть, общеобразовательной школы, содержащейся на деньги государства. — *Прим. перев.*

² Аль-Азхар — название мечети и учебного заведения в Каире, основными предметами преподавания в котором являются фикх (мусульманское право и юриспруденция), арабский язык и литература, коранические дисциплины и хадисоведение. — *Прим. перев.*

на такие вопросы. Но когда человек движим Духом Божиим и искренне стремится войти «тесными вратами», мы не должны усложнять для него путь, который уже и без того достаточно сложен. Мы не должны налагать на него дополнительных обязательств, которых он, в связи с теми обстоятельствами, в которые он поставлен по Божьей воле, он не может исполнить. Нам следует не упускать из вида самого главного, а именно: веру во Христа и молитвенную жизнь в Нем. А все несущественное и внешнее мы можем оставить на его собственной совести. В этом, безусловно, заключается урок, который можно извлечь из ответа Елисея Нееману, в секрете его святой умеренности в требованиях соответствия законам Израиля.¹ Бог безусловно Сам завершит работу Своей благодати. Те, кто чисты сердцем, никогда не утратят своего видения, однажды им дарованного, если они будут продолжать во всем искать Бога.

Как бы то ни было, проблема эта остается сложной, для ее решения требуется проводить немало времени в молитвенных размышлениях. Мы не осмеливаемся проигнорировать те требования, что предъявляются к каждому из учеников Иисуса. Никто не выразил их более просто и непреклонно, чем Сам Христос: «Кто отречется от меня пред людьми...»² и «Кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником».³

На первой миссионерской конференции, касающейся мусульманского мира, проходившей в Каире с четвертого по девятое апреля тысяча девятьсот шестого года, одним из самых горячо обсуждаемых вопросов был вопрос об условиях [водного] крещения. И хотя все присутствующие согласились, что этот священный обряд не может быть совершаем над теми, кто всего лишь убежден своим разумом в божественности Христа и в Его искупительной жертве, тем не менее, все чувствовали, что требование от крещаемых публичного признания Христа сопряжено с огромными трудностями. Крещение в узком кругу, в присутствии нескольких друзей, кажется, было распространено во многих миссиях, там, где публичный обряд водного крещения мог бы повлечь за собою гонения на новообращенного или даже, возможно, лишение его жизни:

«Совершать публичное крещение в Дамаске, Тегеране или Марокко, {110} где правительство полностью магометанское, а население крайне невежественное и фанатичное, было бы серьезной ошибкой. Да, в странах под владичеством христианских государств, в английских, французских, немецких и нидерландских [колониях], было бы вполне безопасным и мудрым решением посоветовать новообращенному, чтобы он бесстрашно исповедовал Христа в виде обряда публичного водного крещения: в доказательство искренности своих чувств и как свидетельство для других. Битва за религиозную свободу должна продолжаться, и **в свое время** победа

¹ Напомним сам ответ: «Иди с миром» (4 Книга Царств v. 19). — *Прим. перев.*

² «А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным». (Матфея 10:33). — *Прим. перев.*

³ Евангелие от Луки 14:33. — *Прим. перев.*

будет одержана. Но никто не вправе решать за другого, когда именно для этого человека должно наступить это время».¹

Один из новообращенных из мусульман, присутствовавший на вышеупомянутой конференции, высказал свое мнение о том, что не стоит медлить с обрядом водного крещения. Он назвал его средством для достижения благодати. Он привел пример разговора апостола Петра с центурионом, римским сотником, и Филиппа с евнухом. «Я не вижу причины, почему новообращенный из мусульман не может быть крещен сразу же, как только он признает свою веру во Христа, как Сына Божия и посланного Богом Спасителя и Искупителя, ибо это признание является основанием для совершения обряда крещения».² Если же крещение будет откладываться слишком надолго, даже миссионер может пожалеть об этом. Существуют примеры, когда этот обряд откладывался из страха перед гонениями; и, однако, эти меры не смогли их предотвратить, а в некоторых случаях это не уберегло даже от мученичества.

Несколько лет назад один молодой египтянин оказался в рабочем кабинете моего дома в Каире. Пришедший ко мне юноша открыто выразил свое желание получить наставление в христианской вере. Произведя на меня впечатление человека яркого и сообразительного, этот араб, выходец, по всей видимости, из хорошей семьи, сразу же привлек к себе мое внимание. Однако удивление мое возросло еще больше, когда, на мой вопрос об его имени, мой гость вытащил свою карманную записную книжку и протянул мне визитную карточку, на которой я прочитал: «Уильям Фэмисон». Я уточнил: «Ну, уж конечно, вы не англичанин?» Он отвечал: «Нет, нет, я просто изменил свое имя, и хочу сделаться христианином». Затем он рассказал мне, что его отец занимал хорошее положение при египетском правительстве и был просвещенным мусульманином, очень приверженным исламу, которого глубоко огорчало тот факт, что сын его читает христианские книги. Впервые он заинтересовался евангельским посланием, прочитав несколько иллюстрированных брошюр «Найл Мишн Пресс» («Издательства Нильской миссии»). Особенно ему понравилась одна из них, под названием «Черный камень и скала веков», которую он привык постоянно носить с собою в кармане.

¹ «Методы миссионерской работы среди мусульман», *Methods of Mission Work Among Moslems*, стр. 146.

² Там же, стр. 151. Имеются в виду два места из Деяний Апостолов: «Когда Петр еще продолжал эту речь, Дух Святый сошел на всех, слушавших слово. И верующие из обрезанных, пришедшие с Петром, изумились, что дар Святаго Духа излился и на язычников, ибо слышали их говорящих языками и величающих Бога. Тогда Петр сказал: кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили Святаго Духа? И велел им креститься во имя Иисуса Христа» (10:44-48). *А также:* «Между тем, продолжая путь, они приехали к воде; и евнух сказал: вот вода; что препятствует мне креститься? *Филипп же сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий.* И приказал остановить колесницу, и сошли оба в воду, Филипп и евнух; и крестил его» (8:36-38). Отметим, что выделенный здесь курсивом стих 37 отсутствует в ранних рукописях: он полностью внесен церковниками с целью развития их учения о водном крещении. — *Прим. перев.*

Мы помолились вместе, и я посоветовал ему сохранять с его отцом добрые {111} отношения, насколько это возможно. Юноша отвечал мне, что это будет очень сложно. Несколько недель спустя он вновь пришел ко мне в кабинет и сообщил, что на его жизнь было совершено покушение кем-то из его собственных людей. Тут молодой человек показал мне нож, который носил с собою, чтобы было чем защитить себя при случае. Я прочел своему посетителю то место из Нагорной проповеди, в котором говорится о любви к своим врагам и непротивлении злу, и сказал ему, что для христианина будет лучше умереть, чем оказать сопротивление тем, кто нападает на него только за его веру.¹ В тот раз я горячо убеждал его оставить свой нож у меня, и он согласился на это. А несколько недель спустя он решительно заявил, что больше не хочет использовать подобного рода оружие. Этот молодой человек регулярно посещал церковные службы, и делал быстрые успехи в чтении тех книг, которые я ему давал. С самого начала он поделился своим желанием сделаться в будущем проповедником Евангелия, и говорил, что хочет завоевывать содержащимися в нем истинами сердца людей своего собственного народа. Как бы то ни было, его лицо постоянно хранило тревожное выражение. Поскольку он продолжал жить у себя дома, ему приходилось читать христианскую литературу и молиться в тайне. Однажды он пришел ко мне в сильном волнении, и сказал, что его отец недавно получил письмо, которое ему так же удалось прочитать. Тут он показал мне следующую копию:

КАИР, 19 января, 1916 года.

«УВАЖАЕМЫЙ ГОСПОДИН!

Из любви к исламу и мусульманам я беру на себя смелость сообщить Вам о том, что Ваш сын собирается стать христианином, или уже стал им, как утверждают многие. Ради ислама и его пророка, прошу Вас, не медлите, сделайте хоть что-нибудь, чтобы вернуть Вашего легкомысленного сына обратно его религии! В противном случае вы подвергаете его жизнь опасности, не потому что мы имеем что-нибудь против Вашего сына лично, но потому что мы любим свою религию и желаем защитить честь верующих. Поспешите, заклинаю Вас Богом, Кораном, и Апостолом!

Написано человеком, любящим свою религию, и готовым ради нее стать отважным и суровым мстителем.

P.S. — (1) Чтобы быть уверенным в том, что Вы получите это письмо, я своей рукой опускаю его в Ваш почтовый ящик, воспользовавшись отсутствием привратника.

¹ «Но вам, слушающим, говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Евангелие от Луки 6:27-31).

P.S. — (2) Отношения, существующие между Вашим сыном и мною, заставили меня рассказать Вам это. Чтобы вы не сомневались в том, что я говорю правду, я должен Вам сказать, что он ежедневно бывает в доме этого проклятого Цвемера. Также он посетил Американскую миссию и провел целый день со студентами, изучающими богословие.

{112} После чего он вышел из здания в сопровождении проклятого христианина, чье имя, как я узнал, С. Ф».

После появления такого письма мы оба решили, что будет благоразумным, если он немедленно покинет Каир. Я решил, что он сможет найти себе работу учителя или воспитателя у новоприбывших миссионеров в Ассиуте. Вот так, с легким сердцем, но, однако, с определенными опасениями относительно своей семьи, он покинул Верхний Египет. Уильяму к тому моменту уже исполнилось двадцать лет, и, я чувствовал, что не только в соответствии с мусульманским законодательством, но и во всех других отношениях он имеет право сделать свой собственный выбор.

В Ассиуте он беспрепятственно работал в качестве учителя, но этого ему было явно недостаточно. Он пытался стать достойным совершением над ним обряда [водного] крещения, открыто говоря всем о своей вере во Христа. Ему удалось завоевать себе немало друзей, как среди мусульман, так и среди христиан, причем весьма примечательным образом. В одном из своих писем он пишет на английском языке нижеследующее (это письмо характерно для его стиля и для того, что он пытался совершить):

АССИУТСКИЙ КОЛЛЕДЖ,
5 ноября, 1916 года.

«ДОРОГОЙ ДОКТОР,

Я смиренно прошу прощения за задержку с ответом на Ваше последнее письмо, датированное первым числом сего месяца. Случились здесь две вещи, что тяжким грузом легли на мое свободное время. Первое дело касается того самого мусульманина, которого Вы повстречали здесь в церкви после службы. Вторая забота — это мои попытки найти работу в Оазисе,¹ какою бы ни была там температура.

Однако, что касается этого мусульманина, возьму на себя смелость сказать, что он один из самых сообразительных и благочестивых молодых людей, каких мне когда-либо доводилось встретить. Мы зашли с ним в местное кафе и просидели там с девяти часов сорока минут утра до двух часов пополудни. В то время, пока мы сидели в кафе, мы обсуждали христианство и ислам до тех пор, пока я не сумел победить его во всем великодушии.² Во время нашей беседы он задумался на минуту, а затем

¹ Из дальнейшего пояснения д-ра Цвемера ясно, что имеется в виду оазис Харга. — *Прим. перев.*

² Египтянин путает английские слова «великодушно» и «по всем статьям». — *Прим. перев.*

быстро встал, и сказал, что ему нужно выйти в одно место, но, что он скоро вернется. Не прошло и пяти минут, как он вернулся вместе с одним шейхом, учителем *****, с которым я проговорил около часа или более, и в ходе нашего разговора я одержал победу и над ним, каковое обстоятельство побудило его извиниться и уйти. Я прошу прощения, что вынужден рассказывать Вам о том, что он просил меня объяснить ему, но я вряд ли сумел убедить его до конца, хотя я упоминал ***** и других; так что, пожалуйста, объясните мне последнее.

Наш мусульманин пригласил меня прийти к нему домой; однако

No. 14 15 Juli 1922 Tahun ke VIII

MEDAN-MOESLIMIN.

Tempat goena memboeka soearanja kaem moeslimin diseloesoeh
HINDIA NEDERLAND.
Keloear tiap-tiap tanggal 1 dan 15 boelan Olanda.

Harga langganan 3 boelan f 1.50. 6 boelan f 2.50. Bajar lebih doeloe
1 tahun f 4.50. Bajar loear Hindia Nederland f 5.50.

KATRANGAN

Soerat-soerat katrangan soepaja dialamatkan pada Redactie, keperluan
lain-lainnja soepaja dialamatkan pada Directie
ADRES BUREAU MEDAN-MOESLIMIN SOLO.

Orang Boemi poetera Djawa
29.715.908, jang berigama Islam:
29.605⁰⁰⁰ orang. Jang kesasar dalam
Kristen 24.663, wadjiblah orang
Islam memikirkan jang kesasar
itoe.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ МАЛАЙСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ЖУРНАЛА,
изданного в Соло, на острове Ява;
15 июля, 1922 года.

Текст гласит: «Общее население острова Ява составляет 29 715 908 человек. Из них 29 605 000 человек являются мусульманами; 24 633 человека стали христианами. Мы должны положить конец этому отступничеству».

{113} я согласился выполнить его задачу [пойти к нему] только в сопровождении одного приятеля — того человека, который представил Вам этого мусульманина в церкви. Я встретил там [у него дома] его младшего брата и двух старших братьев и еще одного их друга. Мы начали беседовать о заступничестве и о распятии, однако я сердечно благодарен Богу за мою победу, за те обстоятельства, что заставили друга моего оппонента настойчиво просить меня посетить и его на следующий день у него в доме, расположенном в самом центре местных кварталов. Вы знаете, что этот друг, которого зовут А***** А*****, пригласил вместе со мною также и моего товарища, Л. Д. На следующий день я позвонил Б***** и напомнил ему о его обещании, но, увы, он отказался, опасаясь каких-нибудь неприятностей от этих мусульман, так что я пошел, сопровождаемый лишь Божьим Всемогуществом. В пять часов пополудни я был у двери А. К., который вышел и проводил меня в большую комнату, где находились два шейха, один инженер, еще один человек, с Библией в руках, наш мусульманин из церкви, его брат и три других эфенди (господина). Я думаю, что они наемные работники. Я вошел, поприветствовал их, и обменялся с каждым из них рукопожатием. Мы начали в пять часов пополудни, и проговорили до десяти часов десяти минут вечера. Мы обсуждали почти все фундаментальные вопросы необычно, в соответствии с их необычным характером.¹ Когда они потерпели поражение, то стали издеваться и смеяться надо мною и моей “ложной религией”, как они говорили. Мой мусульманин из церкви вскоре прервал этот разговор и стал укорять их, дескать, впоследствии они могут совершить ошибку. Затем мы расстались. Когда я Вас увижу, то расскажу Вам нечто очень важное об этой встрече. Теперь я часто встречаюсь с моим мусульманином и подолгу болтаю с ним. Я на самом деле очень люблю его, потому что он мудрый и непредвзятый.

Теперь давайте вернемся назад и поговорим обо мне. Вы знаете, что у меня нет никаких знакомых в Александрии, в том числе и этого миссионера. Я готов выполнять любую работу, даже переводчика, но не забывайте о моем желании стать миссионером, а также о том, что учебный год кончается восемнадцатого числа текущего месяца. Я мог бы остановиться на несколько дней в Каире, при условии, что не буду выходить из своей комнаты, разве что поздно вечером. Согласны ли Вы? Я молюсь Богу денно и нощно, чтобы Вы могли считать меня одним из Ваших смиренных мальчиков, а не чужеземцем, который приходит просить помощи и убежища.² Разве Вы не знаете, что Вы один — моя семья, друзья

¹ Вероятно, используя английское слово «неправильный», египтянин имеет в виду их «необычайно важный» характер. — *Прим. перев.*

² Странное понимание смирения. Если бы этот юноша прямо просил помощи, в которой он, безусловно, нуждался, а не пытался манипулировать, было бы гораздо честнее. Здесь следует отметить твердую позицию д-ра Цвемера, старавшегося привить своему знакомому любовь к труду вместо поощрения его нездоровых склонностей. — *Прим. перев.*

и родственники? О! Умоляю Вас, не забывайте об этом, пожалуйста. Надеюсь получить большое письмо вскоре.

Пребываю Вашим покорным слугою,

У-м ФЭМИСОН».

{114} Завершающий абзац этого письма требует некоторых пояснений. Я рассчитывал найти ему постоянную работу в Александрии, но он предпочитал оставаться как можно дальше от Каира.

Когда я посетил Ассиут весной тысяча девятьсот шестнадцатого года, Уильям был очень рад, и встретил меня с таким радушием, как сын встречает своего отца. Радость встречи, казалось, сильно взволновала его. Как бы то ни было, очень рано в воскресенье, в два часа утра, он прибежал ко мне из здания колледжа в то место, где я остановился, и сказал, что у него было видение (или сон), в котором Христос, завернутый во что-то белое, явился ему, и повелел: «Ты должен проповедовать для мусульман!» Молодой человек почувствовал, что он обязан немедленно пойти и рассказать мне об этом. После того, как он поведал мне все это и помолился, он заснул прямо у меня в комнате, а на следующее утро пошел по своим делам, как обычно. Однако нет никаких сомнений, что это видение произвело на него очень глубокое впечатление. Поскольку я отказывался оказать ему какую-либо финансовую помощь, но, напротив, постоянно советовал ему самому зарабатывать себе на жизнь, он подружился с одним из христиан в Ассиуте, и когда колледж закрылся, пошел вместе с другими работать в лавку «Ассоциации молодых мужчин-христиан» в оазисе Харга. Он писал мне в то время:

«Мне очень стыдно, что не писал Вам так долго, поскольку практически сразу же после своего отъезда из Ассиута я оказался прикованным к постели. Смею ли я просить прощения? Я все еще чувствую себя нехорошо из-за невыносимой жары.

Я выехал из Ассиута двадцать девятого мая в Марказ Эль-Шерику, и с тех пор переживаю огромные трудности, особенно в последние несколько дней. Я очень давно ничего не слышал о моей семье, и это меня беспокоит, хотелось бы узнать о них все.

Надеюсь получить весточку от Вас вскоре,

Искренне Ваш,

УИЛЬЯМ».

Летний период, безусловно, служил настоящим испытанием для каждого, кто, будучи воспитанным подобно другим египетским юношам, без привычки к труду, имел обыкновение просиживать в кафе и «убивать время в веселье», но Уильям никогда не отчаивался. В другой раз он писал мне:

«Каждый человек на этом маленьком земном шаре беззащитен перед мирскими страданиями и искушениями, приходящими как от Бога, так и от дьявола; но героем становится только тот, кому знакомо понятие “стойкость”. То есть, человек обязан не сдаваться и бороться за победу. Ведь жизнь это не что иное, как борьба!

{115} Позволю себе заметить, что успех человека зависит от его характера и веры, не зависимо от того, что будут говорить о нем другие, ведь никто в целом мире не может быть одновременно приятен всем людям на земле.¹

Только Бог ведает о моем поведении, и пока я буду в состоянии молиться, читать Библию и каждодневно жить праведною христианскою жизнью, меня почти нисколько не будут заботить мнения других людей. Никто не может указывать правильный путь Богу. Если Вы в состоянии припомнить, чтобы я хоть разок когда-либо Вас разочаровал или ослушался, тогда считайте, что то, что Вы слышите [обо мне] — правда, и что меня действительно можно в этом винить. Когда меня впервые Вам представили, Вы казались для меня чужеземцем, так же как и все, сюда приезжающие. Причина в том, что Вы привыкли обращаться с другими, словно они Ваши сыновья или братья».

И снова он говорит о своем будущем, и о своем желании найти место, где бы он мог находиться в безопасности. Он пишет:

«Что касается того, чтобы мне возвратиться в Каир и поселиться там, я могу Вам определенно сказать, что это не в моих силах, разве что если я буду жить вместе с Вами. Вы хорошо знаете, что когда я познакомился с Вами, я нуждался в укрытии и поддержке в той же степени, что и в совете; именно потому я и решил начать с Ассиута, спасаясь от преследований. Таким образом, как же я могу воротиться обратно в Каир? Конечно, тут без сомнений приходится признать, что мне не останется ничего другого, как вернуться в Каир, если я не смогу найти работу где-нибудь вдали от него. В этом случае я подвергну свою жизнь большим опасностям, по крайней мере, мне придется вновь жить в магометанской семье опять, одна лишь мысль о чем приводит меня в содрогание.

Разумеется, я могу сдаться, [вернуться в Каир и] подвергнуться еще большим гонениям, несравнимым с прежними; поскольку я бессилён противостоять такому фанатичному и жестокому народу... Моя религия, или скорее поклонение, означает для меня: (1) изучать Библию, (2)

¹ Очевидно, что этому несчастному юноше не хватало именно смирения. Здесь будут вполне уместны слова апостола Павла из его Послания к Римлянам: «Будьте единомысленны между собою; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе; никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром перед всеми человеками. **Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми.** Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу *Божью*. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь. Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (12:16-21). — *Прим. перев.*

молиться, (3) вести себя с другими согласно тому, как учит Библия, несмотря на шутки». (Он имеет в виду возражения).

Наконец, он решился приехать в Каир. По возвращению в город он сразу же пошел к своему отцу, и, насколько мне известно, они примирились с тем фактом, что он стал христианином. Ибо он рассказал мне, что его отец поклялся «клятвою отчуждения», что является одной из сильнейших клятв у мусульман, что он не причинит зла своему сыну, и не будет препятствовать ему в посещении христианских богослужений.

Именно в это время, наш молодой человек подал официальное заявление на посещение евангелического класса в Богословской семинарии при {116} Американской миссии. Он был весьма озабочен возможностью посещать теологические классы, столь сильно было его стремление посвятить свою жизнь работе проповедника. Время от времени он приводил с собою других мусульман, чтобы увидеть меня, и никогда не бывал более счастлив, чем тогда, когда присылал ко мне людей, ищущих Бога, и мы могли помолиться с ним вместе. Вследствие его слишком короткого пребывания в Ассиуте пастор тамошней церкви возражал против того, чтоб он прошел обряд [водного] крещения, хотя это являлось его самым искренним желанием. Это оказалось препятствием и для того, чтобы он мог регулярно посещать занятия в семинарии. Ведь согласно установленному в церкви порядку, казалось почти неслыханным делом, чтобы некрещеный мусульманин, хотя он и объявлял себя христианином, изучал теологию. Поэтому я посоветовал ему подождать еще годик, а пока что подыскать себе какую-нибудь работу. Он подал заявление в один из государственных департаментов, и уже почти получил назначение на должность переводчика в [одну из частей] находящейся в Месопотамии Британской армии. Двадцать девятого ноября он пришел ко мне поделиться этой хорошей новостью, и сказал: «Теперь вы, безусловно, сможете окрестить меня, прежде чем я отправлюсь в свое долгое путешествие». Я уверил его, что так и сделаю. Мы помолились вместе, и он ушел очень счастливым. Следующую новость я узнал от одного моего христианского друга, который пришел ко мне в субботу утром второго декабря, и сказал, что с Уильямом случился несчастный случай на дороге: вроде бы он попал под трамвай. Дорожное движение в Каире зачастую регулируется так плохо, что аварии случаются постоянно, но мы все были шокированы, когда услышали эту страшную весть. На следующий день в газете появилось сообщение, в котором говорилось, что молодой студент в возрасте двадцати одного года, направляясь из города, оказался на дороге из Гелиополиса в Аббасию во вторник, в восемь часов вечера. Он вышел из машины с неправильной стороны и был сбит встречной машиной и выброшен на обочину с ушибами головы. Какой-то полицейский незамедлительно прибыл на место происшествия, но вместо того, чтобы позвать на помощь, он сам отвез несчастного юношу в полицейский участок, где провел устный допрос пострадавшего по полной процедуре предварительного дознания. Из полицейского участка юношу доставили в главное полицейское управление Каира, чтобы там его смог осмотреть полицейский врач. В управлении пострадавшему пришлось некоторое время прождать, пока подойдет доктор, а потом его подвергли еще одному перекрестному допросу, подобно тому, что имел место в полицейском

участке. Наконец, около одиннадцати часов вечера, он был отправлен домой, причем ему так и не было оказано никакой медицинской помощи.

Через два дня после того «несчастливого случая» я получил телефонное {117} сообщение от одного молодого копта, нашего общего знакомого, который задался вопросом, является ли смерть Уильяма результатом несчастного случая, или здесь какая-то грязная игра, и его гибель кем-то подстроена. Не обязательно вдаваться во все подробности, скажу только, что когда мы нанесли визит шефу полиции, тот вынужден был признать, что и у него самого имеются веские основания подозревать, что так называемый «несчастный случай» был организован теми, кто предпочел бы видеть юношу мертвым мусульманином, чем допустить, чтобы он открыто исповедовал Христа. Во время войны в Каире складывалось такое положение, что поводить дальнейшее расследование подобного случая было бы не слишком разумно. Я же лично убежден, что Уильям Фэмисон погиб смертью мученика, и что люди, от чьих рук он принял смерть, на деле являлись именно теми, о ком в Писании сказано: «враги человеку — домашние его».¹

За две недели до своей смерти он принес мне прекрасную поэму, написанную на арабском языке. В ней говорилось о характере Иисуса, и Уильям умолял меня напечатать ее в нашей христианской арабской газете. Короткая история жизни Уильяма ободряет нас в нашем служении. Благодаря его смелому свидетельству многие из его друзей захотели изучить Священное Писание. Всего лишь через два дня после того дорожного происшествия один из его мусульманских друзей пришел ко мне и принес мне «утешительное письмо», как он выразился, чтобы «утешить мое сердце, которое переживало такую большую утрату».

Никогда еще молодежь Египта не представляла собою более благодатной почвы для личной евангелизации, чем сегодня. Молодые египтяне утратили прежнюю приверженность к старой вере своих отцов, и находятся в полной растерянности, как в моральном отношении, так и в интеллектуальном. Современное образование способно подготовить путь для развития в душе человека агностицизма и неверия, если только мы не успеем предупредить всходы этих сорняков проповедью послания живого Христа.

Разве это не свидетельство нашей апатии или общей слабости нашей стратегии, что мусульманин вынужден был сам сначала окрестить себя новым именем и нести в одиночку свое свидетельство о Христе, прежде чем он официально был допущен в круг миссионерского влияния? «Не говорите ли вы, что еще четыре месяца, и наступит жатва? А Я говорю вам: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве».²

Должен сказать, что как в Египте, так и в Турции есть люди, которые находятся в поисках Бога.

¹ Евангелие от Матфея 10:36. — *Прим. перев.*

² Евангелие от Иоанна 4:35. — *Прим. перев.*

За получение следующего рассказа, в котором содержатся свидетельства двух турецких мулл, мы крайне признательны доктору Иоханнесу Лепсиусу из Потсдама, Германия.

«Наши предки ведут свой род от покорителя Румелии. Наш родной отец оставил мирские заботы и проводил день и ночь в религиозных созерцаниях. Он был удостоен удивительных знамений и всяких благодатных чудес. Он не оставил нам никаких земных богатств, {118} но мы безмерно благодарны ему за то, что он обратил нас на путь поисков истины. Мы не женаты, и никогда не занимались никакими мирскими занятиями, посвятив свои жизни исключительно поискам истины.

Во имя Отца, Сына и Святого Духа! Господь Бог, Царь миров, Ты, Кто возвышаешься надо временем и пространством, источник и кладезь всего, и воистину наш Отец, сними с наших очей и с очей прочих детей Твоих пелену глубокого невежества, чтобы наши сердца смогли возрадоваться, познав ту истину, которую Твой Единственный Единородный Сын, наш Господь, Иисус Христос, нам открыл! Сделай так, чтобы сердцам всех людей стало дорого благословенное учение Твоего святого Евангелия, чтобы они смогли принять участие в его благословениях и стать едины в духе и вере; чтобы они смогли жить и ходить в свете Твоей славы. Аминь!

Я, Кусс Оглу Шейх Ахмед Кешаф, родился в одна тысяча восемьсот шестьдесят четвертом году. Много лет я учился, а затем стал солдатом. Когда турецкие войска выступили против Греции, я был назначен капелланом во второй батальон восемнадцатого резервного полка. После войны я вернулся домой, и вместе со своим братом занялся тщательными поисками того, что же такое настоящая истина. Мы пришли к убеждению, что это — религия Христа. Ее мы и стали свободно проповедовать среди мусульман нашей страны, пробуждая их жестокую враждебность. Мы были вынуждены покинуть наши родные места, и отправиться в Аравию. Во время пути мой брат некоторое время проповедовал в мечетях Эскизэ и Горнульзенэ.

Вот и в Хиссарской мечети Смирны он стал ревностно учить людей святому Евангелию. Тот факт, что он мог беспрепятственно проповедовать по четыре-пять часов ежедневно, вызывал у народа огромное удивление и уважение. Говорили, что подобное знание никак не может быть простым плодом исследования, но очевидно должно было быть ниспослано ему от Бога. Изо всех остальных мечетей толпы народа начали стекаться к нему. Других мулл¹ охватила ревность. Они видели, что его учение может разрушить основание ислама, ибо он демонстрировал слабости и даже ложность Корана таким путем, что людям становилась явную крайняя испорченность этой Книги. Никто из его слушателей не мог оставаться в неведении, что Мухаммед был лжепророком, что его чудеса были поддельными, а истории о его поливе земли своими пальцами или о том, как он расколол луну, являются чистым вымыслом. Далее он представлял убедительные доказательства

¹ Мулла — любой человек, получивший образование в медресе, или просто грамотный человек, который не зарабатывает себе на жизнь физическим трудом. Как правило, муллы с подчеркнутым презрением относились к «простым» людям. (См. примечание на стр. 64 оригинала). — *Прим. перев.*

того, что ни Коран, ни мусульманские {119} предания не могут считаться надежными источниками. Затем он переходил к мусульманскому отношению к христианам. Он говорил, что христиане не могут быть «кафирами». Это глупо и нелепо, считать христиан погибшими душами. Мусульмане должны быть дружелюбны к ним, ибо для их ненависти к христианам нет абсолютно никаких оснований. А Новый Завет — прекрасная, полезная и подлинно святая книга.

В результате его проповедей множество людей обнаружило, что их вера в Коран теперь подорвана. Многочисленным просвещенным муллам, приходившим на его проповеди, мой брат бросал такой вызов: “Если я говорю неправду, то попробуйте опровергнуть мои слова! Тогда вы увидите, как много дополнительных аргументов против вашей точки зрения я еще могу привести!” Но они боялись поднимать брошенную им перчатку, а многие из числа тех, кто обучался современным наукам, говорили: “Слова этого молодого проповедника из Румелии истинны”.

Через некоторое время ему начали угрожать фанатики. Тогда он прекратил проповедовать. Но огромные толпы народа собирались и ждали часами, надеясь, что он появится вновь. Один фанатик встал и воскликнул: “Что вы ждете этого проповедника? Разве вы не слышали, что он говорил против ислама? Ведь написано в книгах: ‘Когда Господь Времен, Имам Махди¹, явится, все мусульмане мира объединятся, и пойдут войною на христиан!’ После этого во всем мире останется только одна религия. Но этот ваш проповедник отрицает все это. Он лишает нас нашей смелости и надежды на грядущую победу”.

Среди собиравшихся на эти диспуты было немало беженцев с Крита, из России, Болгарии, Боснии и Герцеговины. Они восклицали: “Увы! Мы оставили наши дома из-за христиан, врагов нашей веры. Мы ожидаем, что Имам Махди с мечом в руках поведет нас обратно, и тогда мы сумеем отомстить нашим врагам”. Затем поднялся один босниец, Хаджи Мустафа, и закричал: “Где этот проповедник?! Я изрублю его на куски, и отправлю его душу в ад!”

“Эти два брата из Румелии — ‘кафиры’! — заявил один мударрис (религиозный учитель) из Магнесии, по имени Сабри-Эфенди, — А кто не согласен с этим, тот и сам — ‘кафир’! Они отрицают, что человек по имени Иуда принял образ Иисуса и был распят вместо него; они отрицают, что ангел Гавриил в образе арабского мальчика открыл Коран Мухаммеду; они отрицают, что на камне Иерусалима остался след от ноги Мухаммеда. Они отрицают, что длина земли составляет пятьсот лет пути, и что она имеет в высоту семь этажей, и что эти {120} этажи поддерживаются быком. Они отрицают, что в раю есть «гурии» и

¹ Махди, согласно энциклопедическому словарю ислама, провозвестник близкого конца света, последний преемник пророка Мухаммеда, своего рода мессия. В Коране Махди не упоминается, но идея мессии широко толкуется в хадисах. Первоначально Махди отождествлялся с Иисусом Христом, который должен возвестить приближение Судного дня. Потом он стал мыслиться как самостоятельный образ обновителя веры. Уже в ранний период ислама Махди воспринимался в образе ожидаемого правителя, который должен восстановить первоначальную чистоту ислама. — *Прим. перев.*

«**гильман**», пирующие и справляющие свадьбы.¹ Они отрицают, что Иисус в последний день спустится с небес, умрет, и будет погребен в гробнице Мухаммеда. Они наговорили уже тысячу разных вещей против Корана, и являются отступниками.»

Как бы то ни было, вокруг моего брата собиралось такое большое количество народа, что правительство, опасаясь, что начнется массовое обращение людей в христианство, посадило нас на пароход и отправило в изгнание в Мекку. Но мы не прекращали проповедовать Христа, и благодаря этому многие смогли познать истину. Когда была объявлена свобода [вероисповедования], мы возвратились обратно в Салоники. В Адрианопле мой брат проповедовал в течение тридцати дней рамадана (мусульманского поста), по пять часов каждый день в мечети Алтан. На своих проповедях он разъяснял и доказывал христианскую истину на основании науки и разума. Многие становились на его сторону. Потом мы отправились в Филиппополь в Болгарии, чтобы сделать там открытое признание в нашей христианской вере.

“Нам пришлось изучить сотни книг, — пишет его брат, — чтобы найти окончательную истину. Мы очень тщательно проштудировали каждое слово в Коране и хадисах, и обнаружили в них множество неточностей. Мы поняли, что оставаться долее мусульманами было бы для нас явным заблуждением. И потому мы оба приняли Христа. Мы надеемся привести наш народ к такому же исходу, и готовы ради этого обнародовать множество [фактов]. В наших поездках по Румелии, Анатолии и Аравии мы видели, что образованных мусульман всегда можно заставить замолчать. Мы признаем, что у нас самих еще немало слабостей, но мы полны решимости действовать, чтобы пробудить детей ислама от их заблуждений”.

Подписано: ШЕЙХ АХМЕД КЕШАФ,
ШЕЙХ МОХАММЕД НЕССЕНДИ».

Немецкий миссионер делится своим опытом тех дней, и рассказывает о ситуации среди мусульман Судана и Палестины, складывавшейся до начала [первой] мировой войны. Он перечисляет несколько «тайных учеников», которые не осмеливались открыто исповедовать Христа.

«Через тридцать дней после начала нашего миссионерского путешествия на верблюдах через две провинции англо-египетского Судана, осенью тысяча девятьсот тринадцатого года наш нубийский евангелист и я прибыли в К*****. Там мы были радушно встречены Мамуром, который пригласил нас встретиться с

¹ «Гурии» — прекрасные обитатели рая, имеющие женское обличье. «Гиль» («гуль», «гильман») — по арабским верованиям, духи, населявшие леса и пустыни. Что-то вроде людоедов. Разновидность джиннов, причем, как и гурии, женского рода. — *Прим. перев.*

МАХАЙЛЬ МАНСУР.

Мусульманский шейх, обращенный в христианство, получивший образование в Азхаре, в течение двадцати двух лет являвшийся бесстрашным проповедником Христа. Его прямота и чистосердечие, а также моральная смелость, похоже, сумели уберечь его от преследований, хотя в его адрес часто поступали угрозы.

{121} ним и его друзьями тем же вечером в так называемом “клубе” под пальмовыми деревьями. Мы приняли приглашение, и проговорили на различные религиозные темы почти три часа. Наш друг, Мамур, проявил при этом наибольшую заинтересованность, поскольку он предварительно изучал религиозные и научные вопросы. Наконец, он сказал нам, что он убедился в том, что Иисус Христос — Сын Божий в метафорическом смысле, и что Он стал Спасителем людей, [в том числе] и мусульман. Затем, в то время как все нас внимательно слушали, мы кратко рассказали всю жизнь Иисуса Христа, и когда мы закончили, все присутствующие были глубоко потрясены жизнеописанием нашего

Господа и совершенным Им искуплением. Когда мы покидали селение К*****, мы оставили Мамуру Новый Завет, и впоследствии он написал нам, что изучал эту книгу день и ночь, и теперь убежден, что Иисус Христос — Истинный и Единственный Свет. Среди людей племени Бишарин есть одна женщина с дочерью, которые зарабатывают себе на хлеб тем, что пасут скот. Однажды они зашли в нашу бесплатную благотворительную амбулаторию в местечке А*****, и пока девочка получала медицинскую помощь для своих глаз, ей довелось в первый раз в своей жизни услышать подлинно библейское учение. Она слушала так внимательно, что на следующий день, когда вновь вернулась, смогла повторить ту самую библейскую историю, которую услышала накануне, слово в слово. Впоследствии она потеряла свое зрение, но ее внутренние глаза при этом оказались открыты. С помощью арабского шрифта для слепых она научилась читать Евангелие, и стала рассказывать о нем и свидетельствовать другим пациентам в госпитале. Она фактически оказалась новообращенной девочкою, но ее мать никогда бы не согласилась на ее крещение из страха, что соплеменники могут убить ее. Один нубийский шейх, занимавший довольно высокое положение, стал регулярно посещать нашу миссию. У него было очень большое стремление как можно больше узнать о Евангелии, и он даже признавал некоторые существенные доктрины. Однако, обладая робкою “Никодимовой душою”, этот человек не осмеливался признавать Христа открыто, поскольку боялся утратить свое положение. В небольшой горной деревушке Палестины, чьи обитатели были по большей части мусульмане, один молодой сириец-араб говорил нам, что он женился на христианской девушке, и что он сам был расположен принять Христа, но никогда бы не решился исповедовать Его прилюдно, опасаясь последствий от своих фанатичных односельчан мусульман».

Более двадцати шести лет тому назад я получил письмо, написанное в Мекке, хотя и с почтовым штемпелем Адена на конверте, адресованное мне в Бахрейн, с просьбою выслать Библейский словарь и комментарии к Библии некому писателю, который жил в Мекке, и чей брат вел их совместные дела в Адене. Подобные случаи, когда слово Божие {122} находило своих жаждущих читателей, живущих в самых труднодоступных местах, приводятся в отчетах различных библейских обществ. В одна тысяча девятьсот четырнадцатом году мы вместе с мистером К. Т. Хупером из «Британского и зарубежного библейского общества» предприняли путешествие по Красному морю в Джидду, чтобы открыть там книгохранилище духовной литературы. На обратном пути мы зашли в Йембо, служивший портом для города Медины. Сначала мы столкнулись с определенными трудностями с тем, чтобы сойти на берег. Нам было сказано, что Хиджаз является священной для мусульман территорией, и ни одному христианину не позволено на эту землю ступить. Внезапно один человек из собравшейся на пристани толпы зевак вступился за нас, заявив: «Они **должны** сойти на берег, потому что они — мои гости». Он стал расчищать для нас путь в толпе, двигаясь по очень узким улочкам, а затем пригласил к себе домой. Отдавши дань обыкновенному арабскому гостеприимству, мы с удивлением обнаружили, что наш хозяин является тайным верующим во Христа. «Не называйте меня Мохаммедом, — сказал он, — а зовите-ка лучше Герджисом, Георгием». Мы

возразили: «Каким же образом твое имя может быть “Герджис”, если ты родился в мусульманской семье, и живешь среди магометан?» Тогда он показал нам свою Библию, и рассказал нам, как после прочтения Евангелия от Матфея он окрестил себя, в полном согласии с заповедью, данной Христом, в присутствии едва знакомого — то ли миссионера, то ли просто рабочего-христианина! Впоследствии этот человек подтвердил свою веру и делами: не только добрым отношением к странникам, но и выразив готовность распространять экземпляры Евангелия и другие христианские книги, которые мы намеревались пересылать ему по почте. Во время мировой войны мы, к сожалению, полностью утратили с ним связь.

Я никогда не забуду своей встречи с одним черкесом, офицером турецкой армии, который сопровождал наш караван во внутренние районы Аравийского полуострова в одна тысяча восемьсот девяносто седьмом году, во время моего первого визита в Хассу. Уже во время первого привала нашего путешествия меня попросили осмотреть его: товарищи офицера сказали мне, что он очень страдает от дизентерии. Я нашел его состояние близким к смерти. Не успел я присесть рядом с умирающим, тот прошептал: «Меня мало волнует, дадите ли вы мне какое-либо снадобье от моего недуга, потому что уже слишком поздно; но мне хотелось бы, чтобы вы указали мне путь Домой». Затем, вытащив из-под своей подушки [Новый] Завет на арабском языке, он пояснил, что обнаружил эту книгу в доме одного из христиан в каком-то армянском селении, во время очередной массовой резни. Потрепанная книжка превратилась в его постоянного спутника, и он стал упрашивать меня почитать ему что-нибудь и предложить свою молитву, помолиться. Его мать и дочь, находившиеся тут же, слушали признание умиравшего, и полностью разделяли его сердечную благодарность за мое сочувствие. На следующее утро были в спешном порядке организованы похороны по мусульманскому обряду. Имам нашего каравана пробормотал обычные в таких случаях молитвы, и вскоре мы продолжили свой путь. Низенький песчаный {123} холмик в пустыне — вот и все, что осталось от этого тайного верующего в нашего Господа.

Мисс Дора Дж. Снелсон из «Миссионерского общества Церкви [Англии]» в Мееруте, в Индии, рассказывает следующую трогательную историю об еще одном таком «тайном ученике»:

«В один из дней минувшего года некая госпожа-индийка попросила меня пойти вместе с нею повидать ее мусульманскую соседку, которую та часто навещала, и кому очень хотелось стать христианкою. Когда мы подошли к дому, нас проводили в комнату, где сидела красивая женщина со своим братом и его женою. После обычных приветствий брат этой женщины объяснил нам причину их желания увидеться со мной. Вкратце говоря, его история была такова: “Довольно давно, когда мы жили еще в Лахоре, мы дали позволение одному христианскому миссионеру приходить к нам домой, чтобы обучить мою сестру чтению. Это было вполне обычным делом, и многие девочки научились читать именно таким образом. Моя сестра училась очень быстро. Через некоторое время мы обнаружили, к своему великому беспокойству, что она проявляет слишком большой интерес к религиозной части своих уроков, и решили запретить

дальнейшие визиты этого миссионера. Но семена оказались брошенными в слишком хорошую почву. Оказавшись в вынужденном одиночестве, моя сестра лишь утвердилась верою в эту новое учение, которая день ото дня становилась все крепче. Я не знал, что и поделать. Сестра была словно частью моей души, поскольку мне самому пришлось ее воспитывать. Она была поистине наследством, оставленным моею матерью мне и моему старшему брату. И вот, теперь она фактически превратилась в христианку! Тогда я решился начать ее мучить. Я морил ее голодом и запирали одну в комнате по нескольку дней. Взгляните на нее теперь: эта слабость, измождение и худоба — результат моего обращения с нею! Однако ничто не могло поколебать ее желания стать христианкою. В конце концов, с большим трудом, поскольку она противилась этому, нам удалось выдать ее замуж, и сестра вынуждена была оставить наш дом. Но очень скоро ее муж вернул ее нам обратно, сказав, что он не намерен долее держать ее у себя, потому что она оказалась христианкою! То, что на нашем попечении оказалась брошенная мужем женщина, покрыло нашу семью дополнительным позором. Сила нашей любви к сестре побудила нас возобновить свои нападки на нее, чтобы заставить ее вернуться в лоно ее прежней религии. Но все наши усилия оказались тщетными. Терпеливо она сносила все страдания, оскорбления и издевательства. Несколько месяцев тому назад мы уничтожили все ее христианские книжки, чтобы ничего не могло поддерживать ее в этом противостоянии. Теперь я должен признать, что я проиграл. Мы не в силах больше сопротивляться, и мы с братом решили не стоять у нее на пути и позволить ей верить в свою религию; {124} но на определенных условиях. Ее крещение должно совершиться в секрете, насколько это возможно, дабы на доброе имя нашего рода не пало больше никакого позора. После совершения обряда крещения вы не должны заставлять ее покинуть наш дом; она должна вернуться сюда и продолжать свой обычный образ жизни, храня уединение, как она делала до этого”.

Через пару дней эта женщина пришла ко мне вечером и подтвердила все то, что поведал ранее ее брат, и также открыла глубину своей любви к своему Спасителю. Несомненно, что душа ее была глубоко затронута Духом Святым. Так началась ее окончательная подготовка к обряду крещения. Два или три раза я слышала, как она шепчет: “Это только первый шаг; когда-нибудь я пройду этот путь до конца”. Как то раз ко мне зашли ее братья, еще раз настоятельно требуя, чтобы все приготовления к обряду крещения были, насколько это возможно, тайными. Они пообещали, что они тоже будут присутствовать на церемонии. В день крещения оба ее брата подвезли ее в крытой повозке к зданию школы. Братья прошли в нашу маленькую миссионерскую церковь пешком, а один из наших друзей-христиан вместе со мной и их сестрою проехали к церкви в повозке. Крещаемая женщина при этом все время была плотно закутана в покрывало. Она сказала мне, что ее братья собираются отвезти ее в этот вечер к родственникам, в доме у которых тоже была одна женщина, тайно верующая во Христа. Я дала ей адрес наших миссионеров в том местечке. И больше с того самого дня ее крещения я эту женщину не видела. Она так и не вернулась в Меерут, и на время вообще пропала из нашего поля зрения. Может быть, Бог приготовил для нее “нечто

лучшее», чем просто пребывать в контакте с нами? Когда-нибудь мы это узнаем».¹

Джованни Папини в своей чудесной книге «История Христа» говорит: «Это не случайно, что Иисус избрал своих первых последователей среди рыбаков. Рыбак, который проводит большую часть своих дней в уединении и в окружении чистых вод, это **человек, который знает, как важно уметь ждать**. Это — человек, полностью владеющий искусством терпения, человек, который не подгоняет время: он просто забрасывает свои сети и предоставляет все остальное Всемогущему Создателю». Это — очень важный урок, которому необходимо научиться всем миссионерам, желающим работать среди мусульман. Научиться терпению, когда не получаешь вознаграждения за тяжелый труд, терпению, когда не получаешь ответа на свои молитвы, терпению ожидания результатов всегда невидимых никому, **за исключением внутреннего глаза веры**. Одна госпожа из Швеции, несущая свое новаторское служение самым бесстрашным образом среди бездомных мусульманских девочек Порт-Саида, собирающая {125} более сотни из них в христианской школе, где некоторые сначала признают [Христа], а впоследствии, кажется, охладевают к Нему, тем не менее, не теряет надежды: «Я уверена, что у нас нет повода считать, что они уже всецело оставили Христа. Ведь в Израиле оставались и такие, кто не преклонил своих коленей перед Ваалом, но, однако же, пророк Илия ничего не знал об их существовании. Мне жаль, что я не могу сказать вам ничего более определенного. Но лично я уверена, что Господь Иисус отыщет **многих** в тот [последний] день, когда Он начнет собирать Свои сокровища».

Мэри Кэролайн Холмс, несущая уже долгие годы свое служение миссионера на Ближнем Востоке, предоставляет столь замечательное свидетельство относительно тайных учеников, что мы не можем не передать, пусть и в сокращенном виде, содержание того, что она пишет на эту тему в «Мусульманском мире» (апрель 1923 года):

«Возможно, многим людям покажется весьма удивительным, что число этих секретных верующих так велико, что у них существует даже своя организация, и во главе этой тайной организации стоит определенный человек, имеющий резиденцию в одном городе. К этому лидеру я располагала когда-то рекомендательным письмом. Но, к сожалению, когда я с этим письмом пришла повидаться с ним, не застала его дома. Так вот, эти верующие узнают друг друга посредством одного ключевого слова — пароля, на который я случайно наткнулась, и который я использовала потом много раз, и таким образом узнавала о существовании других тайных поклонников Иисуса в исламе. Продавец ковров воскликнул как-то на одном из тайных собраний, посетить которое я была приглашена: “О, воистину ты — наша сестра!”», после того, как увидел, что я до меня доходит смысл слов того прекрасного гимна, что они пели, эта маленькая группа верующих за закрытыми дверями. Речь в той песне шла о преломляемом хлебе и о разливаемом по чашам вине, символизирующем жертвоприношение Христа на Голгофе. “Ты — первая,

¹ Church Missionary Outlook, 1 сентября, 1922 года.

кто понял нас! — и продолжил он с глазами, горящими от восторга и возбуждения Мы — **Христовы** христиане!”. Я сидела на этом собрании, едва ли не лишенная способности доверять своим чувствам. Я стала свидетелем такого ревностного служения, которое редко где встретишь, с образцовым порядком службы, гимнами — особенными христианскими гимнами, которые исполнялись только этими людьми. Пели они по памяти, и каждое слово было проникнуто трепетной любовью к Спасителю. Там присутствовали и женщины, женщины-мусульманки, к которым обращались как к “сестрам”. Женщины были с открытыми лицами, не закутанными в покрывала!

“Есть ли другие подобные вам?” — спрашивала я недоверчиво. “Много!” — последовал ответ. “А где же они?” — продолжала я расспрашивать. “Да повсюду!” — отвечали мне. Я узнала одного из присутствовавших в том собрании мужчин, [бывшего] государственного служащего, которого изгнали из одного из их священных городов за его строгие религиозные убеждения, которые не слишком отвечали привычкам кого-то из его начальства. Был он турком. Это случилось несколько лет назад, {126} и нашел он своего Спасителя, уже оказавшись в старом Туркестане — там, куда он бежал, стараясь скрыться от призывавшего его Иисуса, Который в конце концов сумел преодолеть сопротивление Своего раба. Он приходил, неделю за неделей, и разговаривал с нами о религии, озадачивая меня своей явной осведомленностью о христианстве и о Библии, ибо тогда я еще не научилась распознавать этих тайных учеников. Но однажды, когда он заметил в беседе, что есть только один “Нур Аль-Алям” (“Свет **Мира**”),¹ я спросила: “Вы имеете в виду то же, что и я? Знаете, я тоже убеждена, что есть только один ‘Свет мира’ — это Господь Иисус Христос”. “Я имею в виду то же, что и Вы”, — таков был его простой ответ. Однажды я увидела, как он поднял с земли кусок хлеба, брошенный чьей-то беспечной рукою, заботливо оттер его от прилипшей к нему грязи, а затем почтительно поцеловал со словами: “Я не могу спокойно видеть, как хлеб на земле попирается ногами. Ведь наш Господь сказал о хлебе: ‘Сие есть тело Мое, которое за вас предается’.”² Хлеб для меня священен.”

А вот, торговец конфетами, проживший всю свою жизнь среди маленьких детей, которым он продавал свои сладости. Никогда не забуду его слова, что звучат в моих ушах столь ясно и отчетливо. Они были произнесены им с такой глубокой убежденностью, как будто он спрашивал меня лишь для того, чтобы лишний раз насладиться встречей с другим человеком, также являвшимся истинно верующим в Иисуса: “‘**Йа Ситт**’, вы когда-нибудь видели Его?” “Кого Вы имеете в виду?” — спросила я. “Иисуса. Вы когда-нибудь видели **Его**?” Я понимала, что могу разочаровать его простую веру своим ответом: “Нет, только глазами веры”.

¹ См. Евангелие от Иоанна 8:12-15 и далее: «Опять говорил Иисус к народу и сказал им: **Я свет миру**; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни. Тогда фарисеи сказали Ему: Ты Сам о Себе свидетельствуешь, свидетельство Твое не истинно. Иисус сказал им в ответ: если Я и Сам о Себе свидетельствую, свидетельство Мое истинно; потому что Я знаю, откуда пришел и куда иду; а вы не знаете, откуда Я и куда иду. Вы судите по плоти; Я не сужу никого». В греческом, как и русском языке, Иисус употребляет о Себе и Своем учении слова «Свет миру», но не «Свет мира», как в английском или арабском. — *Прим. перев.*

² Евангелие от Луки 22:19 — *Прим. перев.*

“Нет, нет, не так. Вот **этими** глазами, **этими** самыми глазами, я видел **Его**”, — его слова были сказаны с таким убеждением, с такой уверенностью, что я вдруг почему-то почувствовала, что в моем христианском опыте я упустила нечто необыкновенно прекрасное. И он не одинок в своей вере в то, что Иисус посещает этих тайных верующих в Своем земном теле. Каждый из них может рассказать вам, что у него было видение Христа. И кто я такая, чтобы утверждать, что это не может быть правдою? Таким знанием Священного Писания, как у них, могут быть пристыжены многие из тех, кто был рожден и воспитан в лоне так называемой “Церкви”. Большинство из тех, кого я знаю, обрели Его [Христа] посредством изучения Слова, а не благодаря какой-то прямой миссионерской деятельности. Возьмем, к примеру, [мусульманского] чиновника крайне важного вида, в длинной мантии, наподобие судейской, который, проходя по палубе парохода, на котором я путешествовала, рядом с местом, где я сидела, не оборачивая головы и даже не взглянув в мою сторону, процитировал стих из Библии, и, не останавливаясь, продолжил идти дальше. Но я понимала и знала, чего он хочет, и когда я увидела его стоящим в стороне и ожидающим, я подошла к нему. Вот так мы {127} познакомились посредством Книги! Такого толкования Священного Писания, какое я услышала от него, с аккуратными цитатами и точными ссылками на каждую книгу, главу и стих, и такого понимания, трудно было ожидать от этого, на первый взгляд благочестивого мусульманина, который в действительности оказался ревностным поклонником нашего Господа. Он рассказал мне, что, будучи юношей, был отправлен учиться в Аль-Азхар, знаменитый мусульманский университет Каира, где он полностью потерял всякую веру, даже веру в существование Самого Бога. “И вот, — продолжил он, — я чувствовал себя самым несчастным человеком на земле. В конце концов, я очистил мою комнату от всего, кроме коврика, на котором я сидел, и умоляюще воздев руки к небесам, воскликнул: ‘О, Боже, если Ты есть, открой Себя мне!’ Затем я взял в руки Библию, а не Коран, и нашел в этой Книге не только Бога, но также и своего Спасителя”.

Многие из этих тайных верующих принадлежат к высшим слоям общества, как, например, только что упомянутые два чиновника и один паша, который в моем присутствии сделал ряд характерных заявлений на одном из больших мусульманских праздников. Там оказалось два брата, причем один из них был пашою и членом прежнего Оттоманского парламента, а другой же — правителем важной провинции. Паша, будучи старшим из братьев, вел обычную [для турок] беседу, и вдруг на прекрасном английском языке этот человек начал говорить на религиозные темы. На том празднике присутствовало еще не менее двух десятков других мусульман, и все они являлись друг другу родственниками. Этот паша говорил с таким энтузиазмом и убежденностью, что я решила перевести разговор на арабский, чтобы и другие могли поучаствовать в нем. “Вы, кажется, хорошо знаете нашу Книгу”, — сказала я, поскольку он свободно цитировал Библию даже на английском. “Да, я очень хорошо знаю ее”, — отвечал он. “Я тщательно изучал ее”, — добавил он, упомянув имена некоторых миссионеров, к которым он обращался за помощью и советом в своих исследованиях. “И Вы не находите в ней ничего дурного?” — поинтересовалась я. “Напротив, — сказал он, — я нахожу там все одну и ту же тему, которая красной нитью проходит через всю Книгу, беря

начало в книге Бытия, и заканчиваясь в третьем стихе семнадцатой главы Евангелия от Святого Иоанна: **‘Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа’**. Вот, чему учит вся Библия и иметь вечную жизнь, означает знать нашего Господа и Спасителя, Иисуса Христа, если использовать христианскую терминологию, я не мусульманскую»».

Мисс Холмс завершает свое повествование рассказом об одном юноше, который был научен любви к Иисусу в [миссионерской] школе, но избегал какого-либо публичного признания своей веры. «На втором году обучения в колледже его {128} подкосила тифозная горячка, и хотя одно время казалось, что ему становится лучше, вскоре произошел рецидив болезни, и стало ясно, что мальчик нас покидает. Он, кажется, понимал свое состояние, ибо непрестанно молился Иисусу в присутствии своих родных, и безо всяких возражений с их стороны. Его мать, возможно, самая замечательная мусульманская женщина из тех, кого я знаю, сказала ему однажды, но без тени гнева: “О, сынок, помолился бы ты нашим святым. Помолись Али и Мухаммеду”. “Нет, мама, — отвечал умирающий мальчик, — Я хочу Иисуса и только Его!” Когда конец приблизился, он вдруг поднял свои руки, словно в приветствии кого-то близкого и родного, и воскликнул: “Да, дорогой Иисус, я вижу Тебя! Я иду!” — и отошел, чтобы навечно пребывать с Тем, кого он любил тайно, но все же открыто признал, умирая, в свою последнюю минуту. И после этого еще находятся такие люди, что уверяют нас, якобы ни один мусульманин никогда не обратился по-настоящему!»

Разве эти тайные ученики из многих уголков земли не достаточно страстно молят Бога заступиться за них?

ГЛАВА VI.

РАССВЕТ НОВОЙ ЭРЫ

«Западное влияние также несет ответственность за присутствие христианских миссионеров, и за отмену смертной казни, которой могли подвергнуться ранее вероотступники из ислама. Оба этих фактора можно было бы объяснить принципом терпимости, но, скорее всего, они просто говорят о прохристианской позиции западных держав».

О'ЛИРИ, «Ислам на перепутье».

«Слова Пророка окончательны: “Не следует допускать никакого вмешательства в их (христианскую) веру, или обычаи: не должно вносить никаких изменений в их права и привилегии”. Так гласит хартия, дарованная Пророком мусульманам Наджрана, и ее условия таковы, что не предоставляют и намека на какое-либо право мусульманского правителя вмешиваться в личную или религиозную свободу своих подданных-немусульман. Турецкий султан не вправе игнорировать сию хартию, будучи преемником Пророка, и я не могу понять, чего эти христианские меньшинства, о которых так много говорится, могут требовать от турков помимо тех прав и привилегий, что и так уже прописаны в хартии Пророка».

КЕМАЛЬ-АД-ДИН, «Исламик ревью».

{130}

ГЛАВА VI.

РАССВЕТ НОВОЙ ЭРЫ.

БОРЬБА за религиозную свободу, за свободу совести и вероисповедания имеет долгую историю. Велась она всегда и повсюду. Христианство само немало страдало в процессе этой борьбы; не только во времена средневековых гонений, инквизиции и крестовых походов, но также и в другие времена в тех странах, номинально считающихся христианскими, в которых эти великие благословения еще не стали достоянием широкого круга населения, вне зависимости от социального положения и условий жизни каждого человека. Френсис Бэкон в

одном из своих эссе говорил, что существуют «четыре области, в которых трудно примирить самовластие со свободой, а именно: религия, правосудие, принятие решений [в сфере власти] и финансовые вопросы». Христианство не в меньшей степени, чем ислам, по временам оказывалось не способным справиться с проблемой [самовластия]. В протестантских государствах Европы и Америки свобода вероисповедания была куплена за столь высокую цену, что принцип религиозной терпимости стал в этих странах одним из самых почитаемых идеалов. Цветные расы, живущие в британских колониях Африки, должны помнить заявление, сделанное королевой Викторией, когда в одна тысяча восемьсот сорок она даровала Наталу собственную конституцию. «В глазах закона не должно существовать никакого различия между людьми, по цвету [кожи], происхождению, языку или вероисповеданию; но покровительство закона должно распространяться на всех равным образом». Чуть ранее, в одна тысяча восемьсот тридцать третьем году, [британским] правительством Индии был издан указ, гласивший, что «ни один человек на основании его происхождения, вероисповедания или цвета [кожи] не может быть лишен возможности занимать любую должность». И директора Ост-Индийской компании, передавая этот указ своим агентам в Индии, сопроводили его тщательно разработанными инструкциями, с тем, чтобы «истинный дух и сущность этого указа могли стать руководством для всей системы управления». Также они заявили во всеулышание, что понимают значение этого акта таким образом, что не должно быть «никакой правящей касты в Индии; и какие бы ни предпринимались испытания, какие бы ни выдвигались квалификационные требования, расовые или религиозные отличия не должны оказываться в их числе; и никакой подданный короля, будь то индеец или британец, или же смешанного происхождения, не должен быть лишен возможности занимать любой пост на службе, связанной или не связанной условиями договора».

В указе Ее величества, последовавшем после известного мятежа в Индии, изложена {132} наиболее верная и достойная восхищения позиция западных держав по отношению к лицам нехристианского вероисповедания: «Прочно утверждая Себя на истинах христианства, и с благодарностью принимая утешение религии, Мы отказываемся от прав и желания навязывать Наши убеждения кому бы то ни было из Наших подданных». Далее текст этого указа гласит: «Мы заявляем, и такова Наша королевская воля, что никто не может пользоваться особыми привилегиями, также как никто не может быть подвергнут нападкам или беспокойству по причине своего вероисповедания или обычаев, но все должны находиться под равной и беспристрастной защитой закона; и Мы строго вменяем в обязанность и предписываем всем, кто может находиться у власти под Нашей короною, чтобы они воздерживались от всякого вмешательства в религиозные верования или отправления религиозных обрядов любого из Наших подданных, под угрозой навлечь на себя Наше высшее неудовольствие. Также Мы желали бы и в дальнейшем, дабы, насколько это будет возможным, Наши подданные могли бы свободно и без какого-либо пристрастия занимать на Нашей службе должности независимо от своей расовой или религиозной принадлежности, но сообразно лишь своему образованию, способностям и честности (чистоте намерений), необходимых для несения служебных обязанностей».

Основываясь на этих принципах, в Индии были аннулированы те разделы мусульманского права, которые нарушали права тех, кто не являлся долею мусульманами. В одна тысяча восемьсот пятидесятом году вышел в свет «Указ об упразднении межкастовых различий».¹ В нем говорилось следующее:

«Указ /или дополнение к принципу, изложенному в Разделе 9 Административного уложения VII от одна тысяча восемьсот тридцать второго года Бенгальского свода законов, [имеющий силу] на территориях, подвластных правительству Ост-Индийской компании.

«Принимая во внимание, что Разделом 9 Административного уложения VII от одна тысяча восемьсот тридцать второго года, Бенгальского свода законов, предусматривается, что в тех случаях, когда в гражданских исках сторонами оказываются лица различных [религиозных] убеждений, когда одна сторона может быть представлена лицом/лицами индийских (индуистских), а другая — магометанских убеждений; или же одна или более сторон иска не является лицом ни магометанских, ни индийских (индуистских) убеждений; не должно допускаться применение законов этих [религиозных] убеждений, согласно которым подобная сторона или стороны могут были лишены любой собственности, на которую по действию таковых законов они имеют право; в то время как было бы полезным распространить принцип этого закона на всей территории, подвластной правительству Ост-Индийской компании, [правительством] предписывается следующее:

Использование любого закона или обычая, действующего в настоящее время на территории, находящейся под властью правительства Ост-Индийской компании, {133} в результате которого имело место лишение прав или собственности, или был нанесен любого рода ущерб, или произошло ущемление наследных прав на основании его или ее отступничества, либо исключения из любого религиозного сообщества, либо лишения кастовой принадлежности, должно быть аннулировано, и принято к исполнению в качестве закона в судах Ост-Индийской компании и в судах, утвержденных Королевской хартией на вышеупомянутых территориях».

Этот акт принимался со ссылкой на Бомбейское Административное уложение IV от одна тысяча восемьсот двадцать седьмого года, в котором говорилось, что индийцам (индуистам) не возбраняется использовать термин «каста». Понятие «касты» должно было включать в себя любое ясно очерченное местное сообщество, которое могло регулироваться своими собственными правилами и постановлениями, обусловленными какими-то определенными внутренними целями. В Акте XII от одна тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года, разделе тридцать семь, говорилось, что все вопросы в отношении «каст» «подлежат рассмотрению вместе с теми вопросами, что надлежит разрешать в

¹ Caste Disabilities Removal Act.

соответствии с магометанским законом».¹ И наш указ, таким образом, не должен был оставлять каких-либо сомнений относительно юридических прав обращенных [в христианство] из числа мусульман в Индии. Тем не менее, следующее письмо, которое было напечатано в местной газете города Аллахабада «Лидер» от тридцать первого мая одна тысяча девятьсот двадцать четвертого года, представляет интерес в этой связи, поскольку оно показывает, что в местном штате Бхопал закон об отступничестве до сих пор сохраняет свою силу.²

«Те чувства, что возбуждались, к великому сожалению, непосредственно из Дели, имели отношение к закону о вероотступничестве, который, якобы, был недавно введен в действие в Бхопале, с целью оградить жителей этого штата от движения шуддидов. Всего неделю назад я лично побывал в Бхопале, где провел самое тщательное расследование на предмет появлявшихся в прессе заявлений. Да, действительно, в Бхопале имело место такое явление, которое можно было бы назвать “законом об отступничестве”, но только особо ярые приверженцы местной старины оказались в состоянии откопать его из-под глубокого слоя мирного забвения. Ведь докладывая публике о результатах своих “исследований”, эти люди совершенно очевидно упускают из виду тот бесспорный факт, что закон этот никак не моложе самого нашего государства — и при этом не найти ни единого случая, когда бы он применялся на деле! Весьма прискорбно, что вопросы из каких-то мелкообщинных разногласий начинают обсуждаться на межгосударственном уровне. И особое сожаление вызывает то, что из всех штатов был отмечен именно Бхопал: и за что только ему уделяется так много внимания? Что касается религиозной терпимости, то в этом отношении Бхопал имеет безупречную репутацию. Ведь у нас финансовая помощь выделяется не только мечетям, но также храмам и церквям. Политика, при которой одному религиозному сообществу отдается предпочтение в {134} ущерб другим, является абсолютно чуждой этому штату. Взаимоотношения между индуистами и мусульманами в Бхопале вполне заслуживают того, чтобы мы отмечали их в качестве примера для подражания».

Как уже было отмечено, позиция всех западных правительств по отношению к исламу является одним из наиболее сложных и деликатных вопросов колониальной политики. Когда эта проблема обсуждалась на миссионерской конференции, имевшей место в Эдинбурге в одна тысяча девятьсот десятом году, была принята следующая резолюция, отличавшаяся весьма большой сдержанностью:

¹ Фаиз Бадруддин Тъабджи «Принципы магометанского права», *Principles of Mohammedan Law*, by F.V. Tjabji (Бомбей, 1913 год), стр. 30, 31.

² Если сам Цвемер читал письмо, которое он цитирует, логичность его выводов вызывает вполне резонные сомнения. Это равнозначно обвинению современных российских властей в причинине на основании документов шестнадцатого века. — *Прим. перев.*

«Является не единственным случаем, когда, в попытках подобающим образом оказать внешнее уважение магометанству в регионе, населенном его приверженцами, британским чиновникам приходилось порою “несколько подаваться назад”. Однако Комиссия придерживается мнения, что в Египте, Судане и Северной Нигерии деятельность христианских миссионерских организаций подвергается нарочитым ограничениям, а почтение, оказываемое исламу, является чрезмерным. Посему, надлежит в учтливой форме выразить по этому вопросу протест Британскому правительству».¹

Общая политика западных держав в Африке за последнее время претерпела некоторые изменения, и, кажется, что там, где раньше было принято пестовать магометанство под особой защитой терпимости и нейтралитета, должно что-то измениться. Чрезмерное почтение к исламу не является самой мудрой политикой, даже исходя из чисто мирских правительственных интересов. Можем ли мы надеяться, что после введения новых мандатных полномочий во всех африканских колониях начнет вестись более просвещенная и более благородная политика, гарантирующая не только свободную деятельность миссионерских организаций, но и свободу совести и вероисповедания для тех, кто пожелает принять христианство?² Разве не вправе мы рассчитывать на это более, а не менее?

Как писал доктор Сент-Клэр Тисдалл: «Христианские церкви Британской империи и Соединенных штатов **имеют право требовать**, если уж местные английские власти не желают оказывать помощи в распространении Евангелия, **чтобы этим властям, по крайней мере, не позволялось долее этому препятствовать**, ни мешать благородным и бескорыстным стараниям наших миссионеров, посвятившим свои жизни подчинению последнему повелению нашего Господа,³ и исполняющим свою работу, которая при любых обстоятельствах является достойным испытанием и признается даже {130} нехристианами, и которая всегда приносила самые высокие интеллектуальные, нравственные и духовные результаты».⁴

Позиция правительства Нидерландов по отношению к исламу на территории своих обширных колониальных владений, будучи некогда болезненно нейтральной, но за свою продолжительную историю претерпевшая значительные

¹ Ср. Ж. Дю Плесси «Правительство и ислам в Африке» в сборнике «Мусульманский мир». J. du Plessis, "Government and Islam in Africa," in the *Moslem World*, том. xi, со стр. 2 и далее.

² Ср. со статьей «Британская империя и ислам» в журнале «Восток и Запад» за апрель 1924 г. Article on "The British Empire and Islam" in *The East and the West*, April, 1924.

³ То есть, так называемому «Великому поручению» Иисуса Христа: «И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Евангелие от Марка 16:15-16). Т. ж. ср. от Матфея 28:19-20: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь». — *Прим. перев.*

⁴ У. Ст.-Клэр Тисдалл, «Ислам и национальная ответственность», в сборнике «Мусульманский мир», W. St. Clair Tisdall, "Islam and National Responsibility," in the *Moslem World*, vol. v, стр. 29.

изменения, сегодня представляется в высшей степени идеальной. Уже в одна тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году был обнародован закон, гарантировавший полную религиозную свободу. В переводе его статьи 119, 120, 123 и 124 выглядят следующим образом:

«Статья 119. — Каждому человеку должна быть гарантирована полная свобода выражать его религиозные убеждения, которая может регулироваться лишь вопросами защиты общества и его членов от нарушений основных законов уголовного кодекса.

Статья 120. — Все публичные религиозные мероприятия, проводимые внутри зданий или в огороженных местах, должны быть разрешены, если они не влекут за собою нарушения общественного порядка. На проведение публичных религиозных мероприятий за пределами зданий и в неогороженных местах требуется получение особого разрешения от Правительства.

Статья 123. — Христианские учителя, священнослужители и миссионеры должны обеспечиваться специальным разрешением, которое выдается губернатором колонии или от его имени для их работы в любой определенной части территории Голландской Ост-Индии. Если такое разрешение будет найдено наносящим вред, или же его условия не выполняются, оно может его аннулировано Генерал-губернатором.

Статья 129. — Местные священнослужители, не исповедующие христианскую религию, должны находиться под контролем принцев, правителей, или вождей, в отношении соответствующей религии, которую каждый из них исповедует. Это делается для того, чтобы обеспечить условие, что никакая деятельность, предпринимаемая таковыми священнослужителями, не будет противоречить настоящим постановлениям, а также распоряжениям, отдающимся Генерал-губернатором или от его имени».¹

При таких законах сразу шестнадцать различных [миссионерских] обществ успешно трудятся среди мусульман, и, как мы видели, обращенные там находятся под защитой.

Одною из причин многочисленности обращенных из ислама в Голландской Ост-Индии, является, несомненно, установление более либеральной политики нидерландского правительства в последние годы. Не менее тридцати девяти миллионов подданных в голландских колониях придерживаются магометанского вероисповедания (что составляет одну шестую от общего числа всего населения мусульманского мира). И нет никакого другого правительства, не исключая даже правительство Великобритании, которому бы столь же часто приходилось сталкиваться с {136} мусульманскими проблемами, и время от времени менять свою политику, чтобы выйти из затруднительного положения, чем это приходится делать правительству Нидерландов. Доктор К. Снаук-Ургронье в своей книге

¹ «Договоры, законы и инструкции относительно миссионерской свободы», стр. 80. Treaties, Acts and Regulations Relating to Missionary Freedom, International Missionary Council (Лондон, 1923 год).

«Нидерланды и ислам»¹ поднимает вопрос о причинах, равно как и методах, столь быстрого распространения ислама в Малайзии. Он приходит к заключению, что хотя религиозные мотивы и преобладают в этом явлении, а экономические и социальные факторы играют лишь сопутствующую роль, никто не может объяснить распространение мусульманской веры исключительно на основании проповеди ислама, как это делает, например, доктор Т. У. Арнольд. Нельзя рассматривать его и в качестве принудительного экономического движения, как считают доктор Беккер и итальянский ученый Каэтани. По мнению Ургронье, основным фактором в распространении ислама все же следует считать силу оружия. «Самый главный путь распространения этой веры, согласно букве и духу ее священного закона, можно разглядеть в методах ее насильственной пропаганды. Мусульманский закон рассматривает всех немусульман врагами великой монархии Аллаха, чье противостояние Его власти — которая аккумулируется исключительно в руках мусульман — должно быть сломлено». Рассуждая о мусульманской концепции «дар аль-ислама» и «дар аль-харба»,² доктор Ургронье подвергает критике сэра Уильяма Хантера и других британских политических деятелей за их неспособность понять реальную значимость этого вопроса. Учение о «джихаде» или священной войне, вовсе не основывается на непонимании определенных мест в тексте Корана, как уверяет нас профессор Арнольд, но является учением всех без исключения мусульманских правоведов на протяжении последних веков. «Небольшая группа современных мусульман, настаивающая на том, что ислам должен распространяться исключительно посредством проповеди и убеждения, не в большей степени способна представлять нам учение своей религии, той, в которой они были рождены, чем модернисты способны служить представителями всей Римско-католической церкви».³ Доктор Ургронье соглашается, что младотурки и последователи нового ислама не желают ничего так сильно, как перевести понятие «джихад» в разряд музейных древностей, и, тем не менее, он ясно дает нам понять, что свобода, равенство и братство невозможны для немусульманского населения при сохранении господства ислама.

Переходя к вопросу об отношении голландских колониальных властей к исламу, доктор Ургронье заявляет, что невмешательство по отношению к вопросам догмы и чисто религиозной части юриспруденции является единственной действительно безопасной политикой. Нидерландское правительство не может себе позволить чем-либо препятствовать паломничеству в Мекку, пускай даже простыми распоряжениями, несмотря на всю его политическую и экономическую

¹ Dr. C. Snouck Hurgronje, *Nederland en de Islam* (Лейден, 1911 год), стр. 7, 8, 9, 12, 20 и 60-77.

² В мусульманском праве все страны мира привычно подразделялись на три категории: 1). «Дар Аль-Ислам» («дом мира» или «место ислама») — все мусульманские страны или территории, в которых жизнь людей регулируется шариатом. 2). «Дар Аль-Харб» («дом войны») — все немусульманские страны, противящиеся Божьей воле. 3). «Дар Ас-Сульх» («дом договора») — страны, заключившие при их покорении мусульманами мирный договор. После распада халифата все территории, которыми управляли мусульмане, стали считаться «дар аль-ислам». — *Прим. перев.*

³ *Nederland en de Islam.*

СОТРУДНИКИ ПРЕСВИТЕРИАНСКОГО МИССИОНЕРСКОГО ГОСПИТАЛЯ
В МЕСХЕДЕ, ПЕРСИЯ.

Восемь из сотрудников больничного штата — обращенные из мусульман.

Пагубность. Хотя сумма в пять {130} миллионов флоринов, которая ежегодно тратится на совершение этого паломничества, могло бы найтись лучшее применение. А в отношении мусульманских законов о браке и наследстве возникает еще больше трудностей. Кодификация этих законов неудобна, поскольку многие из них принадлежат еще к древнему средневековью и находятся в прямой оппозиции к современной цивилизации и культуре. Правительству следует, таким образом, позволить этим законам или самим выйти из употребления, или же в процессе эволюции достичь более высоких стандартов. Выступая в защиту политики нейтралитета в отношении мусульманской веры и ее юриспруденции, доктор Ургронье, тем не менее, недвусмысленно заявляет, что в голландских колониях не должно быть места никаким проявлениям панисламизма. Позволяя свободу отправления религиозных обрядов для всех мусульман, правительство, в то же время, обязано противостоять любым идеям установления «всеобщего халифата» с помощью политической силы, равно как и турецким интригам в Малайзии. Любого рода учение о джихаде и халифате должно быть запрещено в мусульманских школах, насколько это возможно.

Трудно себе представить, чтобы голландское правительство, располагающее столь ученым и компетентным защитником политики строгого нейтралитета, [как доктор Ургронье], можно было уличить в лицепрятности; и, однако же, господин Я. Верхувен указывает на некоторые статьи и постановления правительства Нидерландов, которые прямо препятствуют распространению христианства и покровительствуют исламу. Он особо выделяет статью семьдесят первую,¹ согласно которой все гражданские и религиозные дела местного населения в

¹ К сожалению, из текста оригинала неясно, о статье какого документа идет речь. — *Прим. перев.*

каждом селении передаются в ведение тамошнего магометанского духовного лица, что становится помехою для миссионерской деятельности. Верхувен пишет, что на Средней и в особенности Западной Яве, когда отдельные люди или целые семьи проявляли какой-либо интерес к христианскому учению, они раз за разом лишались своей части общинного дохода от собственности деревни, и все на основании этой самой семьдесят первой статьи. Как в случае с одной вдовой, которая была лишена своих законных прав собственности только из-за того, что трое ее детей посещали христианскую церковь. Данное ей официальное объяснение ограничивалось тем, что «ни один христианин не может иметь части земли на территории, принадлежащей мусульманской деревне».¹

{138} Как бы то ни было, в Голландской Ост-Индии существует полная свобода для личности обращенных, и закон о вероотступничестве там давно превратился в мертвую букву. Как было бы здорово, если бы подобную картину можно было наблюдать во всех мусульманских землях!

Различные договоры, акты и постановления, в большей или в меньшей степени обеспечивающие миссионерскую свободу на территории британских колоний в Африке, то есть на территориях Того, Танганьики, Камеруна, Юго-Западной и Южной Африки, распространяют свои условия на значительную часть мусульманского населения. То же самое верно и для французских территорий в Экваториальной Африке, а также для бельгийских и португальских колоний. Почти во всех случаях гарантируется свобода миссионерской деятельности, и как следствие жизнь и свобода новообращенных в христианство из ислама находятся под защитой.²

В то время как все эти договоры и концессии, защищающие права религиозных меньшинств, представляют собою многообещающее свидетельство нового веяния духа терпимости и желания добиваться религиозной свободы, в Африке остаются два больших участка, где само правительство Великобритании еще не декларировало подобных прав ни для миссионеров, ни для обращенных из среды мусульман. Вот что писал один миссионер из Судана в одна тысяча девятьсот двадцать третьем году: «За пределами Хартума и Омдурмана среди мусульман практически не ведется никакой миссионерской работы. На всей территории провинции Донгола, население которой составляет сто пятьдесят тысяч восемьсот сорок девять человек, нет ни одной миссионерской школы. Во время моей последней поездки туда один магометанский купец говорил мне, что может

¹ Ср. *Orgaan der Nederlandsche Zendings Vereeniging*, за февраль 1911 года. В своей статье Я. Верхувен (J. Verhoeven) пишет: "Het vreedzaam voortwerken van de verheven beginselen van CHRISTUS wordt in de binnenlanden van Java her meest bemoeilijkt door Art 71 van ons Regeeringsreglement. waarbij bepaald wordt dat "alle huishoudelijke belangen"—en deze omvatten *alle* maatschappelijke en godsdienstige belangen van den Inlander—moeten geregeld worden door het dorpsbestuur, waarin de Mohammedaansche dorpspriester als zoodanig zitting heeft en vooral door zijne *dagelijksche* inkomsten óók "de eerste viool bespeelt." Het wel en wee van den vreesachtigen Inlander berust in de hand van dit bestuur, dat onmogelijk kan gecontroleerd worden door gebrek aan voldoende aantal betrouwbare Europeesche controleerende ambtenaren. Diep ingrijpend is daarom het verschil in de levensomstandigheden van den bewoner van Particuliere met die van Gouvernementslanden."

² «Договоры, и т. д.», *Treatise, etc.*, стр. 24-27, 42, 64, и так далее.

безвозмездно выделить миссионерам участок земли, если только они решатся открыть там школу. Я, впрочем, уверен, время для этого уже пришло. Находясь среди этого народа, и наблюдая его со стороны, я хорошо знаю, каковы их подлинные чувства к миссионерам. Они готовы доверить им заботу о своих детях, и никоим образом не возражают против того, чтобы их учили христианской вере. Что препятствует нашему входу в этот регион, так это статут (законодательный акт) англо-египетского правительства». ¹ Так что же это за акт?

«Никакой миссии не допускается быть основанной к северу от десятой параллели северной широты ни в одном месте или районе Судана, которые признаются Правительством как мусульманские» («Постановления», Глава XIX, Раздел i). Эти условия сохранились и до сегодняшних дней, однако, сэр Гарри Джонстон, говоря о миссионерской политике правительства, писал еще в одна тысяча девятьсот девятнадцатом году:

«Что касается христианских миссионеров — {130} от всевозможных христианских течений — нам не на что посетовать, за исключением, разве что, Нигерии и Судана. На всей территории тропических африканских колоний христианство в своих умеренных формах достигло огромного прогресса. В то же и время магометанству не оказывалось никаких препятствий или пренебрежения, и его благие элементы, вероятно, лучше всего наблюдаются в Британской Африке и Индии. Как бы то ни было, нам следует решительно отменить те непростительные ограничения в деятельности христианских миссий, которые, как я уверен, до сих пор существуют в Британской Нигерии и Англо-Египетском Судане. Двадцать лет назад или чуть менее считалось, что присутствие и деятельность христианских миссионеров в тех штатах Нигерии, где проживает народность фула, ² а также в регионах Судана, населенных по большей части арабами, могут стать причиной всплесков исламской враждебности и вызвать беспорядки среди местного населения. Подобные страхи были искусственны. В любом случае, сегодня в Африке почти не наблюдается никакой враждебности по отношению к представителям христианской веры, особенно если это белые люди из Европы или Америки. Такие миссионеры

¹ «Вестник основных миссий Египта», Egypt General Mission News, декабрь, 1923.

² Фула (фулани) — народность Западной Африки, численностью примерно пятнадцать миллионов человек. Фула проживают, в основном, в северных, более бедных штатах, где подавляющее большинство населения составляют мусульмане. В конце двадцатого века население Нигерии значительно возросло благодаря многочисленным беженцам из соседних государств, Нигера и Чада, и оценивается в сто двадцать миллионов человек. Несмотря на то, что нигерийцы традиционно являются законодателями мод в Черной Африке, многие африканцы относятся к ним с предубеждением. «Нигерийцам у нас не доверяют, люди их побаиваются, предпочитают не иметь с ними дела, — поясняет дипломат из Кении, страны, с перенятой от Британии системой ценностей, — В Африке их воспринимают примерно так, как на Западе русских». В Нигерии, наряду с Россией и Украиной невыгодно отличающейся от прочих наций ужасающе высокой степенью коррупции, весьма остро стоит вопрос межэтнических отношений, поскольку в стране собрано немало различных народностей. Ислам, нивелирующий межрасовые и межэтнические различия, бросает христианству серьезный вызов в этой сфере. — *Прим. перев.*

обычно связаны с медициною или обладают необходимыми навыками для преподавания в общеобразовательных школах. И мусульмане, как правило, принимают их именно на таких основаниях. Они могут оказывать или не оказывать какого-то влияния на изменение их религиозных взглядов (в том, что касается догмы), но в нравственном отношении они их христианизуют, и являются действенной силою в образовании. Реальное противостояние свободному передвижению миссионеров и их присутствию в этих странах почти целиком обязано тем военным губернаторам, которые были столь дороги сердцу Министерства иностранных дел и Министерства колоний. Эти прежние администраторы, управлявшие Северной Центральной Африкой, невзлюбили христианских миссионеров за то, что те были в основном людьми практичными, получившими хорошее современное образование, и не боялись подвергать критике дурное обращение с местным населением. Они были сведущи в законах и любили свободу. Сегодня настала, наконец, пора вымести прочь весь вздор подобного рода!»¹

Если мы бросим взгляд на крупномасштабную карту Англо-Египетского Судана, то заметим воображаемую линию, которая зовется десятой параллелью северной широты. И кем-то эта невидимая линия предполагается в качестве предела для [проповеди] Евангелия и «границы для Святого Израилева!» Учитывая, что эта граница перекрывает даже доступ медицинским миссиям к мусульманским племенам, которых там насчитывается сотни тысяч, **«вздор подобного рода»**, безусловно, выглядит непростительным.

Сегодня в Египте существует определенная религиозная свобода. Она досталась людям нелегкой ценой.

Этот абзац и два следующих за ним письма рассказывают нам историю {140} о первом «фирмане», указе, относительно религиозной терпимости в Египте, который был проведен в жизнь благодаря правительству Соединенных Штатов Америки в лице их президента Авраама Линкольна в одна тысяча восемьсот шестьдесят первом году.² «Фарис, работавший у миссионеров из Верхнего Египта, рассказывал мне, — говорит доктор Лансинг, — о неприятности с женщиной-коптянкой, которая несколько лет назад была соблазнена одним мусульманином, но которая хотела бы сейчас вернуться к своей прежней вере. Он сказал, что копты очень обеспокоены тем, что ему предстоит обеспечивать ее защиту в этом деле перед правительством. Фарис спрашивал меня, как ему поступить, и я посоветовал ему, что если он может как-нибудь уладить этот вопрос дружеским образом с властями, то должен воспользоваться такой возможностью и сделать все, что в его силах, чтобы помочь этой женщине возвратиться к вере ее отцов; но ему следует

¹ В соответствии с недавним свидетельством миссионеров, и нынешнее правительство [Великобритании] продолжает определенным образом ограничивать работу среди мусульман в Северной Нигерии и препятствовать дальнейшему прогрессу миссий.

² Дж. Лансинг «Князья Египта», *Egypt's Princes*, by G. Lansing. Филадельфия, 1864 год, стр. 322 и стр. 342-343.

быть очень осмотрительным, дабы не скомпрометировать себя и не вовлечь нас в конфликт с властями. Но, как бы то ни было, Фарис явно пренебрег теми советами, что я передал ему в письме, и спустя четыре месяца дело обернулось тем, что он чуть было не лишился своей жизни. Однако же в итоге мы оказались самыми известными людьми в Египте в политическом плане. Каким образом? Об этом рассказывают следующие письма»:

«АВРААМ ЛИНКОЛЬН, Президент Соединенных Штатов Америки,
ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ МОХАММЕДУ САИД-ПАШЕ,
Вице-королю Египта и подвластных территорий и прочая.

БОЛЬШОЙ И ДОБРЫЙ ДРУГ,

Я получил от мистера Тейера, генерального консула Соединенных Штатов в Александрии, полный отчет о том свободном, просвещенном и энергичном слушании [в суде], которое, по его ходатайству, Вы согласились провести, дабы со всею поспешностью и по заслугам покарать те стороны, подданные Вашего высочества в Верхнем Египте, которые были вовлечены в акт жестокого преследования Фариса, агента (представителя) определенных христианских миссионеров в Верхнем Египте.

Умоляю Ваше высочество принять мои уверения в том, что принятые меры, насколько своевременные, настолько и справедливые, будут восприняты в качестве безупречного доказательства как дружелюбия Вашего высочества по отношению к Соединенным Штатам, так и твердости, целостности и мудрости, которыми руководствуется Правительство Вашего высочества.

С пожеланиями всяческого благополучия и успехов,
Оставаясь Вашим добрым другом,
АВРААМ ЛИНКОЛЬН.

Вашингтон, 9 октября, 1861 года.

[Подписано] за Президента: УИЛЬЯМ Х. СЬЮАРД,
Государственный секретарь».

{141} «ДОСТОПОЧТЕННОМУ АВРААМУ ЛИНКОЛЬНУ,
Президенту Соединенных Штатов Америки.

ДОСТОПОЧТЕННЫЙ СЭР И ДРУГ,

Мистер Тейер, генеральный консул Соединенных Штатов в Александрии, представил мне то письмо, которое Вы сооблаговолили мне написать, выражая Ваши чувства удовлетворения за те наказания, которым я подверг некоторые лица, виновные в недобром и жестоком обращении с представителем определенных христианских миссионеров в Верхнем Египте. Мистер Тейер, который, как я имею счастье сообщить, поддерживает со мною самые дружеские отношения, уже выразил мне чувства, испытываемые Вашим Правительством.

В этом деле, достопочтенный сэръ и друг, я лишь исполнил тот закон, которому я всегда старался сохранять приверженность, защищая равным образом, независимо от вероисповедания, всех, кто, следуя своим наклонностям, или по долгу своей службы, оказывается в стране, вверенной моему правлению.

Я глубочайшим образом тронут тою дружелюбною манерою, в которой Вы выразили Ваши чувства, как ко мне, так и к моему правительству, и умоляю Вас, достопочтенный сэръ и друг, принять вместе с настоящим предложением моей благодарности мои искренние пожелания успеха, вечного процветания, и целостности Американскому Союзу, который, как я надеюсь, под Вашим искусным президентством, вскоре увидит конец тех испытаний, что Всемогущему было угодно на него навлечь.

Полностью преданный Вам друг,
МОХАММЕД САИД.

Александрия, 21 ноября 1861 года».

Конечно же, здесь требуется некоторое умение читать между строк, ведь эта корреспонденция носит чисто дипломатический характер. Нужно понимать те условия, в которых находились тогда все копты в Египте, чтобы верно оценить подобные действия. Это был доподлинно первый шаг на пути к свободе религии.

Сегодня Египет пребывает в переходном состоянии. Декларация полной независимости, упразднение множества значимых постов советников из государственных департаментов, борьба между экстремистами и более умеренными партиями на прошедших недавно выборах, неопределенность будущих взаимоотношений между Британией и Египтом: все это явные признаки того, что время для каких-то четких заключений относительно свободы обращенных или свободы совести еще не настало. Тогда как новая конституция {142} страны (Статья 149) декларирует, что «Ислам должен оставаться религией Государства», а новый флаг Египта сохраняет все тот же старый магометанский цвет — зеленый, любой человек имеет все основания поставить под сомнение действительную ценность заявлений, содержащихся в статьях 3, 4, 12, 13 и 14, и считать их не более чем провозвестниками подлинной свободы. Вот что говорится в этих статьях:

«Статья 3: Все египтяне должны быть равны перед законом. Они должны в равной мере обладать гражданскими и политическими правами, и должны в равной степени нести ответственность в отношении общественных повинностей и обязанностей, без какого-либо различия в расе, языке или религии. Лишь одни они [граждане Египта] должны быть допущены к гражданской, военной и общественной службе; иностранцы должны быть допущены лишь в исключительных случаях, которые надлежит определять в соответствии с законом.

Статья 4: Свобода личности должна быть гарантирована.

Статья 12. Должна существовать абсолютная свобода совести.

Статья 13. Государство обязано, согласно установившемуся в Египте обычаю, защищать свободное выражение всех религий или убеждений, на условиях, что не будет допущено нарушения общественного порядка или морали.

Статья 14. Свобода мысли должна быть гарантирована. В рамках, определяемых законом, все лица должны обладать правом на свободное выражение своих взглядов посредством [устной] речи, в письменном виде, посредством рисования или иным образом».¹

Несмотря на то, что закон о вероотступниках, когда речь идет о жизни обращенных [из ислама в христианство] в Египте, не может применяться в обществе и не может быть использован никаким судом, остается еще немало проблем. Адвокат из Каира, магометанин, отвечая на вопрос по этой теме, так выразил свои мысли: «Настоящее законодательство (1923 года) в Египте означает для вероотступников одно: полную свободу. Любой человек может принимать любую религию, какую только пожелает. Не существует никаких местных законов относительно этой сферы, а старые магометанские законы касательно вероотступничества, так же как и в отношении прочих моментов, давно превратились в мертвую букву. То есть, ими давно перестали пользоваться. Многие магометане стали христианами, и они на самом деле читают лекции и наслаждаются всеми своими правами. По своему опыту, я не знаю никого, кто бы пострадал, лишившись собственности, или кого бы оставила жена из-за перемены религии. Последние книги по юриспруденции вообще не содержат в себе упоминания на эту тему». Это заявление весьма оптимистично, оно служит хорошим примером поговорки, когда «желание служит отцом для мысли». Один из коллег этого адвоката, который также является практикующим барристером² в Египте, пишет следующее: «В качестве общего правила, которого правительство Египта неуклонно придерживалось во всех своих {143} недавних постановлениях, магометанскому закону (“Кодексу Ханифи”) надлежит следовать во всем, что касается прав наследования и вопросов личного состояния: браков, разводов, вероотступничества и так далее. От магометанского уголовного кодекса отказались полностью, так же как и от [регулировок] гражданского кодекса относительно обязательств в общих и специальных договорах, например, купля-продажа, аренда и т.д. Что касается вероотступничества как такового, никакого нового правила по этому вопросу нет. Старому закону следуют в том смысле, что был упомянут выше, то есть, в сфере наследования и брака; но никакой приговор не может быть вынесен за вероотступничество как за уголовное преступление, поскольку Египет придерживается недавнего Кодекса о наказаниях (с 1883 года), который в принципе практически слово в слово скопирован с Кодекса о наказаниях Франции. А этот Кодекс никак не наказывает за вероотступничество, и общий принцип современного законодательства в области наказания: “нет наказания, без преступления, определенного законом”, то есть, законом о наказаниях.³ А

¹ «Договоры, Акт и Постановления касательно миссионерских свобод», Treaties, Act and Regulations Relating to Missionary Freedom, стр. 104. International Missionary Council, London, 1923.

² То есть, защитник, выступающий в суде. Барристеры самого высокого ранга имеют право выступать в суде **внутри барьера**, отделяющего судей от подсудимых, они так и называются: «внутренние» барристеры, в отличие от барристеров «внешних». — *Прим. перев.*

³ Либо ошибка в цитировании, либо сам адвокат заблуждается, неточно приводя основополагающую норму римского права и современного права цивилизованных государств:

мусульманин, оставляющий ислам, утрачивает свое право на наследство, потому что в магометанском законе о наследовании ясно говорится: **“Различие в религии служит препятствием в наследовании”**. Однако такой человек не теряет той собственности, которой он обладал к моменту своего вероотступничества. Магометанский закон о браке остается здесь в силе и по сей день, и женщина-магометанка, оказавшись супругою отступника, имеет право на развод, разве что она сама не перейдет в христианство. Магометанский закон позволяет магометанину взять замуж женщину-христианку, но не позволяет женщине-магометанке выйти замуж за немагометанина».

Лишь когда эти несовершенства в области гражданского законодательства будут устранены особым указом, в Египте наконец-то установится свобода и равенство для людей, обращенных в христианство из среды мусульман.

А если обратиться к Турции, то вся история с установлением здесь веротерпимости представляет собою сплошные нарушения данных когда-то обещаний. Начнем с того, что еще в одна тысяча четыреста пятьдесят третьем году, когда войско Мохаммеда II осаждало Константинополь, он издал специальный эдикт относительно веротерпимости. В этом эдикте были особо оговорены права христианских священников и вообще христиан касательно неприкосновенности их жизни и жилища. Предусматривались там и различные свободы: торговли и т.п. В тысяча восемьсот пятьдесят шестом году знаменитым «Хатти Гумайюном» было заявлено, что «Никто не может быть потревожен и никому не следует досаждать на основании того, какую религию он исповедует. Поклонение и служение во всех религиях и толках, существующих в Турции, будет практиковаться со всею свободою, и никому не должно делаться помех в отправлении той религии, которую он исповедует. Любая из религиозных общин располагает свободою организовывать свои школы по своему усмотрению, с тем лишь условием, что выбор учителей для них и методы преподавания должны быть доступны инспектированию правительством, и находиться под его контролем». На Берлинском конгрессе в одна тысяча восемьсот семьдесят восьмом году комиссионер от Турции торжественно декларировал, что «на всем протяжении {141} [Оттоманской] Империи самые различные религии исповедуются миллионами человек из числа подданных султана, и ни одному из них не досаждают ни относительно его верований, ни в том, каким образом он привык отправлять свои религиозные потребности. Имперское правительство исполнено решимости и далее придерживаться сего принципа [религиозной свободы] во всей его силе, придавая ему ту полноту смысла, каковая в нем подразумевается».

Несмотря на все эти постановления, на деле ситуация в Турции с религиозными свободами, в плане того, как она складывается в отношении миссионеров и свободы совести, находится в прямом противоречии со сделанными заявлениями. Один из миссионеров писал в тысяча девятьсот четвертом году:

Nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege, nullum crimen sine poena legali. «Нет преступления без наказания, нет наказания без закона, нет **преступления** без определенного законом наказания». Возможно, это ошибка доктора Цвемера, который, подобно многим людям, не понимает, что если в законе отсутствует наказание за какое-либо деяние, будь то вероотступничество или присвоение чужой лепешки хлеба, то такое деяние автоматически **не является** преступлением. — *Прим. перев.*

«Жизнь подтверждает, что все те реформы, о которых было заявлено в тысяча восемьсот девяносто седьмом году, полностью провалились, и даже в самом отдаленном смысле понятие “статус кво” ими не затрагивалось. Повсюду миссионерам отказывается в выдаче разрешений на совершение поездок, торговцев книгами вразнос арестовывают, а зачастую и бросают в тюрьмы. Без официального позволения со стороны властей не построить никакого здания для нужд христиан, а на получение этих разрешений порой уходят годы. Везде практикуется самая строгая цензура для любого рода прессы. В образовательной сфере миссионерам чинятся препятствия всевозможного рода». Даже в своей медицинской деятельности мы встречаем массу ограничений, для наших людей требуют получения особых разрешений, да еще, чтобы все они сдавали заранее экзамены. За время правления Абдул Гамида в Турции не существовало ни свободы слова, ни свободы прессы. Человеку, обращавшемуся из ислама в христианство, был один путь — бежать из страны, иначе его просто убивали. «О турецкой цензуре, просто изгалявшейся над прессой, написано уже так много историй, что из них вполне можно было бы собрать солидный том для издания в формате ин-кварти. Американское Библейское общество как-то раз издало обновленное собрание Священного Писания на турецком языке, так особо рьяный цензор потребовал, чтобы были опущены следующие куски из Книги Притчей: iv. 14-17; vi. 16-19; xix. 29; xx. 21; xxi. 7; xxii. 28; xxiv. 15, 16; xxvi. 26. Дескать, они уж слишком откровенно указывают на положение дел в сегодняшней Турции! Потребовалось немало усилий, чтобы убедить этого цензора, что право издавать в Турции Слово Божие было специально предусмотрено мирным договором. Редактор еженедельной газеты религиозного характера “Аведапер” задумал опубликовать серию статей на эсхатологические темы, так ему запретили использовать в них слово “миллениум”,¹ поскольку иначе читателям могло показаться, что может существовать более благословенный период, чем правление Абдула Гамида II!»²

Уже после революции в обществе возникло немало надежд о начинающемся рассвете «свободы, справедливости, равенства и братства». Эти слова можно было

¹ Тысячелетие (*лат.*).

² *Missionary Review of the World*, октябрь 1904 года. Статья «О нормальном положении дел в Турции».

МИРЗА, лидер небольшой общины персидских христиан, перешедших из ислама. За свою веру ему пришлось немало пострадать, он был брошен в тюрьму за то, что пытался обратить в христианство других мусульман. На представленной здесь фотографии он изображен рядом с полицейским (слева на снимке), который сопровождает Мирзу, высылаемого из города. Местное правительство освободило его из тюрьмы на условии, что он немедленно покинет их провинцию. Однако спустя четыре месяца он вернулся обратно, и до сих пор трудится там в качестве проповедника Евангелия.¹

ШЕЙХ АБДАЛЛА, сириец, обращенный из ислама в христианство. Этот человек был долго связан с «Найл Мишн Пресс», он являлся автором ряда книг и буклетов, написанных для мусульман. В их числе: «Мое паломничество в Мекку». Он умер в Каире в 1916 году.

{145} видеть повсюду, вышитыми на знаменах. Толпы людей на улицах Константинополя носили их на нарукавных повязках. Внезапно можно было наблюдать всплеск дружелюбия и даже настоящей сердечности между мусульманами и христианами. Лондонская газета «Таймс» за двадцать первое

¹ Если это тот самый «мирза Ибрахим», о котором повествует доктор Роберт Спир на стр. 150 печатного оригинала, то он погиб в Тебризе в мае тысяча восемьсот девяносто третьего года. — *Прим. перев.*

августа одна тысяча девятьсот восьмого года в таких красках описывала празднование [произошедшей в Турции] революции на улицах Бейрута:

«Вновь и вновь поднимавшиеся на трибуну ораторы-мусульмане приветствовали собравшихся христиан словами, “Эс-салам алейкум, йя ахвати!” — “Мир вам, о, братья!” Столько же лет не слышали христиане этого приветствия от мусульман! Ну, разве что звучало оно лишь порою из уст наиболее либеральных и просвещенных. В одном месте на улице бросалась в глаза огромная надпись, превосходно отражавшая дух ого времени: рядом, бок о бок, шли разные строки из Корана и Библии. “Спасение от Бога, и победа близка”, “Начало мудрости — страх Господень”.¹ Затем шла совсем сентиментальная надпись, наверное, такие слова никогда в истории вообще еще не произносились: “**Да здравствует мусульманско-христианское братство!**” Прямо под нею другая надпись гласила: “**Да здравствует свобода!**” Было практически невозможно верить своим собственным глазам и ушам! Более того, во многих местах на протяжении всего дня мы становились свидетелями того, как народ, завидев где-нибудь черную рясу христианского священника и белый тюрбан мусульманина, немедленно подталкивал одного к другому, а далее следовали поистине братские объятия и поцелуи! ... В то воскресенье самая большая и наиболее примечательная демонстрация состоялась в армянской церкви. Процессия оттуда двинулась между несколькими базарами. В шествии принимал участие сам командующий войсками, наряду с военным оркестром. Епископ армянской церкви, множество священников, а рядом еще больше — мусульман, спешили произнести друг другу слова, выражавшие подлинно братские чувства. Все сокрушались из-за тех ужасных событий в Армении, что отмечали предыдущее правление, и от всей души приветствовали наступление новой эры, где ожидалось воцарение свободы, равенства и братства, которые были призваны навечно покончить с так называемым армянским вопросом».

Однако же армянский вопрос так и не был урегулирован. Уже после [турецкой] революции произошла трагедия в Адане; да и после событий в Адане массовые убийства и депортации более чем миллиона армян во [внутренние районы] Турции служат не просто мрачным, но прямо-таки отвратительным комментарием к утверждениям властей о свободе и равенстве. Вместе с Фрименом в его «Истории сарацинов» мы волей-неволей приходим к следующему заключению:

¹ Сура 61:13: «...Помощь от Аллаха и близкая победа». *Сравните:* Псалом 36:39: «От Господа спасение праведникам, Он — защита их во время скорби». Псалом 110:10: «Начало мудрости — страх Господень». *Так же,* Притчи 1:7, 9:10. Возможно, следует пояснить, что Бейрут издавна являлся городом, в котором очень значительная часть жителей, даже арабов, исповедовала, пускай и чисто формальное, христианство. Мусульмане и христиане до сих пор живут там в разных кварталах. Обострение межрелигиозных противоречий, вызванное арабо-израильскими конфликтами второй половины двадцатого века, привело к затяжной гражданской войне и совершенному разрушению некогда цветущего города. — *Прим. перев.*

«Для тех людей, что надеются, что в будущем магометанское государство может стать веротерпимым и цивилизованным без того, чтобы не перестать быть магометанским государством, я вновь приведу лишь один единственный пример Великого Могола. Если Турции европейской — или Турции азиатской — как вам угодно — и доведется быть реформированной изнутри, без какого-либо {146} принуждения к реформам со стороны ее друзей или врагов, судьба Акбара должна послужить при этом путеводною звездю. Пусть каждый отдельный магометанин станет обладателем полностью равных прав с каждым отдельным христианином, но нельзя ни в коем случае допускать, чтобы этот христианин обязывался признавать магометанина своим хозяином и сувереном. И до той поры, пока правительство будет оставаться магометанским, нетерпимость в Турции никуда не исчезнет; и Турция так и будет оставаться той страню, которую лишь внутренняя слабость удерживает от навязывания другим государствам старого выбора: “Коран, дань или меч!”»¹

Ни во время [первой] мировой войны, ни после прекращения военных действий ничто в Турции даже отчасти не напоминало об установлении свободы вероисповедания или свободы совести. Депортации, массовые убийства и резня, изнасилования и грабежи — какая может быть связь всего этого с равенством или братством?

Правительство националистов во главе с Мустафой Кемалем располагает теперь Конституционной ассамблеей, в Турции образована своего рода республика, однако ислам по-прежнему остается государственной религией. А, судя по появлению в печати различных религиозных «фетв», турки ясно дают всем понять, что для них мусульманские законы остаются более значимыми, чем любого рода конституция.² Двадцатого апреля одна тысяча девятьсот двадцатого года газета националистического толка, выпускаемая в Бурсе, разместила на своих страницах заявление в отношении долга каждого из турецких националистов, с соответствующими цитатами из Корана. В этом документе излагались следующие принципы:

«1. Является ли долгом для всех мусульман поднять оружие на защиту халифа в то время, когда халифский трон занят врагом, когда у султана отобраны все средства обороны, так что он не в состоянии доле защищать подлинные интересы нации (государства), а в столице утверждены военно-полевые суды согласно британскому законодательству?
Ответ: Да!

¹ Фримен, «История и завоевания сарацинов», Freeman, History and Conquests of the Saracens, стр. 203.

² Точно так же обстояли дела и перед упразднением [турецкого] халифата и изгнанием халифа. Обеспечит ли нынешнее националистическое правительство свободу речи и вероисповедования религиозным меньшинствам, остается открытым вопросом.

2. Могут ли быть те, кто примет участие в борьбе с врагом, заклеены как враги своей страны и ее религии? Ответ: Нет!

3. Будут ли являться ли те, кто сложит жизнь в подобного рода борьбе, “мучениками” (“шухида”), а те, кто выживут — “победителями” (“гази”)? Ответ: Да!

4. Обязывает ли всех мусульман Священный Закон помогать в борьбе с врагом при подобных обстоятельствах? Ответ: Да!

{147} 5. Могут ли “фетвы”, издаваемые тем правительством, что находится под влиянием врага, обязывать к чему-нибудь мусульман согласно Священному Закону? Ответ: Нет!»

Недавние постановления относительно иностранцев в Турции, равно как и запрет на преподавание христианского учения детям-мусульманам в миссионерских школах никак не могут означать большей степени свободы при нынешнем Исламском националистическом правительстве. Наоборот, скорее, это возрождение старого духа.¹

Если бы люди могли обращаться к своим конституционным правам и к тем обещаниям, что были сделаны на бумаге, тогда бы для христианских меньшинств в этой стране еще оставалась надежда. Но с какого это времени турки стали заботиться о каких-то «клочках бумаги»?

Самым последним из всех официальных документов, в которых Турция заверяет остальной мир, что она будет уважать права меньшинств и предоставит свободу исповедания религии всем своим подданным, является мирный договор, подписанный в Лозанне, двадцать четвертого июля одна тысяча девятьсот двадцать третьего года. Нижеследующие статьи были специально призваны защитить права меньшинств:

«Ст. 37. — Турция принимает на себя обязательство рассматривать положения, содержащиеся в статьях с 38-й по 44-ю [настоящего договора] в качестве основополагающих законов, так что никакой закон, никакое постановление и никакое действие властей не должны будут противоречить этим положениям либо исказить их смысл, и никакой закон, никакое постановление и никакое действие властей не должны превалировать над этими положениями.

Ст. 38. — Турецкое правительство принимает на себя обязательство обеспечить полную и совершенную защиту жизни и свободы всем, живущим в Турции, без различия в отношении их рождения, государственной принадлежности, языка, расы или религии. Все жители Турции должны быть наделены свободой выражать, публично или частным образом, любого рода вероисповедание, религию или верование, соблюдение которых не должно быть несовместимым с сохранением общественного порядка либо надлежащей морали. Немусульманские меньшинства будут пользоваться полной свободой передвижения и правом

¹ См. статью Джеймса Бартона «О нынешнем состоянии миссионерской и образовательной работы в Турции» (James L. Barton on "The Present Status of Missionary and Educational Work in Turkey") в журнале *Homiletic Review* за январь 1924 года.

эмигрировать на всей или части территории [Турции], в зависимости от мер, применяемых [без различия] ко всем гражданам Турции, каковые могут быть предприняты турецким правительством для обороны государства или в целях поддержания общественного порядка.

Ст. 39. — Турецкие граждане, принадлежащие к немусульманским меньшинствам, будут обладать теми же гражданскими и политическими правами, что и мусульмане. Все жители Турции, без различия относительно религии, должны быть равны перед законом. Различия относительно религии, вероисповедания либо конфессии не должны порождать лицеприятие в отношении любого из турецких граждан в вопросах, касающихся обладанием гражданскими либо политическими правами, как, например, {148} право быть допущенным к общественным занятиям, функциям и почестям, либо право заниматься какой-либо профессией или трудом. Никакого рода запретов не должно налагаться на свободное использование любым турецким гражданином любого языка в частной беседе, в коммерческой деятельности, в религии, в прессе или в публикациях любого рода, либо в общественных собраниях. Независимо от существования официального языка, турецким гражданам, [являющимся носителями] нетурецкого языка, должны быть обеспечены равные возможности для использования своего языка в устных выступлениях перед судами».¹

Мы располагаем информацией из достоверного источника о том, что в Лозанне генерал Исмет-паша, председатель турецкого правительства, являвшийся одновременно министром иностранных дел Турции, заявлял послу [Соединенных Штатов] Чайлду, равно как и представителям Американского совета. Он убеждал, что они (турки) желают видеть американских миссионеров, учителей и врачей и далее пребывающими в их стране, выполняющими свою работу, как было и прежде. При этом турецкий лидер зашел так далеко, что даже отважился написать: «Я превыше всего надеюсь, что у американцев не возникнет никакой нужды проявлять беспокойство о будущем их организаций образовательного и филантропического характера в Турции. Мы хотим, чтобы все эти организации оставались и впредь, и не имеем ни малейшего намерения принимать какие-либо законы, которые могли бы чем-нибудь затрагивать дальнейшее продолжение столь уважаемой нами альтруистической деятельности американцев среди нашего народа». Подобного рода чувства были выражены и доктором Фуад-беем, который еще не так давно являлся неофициальным представителем Турции в Соединенных Штатах.

Отказ от уступок, на которые [Турция] согласилась при капитуляции, является довольно зловещим знаменем. Впрочем, с другой стороны, новое турецкое правительство сделало шаг вперед и в упразднении халифата, как религиозного института. Вот что говорит доктор Джеймс Л. Бартон:²

¹ «Договоры и т.д.», *Treaties, etc.*, стр. 97 и 98.

² «Проблема Турции, каковой она видится Американскому совету», стр. 8, 9, 10. Бостон, 1922 год.

«Является практически невозможным оценить тот вклад, что принесло с собою отделение церкви¹ от государства. Благодаря этому отделению исламский религиозный истеблишмент возглавляется халифом в Константинополе, но все государственные дела отныне управляются из нового центра Турции — Большим национальным собранием в Ангоре (Анкаре). Турки неоднократно уверяли нас в Лозанне, что церковь и государство теперь отделены друг от друга, и в Турции установилась абсолютная религиозная свобода. Правда, довольно трудно поверить, что подобное фундаментальное и даже революционное изменение оказалось возможным осуществить практически без какого-либо переходного периода, возможно, даже долгого. Тем не менее, сама попытка является событием огромного значения, которое должно говорить уже само за себя.

Результаты всей нашей работы в Турции оказались полностью сметены метлою {149} разрушения, но уже теперь мы в состоянии увидеть приметы новой жизни и новой власти, а также новых возможностей, о которых прежде даже не задумывались. Мы, разумеется, не пытаемся объяснить тот промысел Божий, благодаря которому стали осуществимы нынешние политические условия, поскольку промысел этот находится за пределами человеческого понимания.

Мы обращаемся к истории, в которой находим воодушевляющие нас примеры, равно как и обетования, на которых зиждется наша надежда. Мы просим духовного оружия у Бога, Который является Богом миссий, и ждем приказаний от нашего Господа Иисуса Христа, чтобы вновь выступить в поход.

“Видимое временно, а невидимое вечно”».²

Даже краткая история конституционного правления в Персии предлагает нам достаточно иллюстраций тех трудностей, с которыми старые магометанские законы пытались примириться с новыми условиями. Тем не менее, каждый новый шаг являлся там безусловным прогрессом на пути к свободе. Когда новая конституция была написана и подготовлена для ее принятия, государственные лидеры решили предварить документ вступительной статьей, в которой однозначно признавалось верховенство исламских религиозных законов в том виде, в каком они содержатся в Коране и в комментариях имама Джаффара. С подобным же успехом можно было бы увязать вместе иудейский Талмуд и Конституцию Соединенных Штатов Америки, предусмотрев, что Талмуд обладает по отношению к ней верховенством, и все его постулаты — нерушимы. Впрочем, логика, заставившая предварить конституцию Ирана подобной статьей, вполне объяснима. Благодаря этой преамбуле власти надеялись добиться поддержки мулл и консервативной партии. Однако, как оказалось, применение старого уголовного

¹ Как видно из текста, здесь доктор Бартон называет «церковью» религиозные институты ислама. — *Прим. перев.*

² 2 Послание Коринфянам 4:17-18: «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: **ибо видимое временно, а невидимое вечно**». — *Прим. перев.*

законодательства и закона против вероотступничества в Иране стало просто невозможным по причине быстрого распространения современного образования, и проникновения в массы западного мышления. Препятствия, отмеченные полнейшей религиозной нетерпимостью, как уверяют нас миссионеры, безвозвратно канули в лету:

«В одна тысяча восемьсот двенадцатом году персидские мальчишки при встрече на улицах начинали забрасывать Генри Мартина камнями, так что он стал всерьез опасаться за свою жизнь. Целая комната седобородых мулл, после того как они сами согласились провести с ним дружественный диспут на религиозные темы, быстро утратила свою степенность и чисто церковное достоинство и превратилась в озверевшую толпу, готовую разорвать миссионера на куски. И подобного рода вещи могли вполне случиться в Персии еще каких-нибудь два десятка лет назад. Исламский закон по-прежнему запрещает вступать в близкие отношения с неверными, по-прежнему требует убивать всякого, кто рискнет покинуть ряды магометан. По-прежнему он запрещает писать картины, как и любого рода искусство. Тем не менее, в тысяча девятьсот двадцать третьем году пара миссионеров оказывается в состоянии часами открыто дискутировать с седобородым муллою, одним из {150} ведущих религиозных лидеров своего города, причем они обнаруживают, что их собеседник серьезно интересуется Христом, как Спасителем мира. Эта беседа проходила в доме перса, занимающего весьма высокое положение, причем хозяин был широко известен как крещеный христианин, верующий в Иисуса Христа. На протяжении их разговора перед старым муллою на стене висела большая картина, изображающая нашего Господа, готового исцелить подходящего к Нему человека».

Доктор Роберт Э. Спир рассказывает нам историю мирзы Ибрахима, магометанина из Хоя, который принародно прошел обряд крещения в одна тысяча восемьсот девяностом году. Решению этого человека креститься не смогли помешать ни всевозможные попытки отговорить его, ни подкуп со стороны мулл, ни расставание с женою и детьми, ни потеря всей его собственности, в соответствии с мусульманским законом о вероотступничестве. Пытаясь проповедовать Христа, он был схвачен полицией и представлен на суд губернатору. Тот приказал бить мирзу Ибрахима, но, стоя под градом оскорблений, отважный христианин с сияющим лицом заявил: «Так ведь и моего Спасителя били!» После непродолжительного тюремного заключения его выпустили на свет Божий, но лишь за тем, чтобы отослать в Тебриз. Когда отступника выводили из темницы, мирза Ибрахим торжественно обратился к своим сокамерникам, чтобы те засвидетельствовали, что он «свободен от их крови», на тот случай, если они решатся отринуть путь жизни. Тогда «...все узники, как один, с тяжелыми цепями на своих шеях, поднялись на ноги, чтобы пожелать ему счастливого пути: “Иди с миром!” И вознесли молитвы, “чтобы его Бог и Спаситель, на которого [мирза Ибрахим] полагается, смог защитить его”. Один из мусульман, офицер стражи, призванный стеречь арестованного мирзу Ибрагима,

насмотревшись на него, рассказывал толпе магометан, собравшейся во дворе: “Вот ведь удивительный человек! Он бесстрашен, подобно льву. Один мулла только что попытался убедить его в его заблуждениях, так у него на все сыскался ответ. Так что пришлось этому мулле убираться домой, несолоно хлебавши! Так и ушел, понурился голову. А этот уверяет всех, что Мухаммед никакой не пророк, и пока они не сумеют ему доказать по Священным Книгам, что он — пророк, Ибрахим не прекратит верить в Христа, даже если ему отрежут голову!” Последней его просьбою, когда его отправляли в путь в главный город провинции, было: “Молитесь за меня, чтоб я смог стать свидетелем Христовым для как можно большего числа людей, для моих соотечественников! Я не испытываю никакого страха, хотя хорошо знаю, что мне суждено погибнуть”. В Тебризе его бросили в одну из самых мрачных камер и приковали цепями к самым злейшим преступникам. Там его били, не раз оглушали ударами, сорвали с него все одежды, и даже не давали ему никакой подстилки. Однажды ночью, когда он как обычно свидетельствовал о Христе перед своими сокамерниками, на него набросились стражники, навалились, и сначала пинали ногами, а потом по очереди стали его душить. В итоге горло у него так сильно распухло, что он с трудом мог глотать или говорить, и в воскресенье, четырнадцатого мая одна тысяча восемьсот девяносто третьего года, несчастный страдалец скончался, не сумев оправиться от полученных в темнице увечий. Когда о его смерти донесли кронпринцу (эмиру), правитель поинтересовался: “А как он умер?” На что последовал ответ {151} тюремщика: “Он умер, как христианин!”» Вот уж, воистину, мы видим, как «занимается заря совершенно нового дня!»

Однако ныне в священном для мусульман Мешхеде, некогда столь же славном, как сама Мекка, и по сей день еще хранящем «славу мира шиизма», располагается миссионерская организация наряду с большой больницей. Там обращенные из ислама в христианство несут свое служение окружающим их людям, проявляя к ним на деле милость и сострадание Иисуса Христа, нашего Господа. И в столице Персии, и во многих других городах уже имели место случаи прилюдных крещений. А те изменения, что произошли в Тебризе, являются даже более примечательными. Мы уже начинаем угадывать в этой стране все признаки поспевающего урожая. Как-то раз там даже побили магометан за то, что они решились посетить [христианские] воскресные службы.¹ В тысяча восемьсот девяносто втором году правительство приказало закрыть двери тамошней церкви и [миссионерской] школы под предлогом, что под зданием церкви якобы находился водный резервуар, в котором могли совершаться водные крещения обращенных из ислама. Когда эти здания вновь открылись для посетителей, правительство запретило мусульманским женщинам и детям посещать школу или церковь. Сегодня же в этом городе установилась полная свобода [религии]. Мусульманские газеты критикуют мусульманских церковников, и один из ведущих редакторов газет признался доктору Спиру, что в Персии не было никаких надежд на улучшение ситуации, пока власть ислама не пошатнулась. Новая конституция, со слов одного из самых приметных христиан, обращенных из магометанства, явилась

¹ Из английского текста не совсем ясно, побили ли их христиане, или они были приговорены к битью палками за посещение христианских богослужений. — *Прим. перев.*

«...сильнейшим ударом по уже шатающимся стенам ислама. Я свободно заявляю, что ислам и дух конституционного правительства остаются навечно несовместимыми».¹ В Исфагане недавно сразу тринадцать мусульман прошли принародный обряд водного крещения, причем не было даже намеков на их преследование. Персия вполне может оказаться первой мусульманской страной, где свобода совести и свобода слова смогут внести свой вклад в развитие совершенно новой нации.

Мандат² Франции на управление Сирией и Ливаном, от двадцать четвертого июля одна тысяча девятьсот двадцать второго года, включает в себя «полную свободу совести и свободное отправление любых форм [религиозного] поклонения» (Статья 8).³ Очень сомнительно, чтобы {152} эти обычные для такого рода документов условия делались с целью укрепления прежде существовавшего мусульманского закона в отношении личности и прав собственности, однако в самом мандате никак не был оговорен возможный переход мусульман в христианское сообщество, ни права тех, кто подобным образом переходит [в иную веру]. Трудности, встречаемые нами в Палестине, Сирии или Месопотамии, конечно же, гораздо серьезнее, чем те, что можно ожидать где-нибудь на Филиппинских островах, однако каждому хотелось бы видеть, что условия для этих стран оговорены тем же четким и исключаяющим ошибки языком, который можно встретить в словах Статьи 3 Акта Конгресса Соединенных Штатов Америки от двадцать девятого августа одна тысяча девятьсот шестнадцатого года. **(Именно этим Актом оговариваются условия существования более чем четырехсот тысяч мусульман, проживающих на Филиппинских островах).**

«...что не должен издаваться никакой закон, ограничивающий свободу слова, свободу прессы, или право народа мирно собираться и подавать петиции правительству с целью каких-либо исправлений или жалоб. Не должен издаваться никакой закон относительно утверждения

¹ «Отчет по Индии и Персии» Роберта Спира и Рассела Картера. Совет иностранных миссий Пресвитерианской Церкви, США, 1922 год. *Report on India and Persia*. By Robert E. Speer and Russell Carter.

² После победы в первой мировой войне страны Антанты разделили бывшие колонии побежденных государств между собою. Бывшие владения Турции на Ближнем Востоке получили статус «подмандатных территорий», где оккупировавшие их Франция и Великобритания являлись «держателями мандатов». Все основные вопросы управления этими территориями оговаривались в специальных документах, «мандатах». — *Прим. перев.*

³ Этот документ гласит: "Le Mandataire garantira a toute personne la plus complète liberté de conscience ainsi que le libre exercice de toutes les formes de culte compatibles avec l'ordre public et les bonnes moeurs. Il n'y aura inégalité de traitement entre les habitants de la Syrie et du Liban du fait des différences de race de religion ou de langue.

"Le Mandataire développera l'instruction publique donnée au moyen des langues indigènes en usage sur les territoires de la Syrie et du Liban.

"Il no sera porté aucune atteinte au droit des communautés de conserver leurs écoles en vue de l'instruction et de l'éducation de leurs membres dans leur propre langue à condition de se conformer aux prescriptions générales sur l'instruction publique édictée par l'administration."

религии либо запрещения свободного исповедования таковой, а свободное исповедование религии и отправление религиозных обрядов и [бого]служений, без какой-либо дискриминации или предпочтения, должно быть постоянно допущено; и никакой проверки религиозного характера не должно требоваться для отправления [человеком его] гражданских или политических прав. Никакие общественные денежные средства или собственность никогда не должны присваиваться, применяться, жертвоваться или использоваться, прямо либо косвенно, с целью обеспечения использования, дохода или поддержки любого рода секты, церкви, деноминации, наставления в учении секты или в религиозной системе, ни с целью обеспечения использования, дохода или поддержки любого рода священника, проповедника, служителя или иного рода религиозного учителя или сановника как таковых. Заключение полигамных или множественных браков настоящим документом запрещается. Никакой закон не должен быть истолкован в качестве разрешающего полигамные или множественные браки...»¹

Египту и Сирии предстоит еще долгий путь, прежде чем подобного рода указ сможет появиться на страницах их статутов, в числе прочих законодательных актов этих государств, или будет издан там в качестве отдельного закона.

В Мандате на управление Палестиной говорится, в Статье 15: «Держатель настоящего Мандата {153} обязуется следить, чтобы полная свобода совести, и свободное отправление всех форм [бого]служений, каковое может руководствоваться лишь вопросами поддержания общественного порядка и морали, было обеспечено всем. Никакой дискриминации по какому-либо признаку не должно осуществляться в отношении жителей Палестины на основании расы, религии или языка. Никакой человек не должен быть изгнан из Палестины на единственном основании его религиозных убеждений». Однако в Статье 52 мы читаем:

«Мусульманские религиозные суды должны обладать исключительной юрисдикцией по отношению к личному состоянию [дел] мусульман в соответствии с условиями Процессуального закона о Мусульманских религиозных судах от двадцать пятого октября одна тысяча триста тридцать третьего года после хиджры, в соответствии с вносимыми

В статье X говорится: "Le Contrôle exercé par le Mandataire sur les missions religieuses en Syrie et au Liban se bornera au maintien de l'ordre public et de la bonne administration; aucune atteinte ne sera portée à la libre activité des dites missions religieuses.

"Les membres de ces missions ne seront l'objet d'aucune mesure restrictive au fait de leur nationalité, pourvu que leur activité ne sorte pas du domaine religieux.

"Les missions religieuses pourront également s'occuper d'œuvres d'instruction et d'assistance publique sous réserve du droit général de réglementation et de Contrôle du Mandataire ou des Gouvernements locaux en matière d'éducation d'instruction et d'assistance publique." — *Correspondance d'Orient* — октябрь 1923 года, Париж.

¹ «Договоры, акты, указы и т.д.», стр. 82.

любым указом или правилом поправками. Также они должны обладать, в соответствии с условиями любого указа или Постановления от двадцатого декабря одна тысяча девятьсот двадцать первого года, которым учреждается Верховный Совет по мусульманским религиозным делам, или в соответствии с любыми постановлениями, содержащими в себе поправки касательно этого вопроса, исключительной юрисдикцией в делах совместного или внутреннего управления вакфом,¹ учрежденным на благо мусульман перед каким-либо Мусульманским религиозным судом. Апелляции должны направляться от кади такого суда в Апелляционный мусульманский религиозный суд, чье решение по делу должно считаться окончательным».

Здесь предусматриваются различные условия, оговаривающие возможность апелляции к Верховному Судье, однако же, относительно мусульманских законов, нам хотелось бы видеть вполне определенное условие, четко обуславливающее случаи с вероотступниками [из ислама], исключительно для того, чтобы положения Статьи 83 не оказались не более чем мертвой буквою. Ведь в этой статье мы читаем, что «всем лицам в Палестине должна быть обеспечена полная свобода совести».²

Все дело в том, что те трудности, с которыми сталкивается новообращенный из ислама в христианство в Палестине, никак не могли исчезнуть сразу только благодаря установлению британского мандата. Честно говоря, в каких-то отношениях они даже увеличились. Вот как описывает реальное положение вещей преподобный А. Дж. Мортимер из Наблуса:³

«Каковы же наши сегодняшние перспективы в Палестине по завоеванию новых обращенных из ислама? Стало ли легче для мусульманина перейти в христианство при управлении на условиях британского мандата, чем это было прежде, при турецком режиме? Является ли применяемое ныне законодательство старым, оттоманским, или новым британским, и если британским, то установилась ли в Палестине полная свобода религии? Однако те законы, что применяются у нас на деле, не являются ни полностью оттоманскими, ни полностью британскими, здешнее законодательство представляет собою некий симбиоз {154} этих

¹ Вакф («вакуф») — движимое и недвижимое имущество, все, что может приносить доход, подаренное мусульманским религиозным организациям с благотворительной целью. По шариату вакуфные имущества пользовались исключительными привилегиями. Они освобождались от всех государственных сборов и повинностей, конфискаций и иных посягательств. Право вакфа юридически закрепляло за мусульманской «церковью» ее положение как крупного собственника и феодала. Оно разрешало также мусульманскому духовенству поддерживать на вакуфных землях самые варварские формы эксплуатации работавших на них крестьян.

² См. «Договоры, акты и постановления, имеющие отношение к свободе миссионерской деятельности». *Treaties, Acts and Regulations Relating to Missionary Freedom*. Международный миссионерский совет, Лондон, 1923 год, стр. 21-24.

³ «Обзор миссий Церкви», *Church Missionary Outlook*, 1923 год.

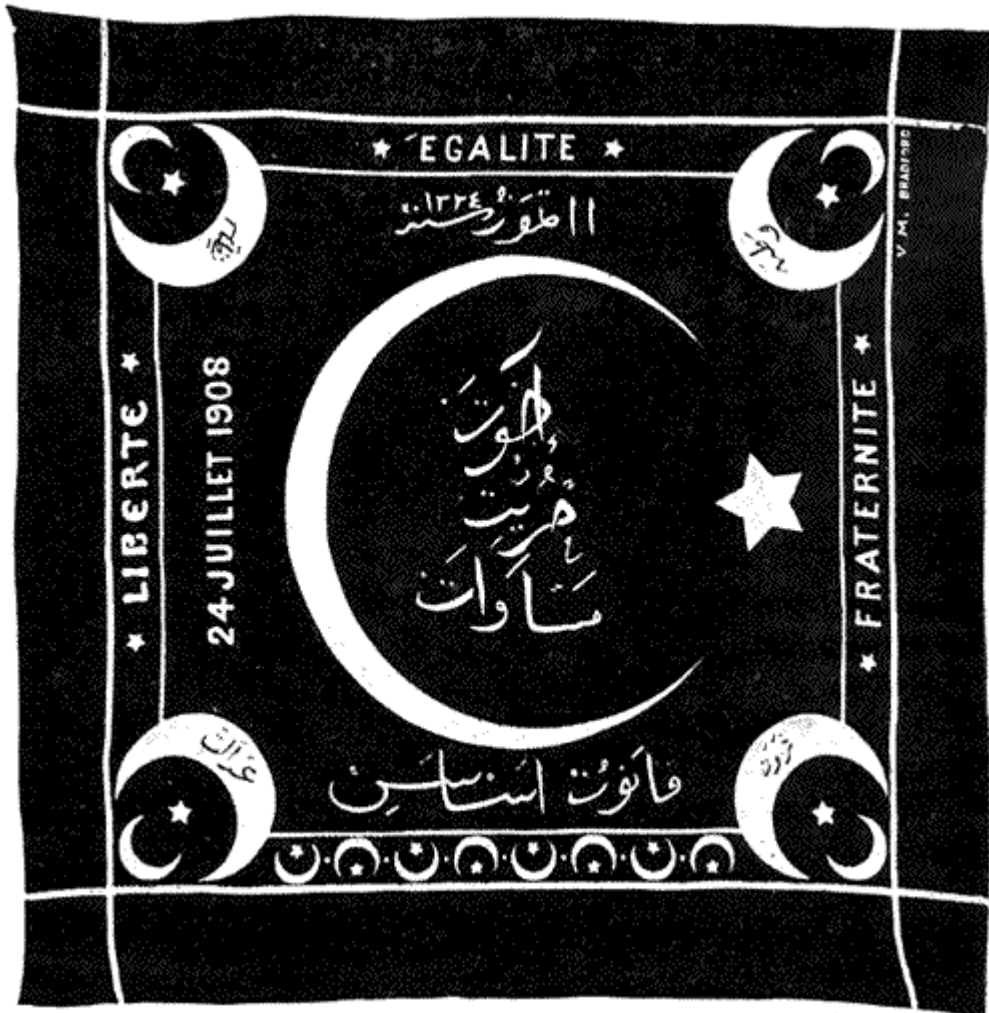
двух систем юриспруденции. Основа системы по-прежнему оттоманская, но время от времени, когда возникает соответствующая необходимость, правительство издает новые постановления и указы, которые являются обязательными для старых законов или просто изменяют прежний порядок вещей.

Когда Специальный уполномоченный, сэр Герберт Сэмьюэл, прибыл в Палестину с тем, чтобы занять свой пост, он принародно зачитал в Иерусалиме и в Хайфе письмо от короля Георга V к народу Палестины. В этом обращении, наряду с прочими вопросами, говорилось о провозглашении полной свободы совести. И это заявление было позднее подтверждено новой конституцией, которая была опубликована после подписания мандатного соглашения. Согласно старому оттоманскому закону, любой человек, пожелавший переменить свою религию, был обязан пройти специальное испытание для того, чтобы это изменение получило законную силу. В течение не более чем двух часов его должен был “испытывать” лидер местной общины от его прежней религии. Целью этого “испытания” было отговорить отступника от совершения его шага. В том случае, если уговоры не помогали, перемена человеком религии считалась вступившей в силу согласно закону, со всеми вытекающими из этого последствиями.

На практике, как бы то ни было, если, разумеется, говорить конкретно о Палестине, этот закон, судя по всему, применялся только в тех случаях, когда свою религию хотели переменить мусульмане, и никак не наоборот. В одном весьма шумевшем случае результаты такого “испытания” были явно сфальсифицированы, но о них было **заявлено** публично. Вслед за чем последовало исчезновение обращенного! С другой стороны, один из очень опытных работников миссии в Египте сообщает нам, что там ему не один раз удавалось эффективно заявлять о нарушенных правах в соответствии с этим самым законом. Он требовал провести беседу с так называемыми обратившимися из христианства в ислам, и в большинстве случаев ему посчастливилось добиться успеха. Практически, уже после нескольких минут уговоров ему удавалось отговорить “отступника” от его намерения [перейти в ислам]. Очень часто подлинным мотивом для перемены своей религии оказывались не религиозные убеждения, но простое желание вступить в брак. Позднее был издан указ, возродивший к жизни этот старинный оттоманский закон. Этот указ предусматривал новый “порядок” проведения “испытаний”. Отныне опрос желающего переменить религию должен был проводиться согласно указаниям местного губернатора, как правило, британца. И, разумеется, новое правило применялось теперь не только к мусульманам, но, в равной степени, к иудеям и христианам.

Само собой, предполагалось, что этот новый порядок вещей должен был только приветствоваться миссионерами: ведь отныне опрос отступников следовало проводить на равных для всех религий, да к тому же еще под присмотром губернатора-англичанина, что уже само по себе

исключало возможность нечестной игры. Лидеры всех общин, представлявшие различные религии, оказывались в равных условиях. В то

«ЛОЖНЫЙ РАССВЕТ» В ТУРЦИИ.

Вот алый стяг, тысячи которых были распроданы по всей стране в день открытия Парламента Турции, семнадцатого декабря одна тысяча девятьсот восьмого года. [Арабские] надписи на полотнище гласят: *«Братство, свобода и равенство» — «Конституционная свобода».*

{155} же время, предполагавшиеся отступники из ислама, желавшие перейти в христианство, должны были располагать какими-то минимальными убеждениями или познаниями, чтобы оказаться в состоянии не ударить в грязь лицом во время двухчасового перекрестного допроса. Ведь им предстояло противостоять местному “муфтию”. Да и стойкости не мешало бы им пожелать, как в моральном отношении, так и в чисто физическом: ведь в случае успешного для них завершения испытания, и предстояло встретить всеобщее презрение, если не преследования со

стороны своих бывших товарищей по вере. Наивно было бы предполагать, что вероотступнику удастся избежать подобного рода последствий. Сегодня же положение дел таково, что арабское население в своем большинстве не склонно признавать новую конституцию Палестины, находящейся под британским мандатом. Конечно же, это и без того затрудняет наше положение, и если в ближайшем будущем кто-нибудь обратится из ислама в христианство, последствия будут далеко не простыми».

Но перенесем свой взор из Палестины в Месопотамию. Здесь внешнее положение вещей выглядит намного более ободряющим, и миссионеры с надеждою ожидают того дня, когда после столетий фанатизма и угнетения христианских меньшинств турецкими властями должен, наконец, наступить период полной свободы религии.

В текст мирного договора, заключенного между Его величеством монархом Великобритании и Его величеством королем Ирака, который был подписан в Багдаде десятого октября одна тысяча девятьсот двадцать второго года, были включены две статьи, гарантирующие свободу вероисповедания и свободу миссионерской работы для всех людей, находящихся на территории этого старинного государства, бывшего некогда центром арабского халифата. Статья 3 гласит:

«Его величество Король Ирака выражает согласие подготовить закон, входящий в систему государственного законодательства, для представления его в Конституционное собрание Ирака, и ратифицировать вышеупомянутый закон, каковой не должен содержать никаких противоречий условиям настоящего Договора. Этот закон должен принимать во внимание права, желания и интересы всех народов, населяющих Ирак. Этот закон, являющийся частью государственного законодательства, должен гарантировать полную свободу совести и свободное выражение всех форм [бого]служений, будучи ограничен лишь вопросами поддержания общественного порядка и морали. В нем должна быть гарантирована недопустимость дискриминации любого рода между жителями Ирака на основании расы, вероисповедания или языка. Он должен будет обеспечивать права каждой [религиозной] общины на создание своих собственных школ с целью образования своих членов на их собственном языке, отвечая в то же время таковым требованиям в сфере образования, каковые может выдвигать правительство Ирака, и которые не должны будут отрицаться или уменьшаться. Этот закон должен будет предписывать конституционную процедуру, законодательного или исполнительного характера, посредством каковой должны будут приниматься решения по всем вопросам, имеющим значимость, включая те, вопросы, которые охватывают сферы налоговой, финансовой и военной политики...».

Далее, в Статье 12 того же самого договора между Великобританией и Ираком, мы читаем следующее:

«В Ираке не должно предприниматься никаких мер с целью воспрепятствовать или вмешаться в миссионерские предприятия, равно как и мер дискриминационного порядка {156} по отношению к любому миссионеру на основании его религиозных убеждений или государственной принадлежности; с учетом того, что подобного рода предприятие не наносит никакого ущерба общественному порядку или добросовестному управлению».¹

Как бы то ни было, для нас гораздо более важно то, чтобы все эти обещания свободы, находящиеся пока лишь на бумаге, послужили волною прилива подлинной свободы, начинающегося в сердцах людей, во всех странах, и вопреки старым исламским законам. И в этом отношении пробуждающийся национализм делает свою работу — пускай он делает ее и не всегда мудро, но, в большинстве случаев, доводя конца.

Все миссионеры, пишущие нам из самых разных мест, практически единодушны в своем мнении, что повсюду наступает духовный рассвет: это грядет новый день свободы. Хотя здесь нужно сказать, что некоторые люди выражают эту надежду с определенной долей тревоги и опасения за завтрашний день. В особенности это касается тех случаев, когда чаяниям миссионеров не суждено было сбыться — их надежды после провозглашения свободы, братства и равенства в Турции не оправдались. В исконно мусульманских странах, таких, как Саудовская Аравия и Афганистан, вообще трудно отыскать какие-либо признаки, которые могли бы говорить о свободе для обращенных из ислама. По-прежнему миссионерам запрещено въезжать в Хиджаз или пересекать границу между Индией и Афганистаном. В Тунисе, если судить по сообщению миссионера, несущего служение в Кайруане, «по-прежнему сохраняется старое отношение, отличительной чертой которого является нетерпимость, хотя некоторые классы из мусульман и стали более терпимы. Власть французов и их влияние, безусловно, способствуют созданию обстановки веротерпимости, хотя в целом французское правительство старается оставаться подчеркнуто дружелюбным по отношению к исламу».²

Тем не менее, нам пишет один миссионер из Алжира: «Сегодня отношение мусульман к христианам стало намного более терпимым. Если вспомнить о мусульманских принципах не употреблять в пищу свинину и не пить вина, то этих обычаев придерживаются уже не столь строго, как раньше. Есть много так

¹ «Договоры и т.д.», *Treaties, etc.*, стр. 95 и 96.

² Ненависть к французским оккупантам среди кочевых племен Туниса была столь сильна, что во время второй мировой войны легендарный английский диверсант Владимир «Попски»-Пенякофф и бойцы его «частной армии» в общении с тунисскими арабами и берберами предпочитали выдавать себя за офицеров и солдат германского вермахта, поскольку французы считались союзниками англичан. «Итальянцы, конечно, тоже воры и обманщики, но не до такой степени, как французы, — объясняли Попски и его людям кочевники и выражали надежду, что, — вы, немцы, наведете порядок среди итальянцев!» (Цитируется по: *Desert Scorpion, Popski's Private Army, Tunisia, 1943*, в сборнике *True Stories of the Elite Forces*, Robinson Publishing, London, 1993). — *Прим. перев.*

называемых “мусульман”, которые пьют вино и нисколько этого не скрывают. Собственное говоря, пьянство получает гораздо большее распространение среди мусульман, чем европейцев. Однако же всякому мусульманину, который осмелится признать Христа, отдавая Ему предпочтение перед Мухаммедом, по-прежнему предстоит перенести немало невзгод». Нас уверяют, что в Персии «за последние двадцать лет произошли радикальные перемены». Новая конституция гарантировала больше свободы и мысли, и деяниям, и полицейские департаменты отныне разбираются с теми делами, которые прежде по большей части являлись прерогативой чисто религиозных судов. Конституция также защищает обращенных [из ислама в христианство] от насилия и религиозного фанатизма толпы. Со слов одного из тамошних миссионеров, «лучший день еще не наступил, он еще впереди, но урожай уже начинает пожинаться. Да, большого кровопролития пока еще не совершалось, но Дух Христов все равно должен возобладать».

{157} Еще один из наших корреспондентов пишет, уже рассказывая о положении во французских колониях в [Северной] Африке, следующее: «Я не думаю, чтобы кто-нибудь рискнул утверждать, что со стороны мусульманских властей отношение к обратившимся в христианство стало более терпимым. Уж скорее можно сказать, что у них прибавилось терпимости к тем из местных жителей, что становятся натурализованными гражданами Франции: страшно подумать, таким даже позволено носить европейские шляпы! Но подобного рода терпимость можно объяснить как результат чисто эгоистических побуждений, или просто дань моде — это явление временное. Однако отвергнуть ислам и перейти в христианство, да еще заявить об этом открыто — нет, это совсем другое дело в глазах любого мусульманина!» В Египте, как бы то ни было, установилось гораздо более терпимое отношение к обращающимся в христианство из ислама. Однако и здесь миссионеры расходятся в своих мнениях относительно того, чем можно объяснить такое изменение во взглядах магометан. Один человек, который уже два десятка лет несет свое служение в разных областях миссионерской деятельности, утверждает: «Использовать закон о вероотступниках во всей его полноте в Египте крайне затруднительно, поскольку британские власти очень строго следят за соблюдением законности. Но вот что может произойти, когда надзор со стороны британского правительства прекратится — предсказать невозможно. Новая конституция, несмотря на то, что всем [египтянам] нравится подчеркивать дарованную ею свободу вероисповедания, похоже, оставляет вопрос об отступниках-мусульманах там, где он и был, не затрагивая его вовсе». Тем не менее, доктор Р. С. Мак-Кланахан является выразителем более оптимистичного взгляда на вещи:

«То, что мусульмане стали более склонны расспрашивать нас обо всем, приходиться на наши собрания, всем интересоваться, покупать Священное Писание и читать его, равно как и прочие книги по [христианской] тематике — безусловный плюс. То, что христианским миссионерам стало отводиться большое внимание, их слушают, как на публике, так и в частных беседах, а многие из лидеров, входящих в движение за независимость своей страны, находят, что свобода совести

является существенной частью для всех остальных свобод: все эти вещи, вне сомнения, означают возросшую веротерпимость. Я убежден, что все это является естественной реакцией на всеобщие разговоры о свободе и независимости, которыми общественная атмосфера была пропитана все последние годы».

В Египте известны примеры и публичного совершения обряда водного крещения, и браков с обращенными из мусульман в христианство. А в одном случае и совершавший брачную церемонию церковный служитель, и жених, равно как и его родители, все оказались перешедшими в христианство из ислама.

Степень терпимости к людям, оставившим ислам и перешедшим в христианство, похоже, тем выше, чем выше влияние иностранного правительства в стране и зависимость ее от этого правительства. Влияние западной цивилизации помогает преодолеть религиозный фанатизм. Это совершенно очевидно и в таких городах, как Константинополь или Аден. «Нет никаких сомнений, что теперь {158} здесь люди стали гораздо терпимее, чем раньше, когда я только прибыл в Аден, — пишет доктор Дж. К. Янг. «На утренней службе народ слушает проповедника со вниманием, а зачастую и с настоящим благоговением, а в [миссионерской] школе [при больнице], как мусульмане, так и иудеи, стали регулярно собираться вместе для произнесения Молитвы Господней. Они сходятся для этого каждое утро, лишь только начинается наша служба — еще до открытия клиники. Люди стали покупать Священное Писание гораздо охотнее, чем прежде. Однажды я продал пятнадцать экземпляров за одно утро, причем в том самом месте, где лишь за несколько лет до этого я не смог продать ни одной книжки! Я абсолютно уверен, что распространение Слова Божия всегда несет с собою свет людям, и наступит тот день, когда все барьеры будут сметены тем потоком Божиих благословений, что неизбежно прольется на Аравию!» А из Константинополя нам пишет другой миссионер: «Сейчас отношение стало гораздо более терпимое. Вероятно, это итог отчасти более близкого контакта с миром Запада, а отчасти большей гласности. Один или двое мусульман стали здесь христианами, и отныне они продолжают жить здесь же, как типичные христиане. Я не могу утверждать, что им совсем ничего не угрожает, но до сих пор им никто ничем не досаждал. Мне кажется, нам следует призывать людей из мира ислама относиться к религии в своей жизни так же, как относятся к ней христиане: религия должна стать объектом критики и исследования, и для каждого человека должна быть предусмотрена свобода изменить свое вероисповедание под давлением собственных убеждений. Как бы то ни было, подобного рода обращению будет сложно достичь те невежественные массы, что продолжают считать преступлением изменение мусульманином своей религии».

В некоторых случаях преследование обратившегося из ислама и его мученичество лишь подтверждает истину слов нашего Господа: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».¹ Доктор Уолтер Р. Миллер приводит один

¹ Евангелие от Иоанна 12:24.

интересный случай, имевший место в Нигерии.¹ «Примерно за двадцать лет до нашего прихода сюда, “маллам” из Кано, на своем пути из Мекки через Египет, услышал слово Евангелия. Хотя он лишь смутно понимал, о чем идет речь, этот человек остался потрясенным величием и глубиной личности Христа. Возвратившись к себе домой, в Кано, он начал проповедовать там то, что сам услышал. Его пытали и умертвили, но он отказался отвергнуть то, во что сам уверовал. Как прямое следствие его благовестия, спустя двадцать лет в том районе выросла небольшая христианская деревенька, и община, состоящая из ста тридцати человек, получила возможность жить согласно христианским законам и учению. Многие из них уже прошли обряд [водного] крещения. К сожалению, {159} сонная болезнь на протяжении последних четырех лет буквально стерла с лица земли эту маленькую общину!» «Однако, — продолжает доктор Миллер, — я не могу сказать, что в настроениях мусульман в Нигерии произошли какие-либо изменения к лучшему. Я полностью убежден, да что там, я могу даже доказать, что лишь только британские власти оставят эту страну, как все нигерийские христиане будут сразу же перебиты. И следует считать аномальной практику Британского правительства чинить препятствия христианину в получении наследства от своего отца-мусульманина, несмотря на то, что тот сохранял со своим сыном самые дружеские отношения».

В складывающейся на сегодняшний день ситуации одним из самых обнадеживающих факторов является то, что образованные мусульмане во всех странах начинают перенимать более либеральные взгляды. Они сами осознают, что политические свободы могут существовать только там, где уважаются права меньшинств, и потому для обеспечения столь желанной свободы исламские законы подлежат обязательным изменениям. Один турок из Аданы, придерживающийся весьма свободных взглядов, так выразил свою позицию в этом отношении в беседе с доктором У. Несбиттом-Чемберсом:

«Минувшие шесть столетий убедительно показали нам, что турки сами по себе не способны на какой-либо прогресс. Магьяры, румыны, болгары и прочие, освободившись от турецкого господства, сумели сделать шаг вперед. Сравните Софию и Адрианополь: города-соседи. Если бы члены наших улем, все наши ходжи и прочие лидеры действительно являлись людьми культурными и образованными, были бы серьезно настроены и не обладали лицеприятием, они бы непременно оказались в состоянии разглядеть подлинные нужды своего государства, и позаботились бы о внесении тех изменений, что необходимы для повышения благосостояния народа. Тогда они бы действовали в лучших интересах людей нашей страны, с учетом всех областей жизни, и заботились бы о всех гражданах, независимо от их возраста. Шести сотен лет подобного существования вполне достаточно. Теперь настала пора приветствовать те

¹ Доктор Цвемер, по всей видимости, просто забыл, что уже приводил этот пример в третьей главе. Точно такой же рассказ находится на стр. 63-64 печатного оригинала. Доктор Миллер подразумевает, что это произошло за двадцать лет до прихода в Нигерию британцев. — *Прим. перев.*

движения, которые ставят своей целью упрочение мира и служат лучшим интересам всех людей...

Разве не пришло время для турецкой расы, располагающей превосходными качествами, сделать шаг вперед, к прогрессу? Если бы только у нас была такая возможность, если бы только мы располагали соответствующими вождями, которые могли бы со всей серьезностью посмотреть на сложившуюся обстановку и отыскать средство для исцеления! Откройте окна и впустите в дома свет!

Разве не следует нам признать, что ислам слишком узок, как религия, слишком ограничен и слишком формален? Разве не должны мы приписать нашу отсталость — и не только нашу, но отсталость, свойственную всем мусульманским странам — наследию ислама? Нам брошен вызов, и мы должны найти ответ. Отчего же нам не посчитать подлинной причиной [нашей отсталости] то, что выглядит {160} очевидным фактом: нет, ислам не служит высоким идеалам, и не воодушевляет людей на исследования. Ислам не дарует нам стремления к прогрессу ни в одной из сфер жизни: ни в материальной, ни в общественной, ни в духовной!

Священный Коран на своем изначальном языке в мусульманском мире известен лишь относительному меньшинству. А [бессмысленное] повторение его слов, как и прочие религиозные ритуалы, ни в коей мере не способствует развитию морального превосходства, да и, как показывает история, не могут служить импульсом для прогресса и повышения благосостояния людей. На чем основано предположение, что Коран превосходит Евангелие? И какая необходимость в том, чтобы Аллах отрицал уже данное Им откровение или предлагал иное взамен его? Мы признаем Иисуса, Мессию Евангелия, пророком Божиим. Так давайте же повернемся лицом к тому свету, который Он может пролить на наши человеческие проблемы. Не будем загораживать то, что дает нам свет и ведение!»¹

На страницах персидской прессы один из редакторов-мусульман так выразил свои взгляды на необходимость новых свобод («Азад», то есть, «Свобода», издано в Тебризе, 1 января 1922 года):

«О, иранцы из секты шиитов, веруете вы, или не веруете! Те из вас, кто верует — пусть откроются у вас уши! и да будет вам дарован слух, чтоб смогли услышать то, что я скажу. Сколь недостойными должны быть те, кто считают ислам религиозной системой духовной и подходящей для всего мира, но забывают, что дерево познается по плодам его. Вот, вы говорите, что эта религия предлагает человеку счастье как в мире сем, так и в грядущем, но во всех местах мусульмане во всем мире занимают положение низкое — они бедны, не блещут чистотою, нецивилизованны, глуповаты, невежественны, и в целом на два столетия отстают от американских и

¹ «Мусульманский мир», *The Moslem World*, том xi, стр. 232, 233, 234.

европейских христиан, да даже и от зороастрийцев...¹ Откажитесь от всего, что связывает вас как последователей всего лишь одного человека, перестаньте говорить, что его заповеди — заповеди Бога и пророка, а, во-вторых, начните относиться к своим разнообразным племенам так, чтобы они перестали быть инструментами в руках соседних наций. Если вы последуете моим советам, уверяю вас, ваше царство обретет истинное величие! Так поднимитесь же на ноги, возьмите свой меч и выкопайте все те сорняки и колючки, что вы взрастили вокруг Мухаммеда — пусть благословение Божие пребудет на нем и на его детях! Тогда вы будете блаженны как в мире сем, так и в том, что грядет. Буду рад выслушать любые пожелания от читателей этой газеты».²

{161} Но не только в Турции или Иране, но и в самой Мекке то здесь, то там слышатся голоса в защиту свободы религии. В одна тысяча восемьсот девяносто девятом году в Мекке то ли состоялась, то ли должна была состояться, конференция по проблемам дезинтеграции в исламе и его упадка. Полный отчет о проходивших там диспутах представляет собою весьма интересный спектр исламской мысли. Он был опубликован в Каире под заглавием «Умм Аль-Кара», то есть, «Мать всех городов» — Мекка. В этом документе говорится о восьмидесяти шести случаях «увядания» и «распада» ислама. Один из делегатов, прибывших для участия в той конференции, заявил, что причинами упадка в исламе явились «...не наши правители, поскольку они всего лишь избираются своими подданными. Каковы мы, такими всегда будут и наши правители. Я считаю, что подлинная причина наших бедствий — утрата свободы. Мы даже не знаем, что такое **свобода**, поскольку у нас ее нет. Тот, у кого она есть, может определить ее следующим образом: это добродетель, посредством которой человек свободен и в словах, и в действиях, и никоим образом или манерою не встречает себе противодействия. Она должна затрагивать разные сферы; она должна вступаться за права человека, и заставлять правителей быть ответственными, поскольку они являются представителями народа. Правители обязаны без колебаний использовать свою власть ради установления справедливости, и не

¹ Современному человеку сложно понять, что представлял собою на деле культ зороастризма. Наверное, помочь разобраться в тех опасностях, которые таит в себе эта система ценностей, может анализ колоссального эпоса Фирдоуси «Шахнамэ». До исламской революции 1979 года Фирдоуси (940-1020 гг.) считался в Иране «отцом своей страны». Наиболее значимым аспектом зороастризма следует считать дуализм: вселенная, по верованиям зороастрийцев, являлась ареной непрекращающейся борьбы добра со злом; и душа каждого человека оказывалась частью этого общего поля битвы. Запад обязан выходцу из зороастризма Мани манихейской религией, которая в своем развитии дошла до полного отрицания физического мира, как принадлежащего «злему божеству» Ариману. Люди, считаясь «набожными христианами», на деле поклонялись идолу — лжи. Больше всего на свете им хотелось достичь некоего «духовного совершенства», и этот «триумф духа» зачастую завершался сознательным разрушением собственного тела. Популярность подобных лжехристианских воззрений на Востоке была гораздо выше, чем на Западе. Этот отрыв Восточной церкви от реальности и ее «небрежение о плоти» привели в конечном итоге к ужасающему по своим последствиям социальному взрыву — русской революции. — *Прим. перев.*

² «Доклад по Индии и Персии» Роберта Спирса, Robert E. Speer's *Report on India and Persia*, стр. 381-382.

должны бояться высказывать свое мнение, когда от них ждут совета. И, опять же, свобода должна быть и в образовании, и в публичных выступлениях. Должна существовать и свобода прессы, и свобода в научных диспутах. И в делах правосудия люди должны обладать свободой, чтобы никому не пришлось бояться человека злого, испорченного, равно как и склонного к измене или вероломству. Но превыше всего должна цениться свобода религии — та благодетель, что утверждает права каждого человека и охраняет честь его семьи. Эта свобода побуждает людей добиваться образования, и образовательные науки при ней действительно процветают. Свобода — это суть любой религии. Нет никаких сомнений, что свобода для человека является дороже всего, за исключением разве самой его жизни. Потерять свободу, означает утратить надежду, и отбить у людей охоту к труду: тогда и дух в человеке увядает, и законы отмирают, и заповеди преступаются».

Конечно же, когда подобные голоса слышны и в Турции, и в Иране, и даже в Мекке, мы чувствуем, как у нас прибавляется отваги. Призыв к государственной независимости включает в себя нечто большее, чем просто желание добиться для своей страны самоуправления. Сегодня ислам, судя по всему, находится в кризисе, и этот кризис — в сердцах мусульман. Характер Корана, жизнь Пророка Аравии, а также законодательная система, основанная на этих двух началах, вступают в конфликт с идеей о свободе религии. Миссионеры совместно с людьми, обращенными в христианство из ислама, могут обрести силу в мысли о том, что магометанство сегодня поставлено перед судом истории. И этот суд будет гораздо более безжалостным, {162} более ищущим обвинения, и более справедливым, чем какой-либо из частных судов. Это будет окончательный суд. И в этой уверенности мы можем набраться терпения, чтобы ждать. А пока мы будем находиться в ожидании, по всему миру станут множиться обращенные из ислама, которые отныне в состоянии безбоязненно взирать на закон о вероотступничестве — и все это благодаря любви Иисуса Христа.

VII.—БИБЛИОГРАФИЯ.

- АБД АР-РАХИМ. ABD-UR-RAHIM. *Mohammedan Jurisprudence*. Thacker & Co., Калькутта, 1911.
- АД-ДИМИШКИ. AD DIMISHQY. *Targamet ul Umma fi Ikhtilaf al A'imat*.
- АЛЬ-АЙНИ. AL 'AINI. *'Amdat-ul-Qari*. Том XI.
- АЛЬ-АСКАЛАНИ. AL ASKALANI. *Fath-ul-Bari*. Том XII.
- АЛЬ-БУХАРИ и МУСЛИМ. AL BUKHARI, and MUSLIM. — *Traditions*.
- АЛЬ-ГАЗАЛИ. AL GHAZALI'S *Wajiz*. Том II. Каир, 1317 год хиджры.
- АЛЬ-РАГИБ. AL-RAGHIB. *Mufradat-fi-gharib-ul-Quran*.
- АМИР АЛИ. AMEER ALI. *The Spirit of Islam*. Калькутта, 1902.
- АРНОЛД, Т. У. ARNOLD, T. W. *The Preaching of Islam*.
- БАРТОН, ДЖЕЙМС Л. BARTON, JAMES L. *Daybreak in Turkey*. The Pilgrim Press, Бостон, 1910.
- БЕРБРЮЖЕ, А. BERBRUGGER, A. *Geronimo, le Martyr du Fort des Vingt-quatres-heurs*. Алжир, 1859.
- БЕЦОЛЬД, КАРЛ. BEZOLD, CARL. *Festschrift Ignaz Goldziher*. Страсбург, 1911, стр. 206, 207.
- КАЭТАНИ. Caetani *'Annali dell 'Islam*. Милан, 1913.
- Отчет о Каирской конференции. Каир Conference Report. *Methods of Mission Work Among Mohammedans*. 1906.
- ДЕЛЕВО, Л. DELEVAUX, ABBE L. *Geronimo L'Emmure de Bab-el-Oued*. Drame Historique. Алжир, 1920.
- ДАУТИ К. М. DOUGHTY, C. M. *Wanderings in Arabia*. Лондон, 1923.
- ФАИЗ БАДРУДДИН ТЪЯБДЖИ. FAIZ BADRUDDIN TYABJI. *Principles of Mohammedan Law*. D. B. Taraporevala & Sons, Бомбей, 1913.
- ФИНДЛИ, ЭНДРЮ Г. FINDLAY, ANDREW G. *The Crescent in North-west China*. Лондон, 1922.
- ФОРТЕСКЬЮ, ЭДРИАН. FORTESCUE, ADRIAN. *The Lesser Eastern Churches*. Лондон, 1913.
- ГИББОН, ЭДВАРД. GIBBON, EDWARD. *History of the Roman Empire*.
- ГОЛДСАК, УИЛЬЯМ. GOLDSACK, WILLIAM. *Selections from Mohammedan Traditions: translated from the Arabic*. Мадрас, 1923.
- ХЭМИЛТОН, ЧАРЛЗ. HAMILTON, CHARLES. *Al Hedaya*, by Burhan ed Din 'Ali.

- В четырех томах. Лондон, 1791.
- ХАРЛОУ, С. РАЛФ. HARLOW, S. RALPH. *Student Witnesses for Christ*. Нью-Йорк.
- ХОВАРД, Э. К. HOWARD, E. C. *Minhaj-at-Talibin; A Manual of Mohammedan Law according to the School of Shafi'i*, by Nawawi, from the French Edition of A.W.C. van den Berg. Thacker, Лондон, 1914.
- ИБН ХИШАМ. IBN HISHAM. Vol. I. Каир Edition.
- ИБН РУШДИ АЛЬ-КАРТАБИ. IBN RUSHDI AL QARTABI. *Badayet-al-Mujtahid*. В двух томах. Каир.
- «Исламское обозрение». *Islamic Review* (за ноябрь 1916 года). *Apostasy and its Consequences under Islam and Christianity*, стр. 485 и далее.
- ДЖЕССУП, ХЕНРИ Х. JESSUP, HENRY H. *Fifty-three Years in Syria*. Revell. Нью-Йорк.
- ДЖЕССУП, ХЕНРИ Х. JESSUP, HENRY H. *Kamil. The Setting of the Crescent and the Rising of the Cross*. Филадельфия, 1898.
- ДЖУЙНБОЛЛ. JUYNBOLL. Article on "Apostasy" in *Encyclopedia of Religion and Ethics*. Том I.
- КОРАН. KORAN. Arabic text and Palmer's Translation.
- МАК-ДОНАЛД, Д. Б. MAC DONALD, D. B. Article on "Djihad," *Encyclopedia of Islam*. Лейден.
- {164}
- МАРГОЛИУТ, Д. С. MARGOLIOUTH, D. S. *The Early Development of Mohammedanism*. Лондон, 1914.
- МЭТТЮЗ. MATTHEWS. *Mishcat*. Том II.
- МОХАМЕД АЛЬ-АБДАРИ ИБН ХАДЖ. MOHAMMED AL ABDARI IBN HADJ. *Al Madkhal*. Том II.
- МОНТЕ, ЭДУАРД. MONTET, EDOUARD. *Etudes Orientales et Religieuses*. Женева, 1917.
- МУЛ, Э. К. MOULE, A. C. *Fourteenth-century Missionary Letters*. "The East and West." За октябрь 1921 года.
- ОББИНК. OBBINK. *De Heilige Oorlog*. Brill, Лейден.
- ЭКОНОМОС, ЛИСИМАХ. OECONOMOS, LYSIMACHOS. *The Martyrdom of Smyrna and Eastern Christendom*. Лондон, 1923.
- ОЗБОРН, РОБЕРТ Д. OSBORNE, ROBERT D. *Islam under the Khalifs of Baghdad*. Лондон, 1878.

- ПАУТЦ, ОТТО. PAUTZ, OTTO. *Mohammed's Lehre der Offenbarung*.
- ПЕННЕЛЛ, Т. Л. PENNELL, T. L. *Among the Wild Tribes of the Afghan Frontier*. Лондон, 1909.
- ПФАНДЕР К. Г. PFANDER, C. G. *The Mizanu'l Haqq (Balance of Truth)*. Лондон, 1910.
- КЕРРИ, А. QUERRY, A. *Droit Musulman. Recueil de Lois concernant les Musulmans Schyites*. Том II, стр. 528-533. Париж, 1872.
- РИВС, У. ПЕМБЕР. REEVES, W. PEMBER. *Christiani ad Leones; The Great Powers and the Eastern Christians*. Лондон, 1922.
- Отчеты Общей миссии Египта. Reports of Egypt General Mission, 1903-1922.
- РАССЕЛЛ, Э. Д. RUSSELL, A. D. *A Manual of the Law of Marriage from the Mukhtasar of Sidi Khali*. Лондон.
- РАКСТОН, Ф. Х. RUXTON, F. H. *Convert's Status in Maliki Law*. The Moslem World. Том III.
- ШУЛЬТГЕСС, ФРИДРИХ. SCHULTHESS, FRIEDRICK:. *Die Machtmittel des Islams*. Цюрих, 1923.
- СКОТТ, ДЖЕЙМС ХАРРИ. SCOTT, JAMES HARRY. *The Law Affecting Foreigners in Egypt as a Result of the Capitulations*.
- СЭЛЛ, ЭДВАРД. SELL, CANON EDWARD. *Faith of Islam*. Лондон, 1907.
- ШЕДД, УИЛЬЯМ ЭМБРОЗ. SHEDD, WILLIAM AMBROSE. *Islam and the Oriental Churches*. Нью-Йорк, 1908.
- САЙМОН, ГОТФРИД. SIMON, GOTTFRIED. *The Progress and Arrest of Islam in Sumatra*. Marshall Brothers, Лондон.
- СМИТ, ДЖОРДЖ. SMITH, DR. GEORGE. *Henry Martyn*. Лондон, 1892.
- СМИТ, Х. П. SMITH, H. P. *The Bible and Islam*. Лондон, 1897.
- СПИР, РОБЕРТ Э. SPEER, DR. ROBERT E. *Missions and Modern History*. Нью-Йорк, 1904. Том II. "The Armenian Massacres," стр. 441-484.
- «Отчет по Индии и Персии». *Report on India and Persia*. Board of Foreign Missions, Нью-Йорк, 1922.
- СТОК, ЮДЖИН. STOCK, EUGENE. *History of the Church Missionary Society*. Лондон, 1916.
- «Договоры» и т.д. *Treaties, Acts and Regulations Relating to Missionary Freedom*. International Missionary Council, Лондон, 1923.
- УОТСОН, ЭНДРЮ. WATSON, ANDREW. *History of the American Mission in Egypt*. United Presbyterian Board of Publication,

Питтсбург.

УИЛСОН, С. Г.

WILSON, S. G. *Bahaism*. The Moslem World. Том IV.

УИЛСОН, С. Г.

WILSON, S. G. *Bahaism and its Claims*. Нью-Йорк, 1915.

ЗАМАХШАРИ.

ZAMAKSHARI. *Commentary on the Koran*.